

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Выпуск 8

№ 9(69)

Межвузовский сборник научных статей
Издается с января 2004 г.

2010

Волгоград
2010

Учредитель: ГОУ высшего профессионального образования
"Волгоградский государственный технический университет"

Сборник зарегистрирован в Управлении регистрации и лицензионной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС77–25660 от 13 сентября 2006 г.

Главный редактор сборника "Известия ВолгГТУ"

д-р хим. наук проф. член-корр. РАН *И. А. Новаков*

Редакционная
коллегия серии:

д-р пед. наук, проректор по учебной работе ВолгГТУ *Р. М. Петрунева*
(ответственный редактор);

д-р филос. наук профессор факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ
им. Н. Э. Баумана *Н. Г. Багдасарьян*;

д-р филос. наук, декан факультета философии и культуры РГУ *Г. В. Драч*;

д-р социол. наук проф. ВГМУ *В. В. Деларю*;

д-р социол. наук, зав. каф. истории, культуры, социологии ВолгГТУ *Н. В. Дулина*;

д-р ист. наук проф. Российского государственного гуманитарного университета
В. Д. Зимина;

д-р филос. наук, зав. каф. философии ВолгГТУ *Е. Ю. Леонтьева*;

д-р пед. наук, зав. каф. иностранных языков ВолгГТУ *А. М. Митина*;

канд. социол. наук доцент ВолгГТУ *Н. А. Овчар* (ответственный секретарь)

д-р ист. наук, зав. каф. истории ВГАСУ *Г. В. Орлов*;

д-р филос. наук профессор ВолГУ *Н. В. Омельченко*;

д-р юр. наук проф. ВолГУ *Н. В. Ростовщиков*;

член-корр. РАО, д-р пед. наук, зав. каф. ВГПУ *В. В. Сериков*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Волгоградского государственного технического университета

Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч.
ст. № 9(69) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2010. – 168 с. (Сер. Проблемы социально-гуманитарного
знания. Вып. 8).

ISSN 1990–5297

Содержит статьи, раскрывающие методологические и некоторые методические аспекты гуманитар-
ных наук.

Ил. 9. Табл. 12. Библиогр.: 274 назв.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Стручалина А. П.</i> Физика и метафизика денег.....	5
<i>Соловьев А. А.</i> Опережающее образование в условиях социальной неопределенности.....	8
<i>Мартынова М. Д.</i> Духовно-нравственное воспитание студентов: мировоззренческий аспект.....	12
<i>Бобровников В. Г.</i> К вопросу об определении мотивационного поля благотворительности.....	16
<i>Григорьев А. В.</i> Риск как социокультурный феномен.....	19

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Звоновский В.</i> Московское время и российские пространства.....	24
<i>Лебедева С. О.</i> Город как социокультурное пространство.....	29
<i>Парамонова В. А.</i> Город и деревня: критерии отличия.....	33
<i>Дубровченко Ю. П.</i> Система высшего образования как фактор социально-экономического развития региона.....	37
<i>Каргаполова Е. В.</i> Ресурсосберегающие технологии в инновационном социальном развитии.....	40
<i>Лебединцева Л. А.</i> Интеллектуальная деятельность и инновации: социально-экономический подход.....	43
<i>Щекин Г. Ю.</i> Реклама как один из определяющих факторов современного туризма.....	47
<i>Шереметьева Л. Н.</i> Шанс разумного выхода из кризиса общественного сознания современной России.....	51
<i>Вандышева Л. В.</i> Проблемы и перспективы реализации филантропического подхода к деятельности дошкольных образовательных учреждений.....	57
<i>Фитьмова А. А.</i> Исследование мотивационной структуры личности будущих врачей.....	62
<i>Гулевский А. Н., Гулевская Н. А.</i> Анализ теоретических подходов к пониманию войны.....	66
<i>Опалев М. Н.</i> Вклад Сталинградской паромной железнодорожной переправы в Победу 1945 г.	70
<i>Прошечкин С. Е.</i> Основные формы классовой борьбы сельскохозяйственного пролетариата Поволжья на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Саратовской и Самарской губерний).....	73
<i>Токарев В. В., Дулина Н. В.</i> Опыт социального мониторинга в городе.....	78
<i>Каменская Е. А.</i> Организационно-структурная составляющая реализации государственной информационной политики в российских регионах.....	86

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Перцева Ю. И., Наумов И. Н.</i> Культурная политика: к определению понятия.....	91
<i>Приходько Е. А.</i> Историческая память и историческое сознание.....	94
<i>Свечкарева В. Р.</i> Принцип комплементарности мужского и женского начал в морали.....	98
<i>Черемушников И. К.</i> Имидж в эпоху «восстания масс».....	103
<i>Урсу Н. А.</i> Традиционная пространственная и функциональная организация интерьера доминиканских храмов Западной Европы.....	107
<i>Березина И. В.</i> Наполеон Орда: художник-документалист и культурный деятель.....	110

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Петрунева Р. М., Васильева В. Д., Дулина Н. В.</i> Будущие инженеры о социогуманитарном смысле учебного инженерного проектирования.....	115
<i>Высоцкая И. В., Митина А. М.</i> Модели и технологии обучения людей пожилого возраста: анализ отечественных и зарубежных подходов.....	118
<i>Сертионова Е. И.</i> Опыт обучения психологии с применением технологии «кейс-стади» в старших классах.....	122
<i>Митина А. М., Новоженкина Е. В.</i> Система критериев эффективности современного занятия по иностранному языку в дополнительном образовании.....	129
<i>Феофанова Л. Н., Тарасова И. А., Ермакова А. А., Исаева Л. А.</i> Формирование готовности у будущих менеджеров применять математические методы в решении учебных профессионально-ориентированных задач.....	132
<i>Тихушина И. А.</i> Педагог дополнительного образования за рубежом.....	137
<i>Федотова Н. В.</i> О проблеме преподавания графических дисциплин в техническом вузе.....	139
<i>Чечет Т. И., Коноваленко А. В.</i> Возможности использования фотографий с эмоционально-эстетическим компонентом на занятиях по немецкому языку в техническом университете.....	143
<i>Семенова М. А.</i> Об особенностях преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» в техническом вузе.....	146
<i>Дулина Н. В., Ситникова О. И.</i> Использование краеведческого потенциала для воспитания патриотизма на кафедре истории, культуры и социологии ВолгГТУ.....	149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ХРОНИКА, СОБЫТИЯ, КОММЕНТАРИИ

<i>Леонтьев А. Н.</i> Образовательный процесс в Германии.....	154
<i>Дулина Н. В.</i> Портреты регионов в зарисовках российских социологов.....	157
<i>Овчар Н. А.</i> Морально-этические основы профессиональной деятельности: как этому учат (по результатам семинара в Институте государственной службы (г. София, Болгария)).....	159
<i>Ситникова О. И.</i> Студенческий творческий конкурс «Край родной, навек любимый».....	160
<i>Дулина Н. В., Овчар Н. А., Петрунева Р. М.</i> Сталинград и Сталинградская область – Великой Победе.....	161
<i>Дулина Н. В., Овчар Н. А.</i> Не прошедшее время: студенчество о Великой Отечественной войне.....	164
К сведению авторов.....	167

ББК Ю21

А. П. Стручалина

ФИЗИКА И МЕТАФИЗИКА ДЕНЕГ*

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: astruchalina@yandex.ru

В статье анализируются экономические функции денег в метафизическом и социальном контексте. Философский (метафизический) подход позволяет выявить соотношение материального, вещественного и идеального, смысложизненного в их функционировании. Показано, что историческая эволюция денег ведет к возрастанию их символического, знакового выражения, они все активнее освобождаются от посреднической роли. Деньги становятся самостоятельной субстанцией, экономика превращается в финансомику, что деформирует структуру хозяйства, мотивы социальной активности, ценностные ориентации людей. Из экономики вытесняется принцип справедливости, что разрушает социальное согласие и социальный порядок.

Ключевые слова: деньги, физика, метафизика, экономика, хрематистика, бытие, ничто, субстанция, потребность, функция, порядок, хаос, присвоение, отчуждение, качество, количество.

A. Struchalina

PHYSICS AND METAPHYSICS OF MONEY

Volgograd State Technical University

The article contents analysis of money's economic function in metaphysic and social context. Philosophic (metaphysic) approach lets to reveal a correlation between material and ideal in money functioning. Historic evaluation leads to increase of money's symbolic significance. Money becomes free from mediatory role. Money becomes independent substation, economy converts into chrematistic. It deforms economic structure, social motivation, people's valuable orientation. It forces out principle of justice from economy, destroys social agreement and social order.

Keywords: money, physic, metaphysic, economy, chrematistic, being, nothing, substation, need, function, order, chaos, appropriation, alienation, quality, quantity.

В первой части статьи, опубликованной в предыдущем номере, был дан философский анализ функции денег как меры стоимости. Дальнейшее исследование обращает нас к их другой роли: средства накопления, средства обращения и средства платежа.

Деньги как средство накопления

Средством накопления деньги становятся в следующих условиях:

– когда по мере социального расслоения и неравномерного распределения общественного богатства у отдельных лиц и социальных групп накапливаются свободные средства, не используемые ни для личного потребления, ни для развития производства;

– когда в силу товарного дефицита денежные средства остаются неиспользованными (вынужденные накопления);

– когда присутствует отложенное потребление – накопления на старость, на поддержку детей, на будущие покупки;

– когда совершается предварительное накопление с целью передачи денег в заем, кредит (у частных лиц – ростовщиков, у банков, кредитных кооперативов и др.)

В каждом из вариантов деньги являются носителем временной связи прошлого – настоящего – будущего и тем самым обеспечивают определенную причинно-следственную связь, хотя ценностно-нравственный характер этих связей существенно различен. Одно дело: вложение свободных денег в банки, имущество, антиквариат, драгоценности – в этом случае они символизируют богатство, принадлежность к определенной социальной группе, используются как средство создания престижного имиджа, социальной привлекательности, как харак-

* Окончание. Начало в № 6 (67).

теристика успешного человека. Другой социальный смысл имеют накопления, сделанные в силу заботы о своей старости, о поддержке детей. Они свидетельствуют о личной ответственности людей, о связи поколений, об отсутствии потребительского ажиотажа. И особый случай – ростовщичество, кредитная деятельность, когда делание денег становится целью самой по себе (появляются деньги из воздуха), денежные накопления стимулируются целью наживы, часто сопряженной с обманом, мошенничеством, причем двусторонним, обоюдным: «на легкие деньги летят легкие люди». Большой процент невозврата заемных денег в конце 2008 года был обусловлен не только объективными кризисными трудностями, но и во многом запланированным невозвратом: люди брали кредиты, не собираясь их возвращать, пользуясь несовершенством законодательства и нетребовательностью банков. Эти процессы стали возможными в силу *двойственной природы денег*. С одной стороны, они как универсальный заменитель товарных ценностей позволяют осуществиться связям, разделенным во времени, стимулируют воображаемое потребление, с другой – не будучи ценностями сами по себе (кроме золотых денег), они подвержены стоимостным колебаниям, обретают вес и значение в зависимости от социальных условий, в которых они функционируют: на них влияют инфляция, финансовая политика государства, осуществляющего денежные реформы и контролирующего объем денежной массы, слабая защита стоимости самих денег законом, политические форс-мажорные обстоятельства и т. д. Российское общество пережило немало таких форс-мажоров, разрушающих прогнозируемость социальных связей, обесценивающих вложенный труд и даже прожитые годы жизни, разбивающих надежды и жизненные перспективы людей. В результате не находят опоры для определения жизненной стратегии как отдельные индивиды, так и социальные группы, общественные институты. К примеру, в российском обществе до сих пор не разрешены проблемы обманутых вкладчиков, не прекращаются дебаты вокруг вложений в Резервный фонд и Фонд поддержки будущих поколений. Финансовые аналитики не сходятся в ответе на вопрос: «В какой валюте лучше держать сбережения: рублях, долларах, евро?» и т. д. Потеря доверия к национальной валюте приводит к замене ее на внутреннем рынке другой, более

стабильной. В России в период высокой инфляции в 1992–1994 гг., кризиса 1998–1999 гг. в качестве меры стоимости, средства накопления выступали доллары США и денежные знаки других стран. Сегодня вновь в условиях скачков курсов мировых валют и рубля возрастает склонность к подобной замене. Возникают и более глубокие макроэкономические зависимости: влияние кризиса, возникшего в США, на российскую финансовую систему и экономику.

Деньги как средство обращения

В качестве *средства обращения* деньги обеспечивают переход от прямого товарообмена (бартера) к опосредованному обмену ценностями, позволяют отделить акт продажи от последующего акта покупки. Они могут быть осуществлены совершенно незаинтересованными во взаимном обмене людьми (я продаю автомобиль, чтобы впоследствии купить на вырученные деньги драгоценности, которых покупатель автомобиля не имеет). Такие процедуры обеспечивают проявление одной из форм экономической свободы, предоставляют больше возможностей для реализации товаров. В условиях свободного хождения валют разных стран возрастает возможность для межгосударственного перемещения капитала, что создает условия для активной миграции людей, свободного выбора места проживания, работы, обучения, расширяет межличностные контакты. В этой функции деньги становятся инструментом глобализации. Вместе с тем в процессе обращения деньги наделяются ценностью, которая недолговечна, может проявить себя только в момент совершения купли-продажи, и как всякий продукт исчезает после ее завершения. Как следствие, к исполнению подобной услуги вполне пригодны бумажные денежные знаки, не имеющие собственной ценности (кроме затрат на их изготовление). Впервые бумажные деньги (банкноты) стали выпускать в конце XVII века в Европе и Северной Америке (в Китае – в конце XIII века). До 70-х годов XX века их ценность обеспечивалась золотым запасом. Сегодня этой связи нет. Америка как владелец мировой валюты отказалась от ее золотого обеспечения. Бартер тоже не исчез из торговой практики, он вновь оживает в условиях разрушения хозяйственных связей, недостатка финансовых средств (так было в России начала 1990-х годов, частично имеет место и сегодня).

Деньги как средство платежа

Как *средство платежа* деньги обслуживают кредитные отношения, то есть куплю-продажу с отсрочкой платежа. Это усложняет хозяйственные связи, вводит в них дополнительных посредников, вносит в хозяйственный процесс больше случайного, трудно прогнозируемого. Экономические агенты, вовлеченные в этот процесс, в большей степени ориентированы на будущее: это расширяет их покупательские возможности, но и повышает долю риска. С помощью подобной функции денег общество стимулирует развитие потребления, не всегда достаточно оправданного с точки зрения реальных покупательских возможностей людей. Люди покупают недоступные им товары, за которые никогда не смогут расплатиться в будущем, и тем самым неизбежно вовлекаются в погоню за добыванием денег, теряют вместе с этим долю экономической и социальной свободы. Возникает иллюзия всеобщей доступности материальных благ, иллюзия экономического равенства, за которую приходится порой жестоко расплачиваться. Западный мир со второй половины XX века начал жить в кредит, общество потребления сформировало определенный психотип людей – кредитоман. Это человек, живущий в долг, желающий получить все и сейчас, не считаясь со своими реальными финансовыми возможностями. В долг стали жить целые страны. Америка потребляет 40 % мирового ВВП, производя лишь 20 %. Греция и другие страны южной зоны Евросоюза не могут расплатиться с долгами и ставят под угрозу экономическое благополучие всей Европы. Психологической, идейной основой расточительного образа жизни стал новый гедонизм, проповедующий жизнь в удовольствии. На его тиражирование работает индустрия массовой культуры, формирующая подражательное поведение – следование массовым образцам, стандартам, идолам. Пропуском в вожделенный мир удовольствий служат деньги, главной характеристикой человека становится его финансовая возможность: платежеспособный он или неплатежеспособный. Стремление иметь все и сейчас вовлекло в кредитные отношения многих наших сограждан. Кризис потянул за собой цепочку невозвратов взятых кредитных средств, которая до сих пор грозит крахом всей финансовой системы. На этих примерах видно, что деньги в своем функционировании порождают многообразные системные связи, которые

затрагивают все жизненные сферы и каждого. Деньги – мощный стимул движения, развития социальной инициативы и механизм, обеспечивающий это развитие. Вместе с тем это очень хрупкая материя, постоянно испытываемая на прочность временем. В каждый момент жизни деньги могут все и могут превратиться в ничто. Неизбежность такой диалектики трудно осознается и еще труднее принимается, но это осознание – единственный спасительный прием разрешения многих жизненных драм людей. Современное общество взвалило на деньги колоссальную меру значимости и ответственности, что позволяет рассматривать их в категориях «бытие» и «ничто». Став средством связи, мостиком между потребностями людей и их жизненной активностью, деньги участвуют в конструировании реальности, действительного бытия людей, увеличивают их значимость, влияние на мир и отношения. Потеря этого средства влияния превращает индивидуальное бытие людей в ничто, лишает смысла в собственных глазах, приводит к ощущению жизненного банкротства. Люди оказываются не готовы принять иную жизненную реальность, теряют место в жизни.

Несмотря на опасные подводные камни, функция денег как средства платежа расширяется (особенно стимулируется этот процесс внедрением электронных систем расчетов – в США в настоящее время около 95 % всех денежных расчетов совершается через банковские счета). Это меняет расстановку значимости функций: поглощается функция средства обращения – все больше денег из карманов переносится на счета, люди удовлетворяют свои потребности, не прикасаясь к денежной субстанции. Виртуальное существование денег тоже позволяет некоторым авторам рассматривать их в категориях «бытие» и «ничто». В данной статье рассмотрены физические (материальные, экономические) функции денег во взаимодействии с их метафизическим, главным образом, социальным смыслом. Этим возможности философского анализа не исчерпываются, а лишь приближают к пониманию их антропологических, человекообразующих или человекоуничтожающих связей, что может быть предметом отдельной статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аристотель*. Афинская политика / Аристотель. – М.: Мысль, 1997. – С. 50.

2. Брю, С. Л. Экономика: принципы, проблемы и политика / С. Л. Брю, К. Р. Макконелл; пер. с англ. – 11-е изд. – М.: Республика, 1992. – С. 264–275.
3. Дементьев, А. Воры стали властителями дум? / А. Дементьев // АиФ. – 2009. – № 36. – С. 3.
4. Долан, Э. Деньги, банки и монетарная политика / Э. Долан, Р. Кемпбелл. – Драйден пресс, 1988. – С. 6.
5. Костиков, В. И кто шакалит? Российский кризис углубляет разрыв между людьми / В. Костиков // АиФ. – 2009. – № 36.
6. Костиков, В. Сапоги Саввы Морозова. Где бизнес с человеческим лицом? / В. Костиков // АиФ. – 2010. – № 5. – С. 6.
7. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 146–151.
8. Маркс, К. Конспект книги Дж. Милля «Основы политической экономии» / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 32–37.
9. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – 2-е изд. – Т. 46 (II). – С. 403–494.
10. Мусин, М. В плену у спрута / М. Мусин // АиФ. – 2007. – № 50. – С. 16.
11. Шмелев, Н. Интервью газете «Аргументы недели» / Н. Шмелев // Аргументы недели. – 2010. – 14 января. – С. 3.

УДК 101.1: 316

ББК Ю6

А. А. Соловьев

ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: lokotigr@mail.ru

В статье представлен взгляд на философию образования как отрасль знания, основная задача которой в современном обществе обусловлена необходимостью выработки механизмов выявления универсального содержания учебно-воспитательного процесса, обеспечивающего адаптацию человека к новым социальным реалиям.

Ключевые слова: образование, цели образования, неопределенность, опережающее образование.

A. A. Soloviev

ADVANCING EDUCATION IN SOCIALLY UNCERTAIN CONDITIONS

Volgograd State Technical University

Interpretation of philosophy of education as section of knowledge which primary purpose in a modern society is caused by necessity of development of mechanisms of revealing of the universal maintenance of the teaching and educational process providing adaptation of the person to new social realities is presented in the article.

Keywords: education, the purposes of education, the uncertainty, advancing education.

Образование – один из тех немногих институтов, деятельность которых направлена в первую очередь на будущее развитие общества. Поэтому объективной сложностью в постановке целей образовательного процесса является необходимость учета неизбежного изменения социального бытия. Конкретные масштабы и рамки этого изменения рассчитать непросто. В то же время образованию так или иначе приходится ориентироваться на те или иные прогнозы относительно будущего состояния социума.

Всякое будущее предполагает значительную степень неопределенности. А степень непредсказуемости развития имеет тенденцию увеличиваться по мере усложнения системы социальных отношений, обусловленного научно-техническим прогрессом. Любая причина способна создавать все больше следствий. Вряд ли приходится рассчитывать на то, что на сле-

дующих этапах нестабильных и неконтролируемых процессов не будет. Однако указывается, что социальная неопределенность – это «нестабильное состояние, в котором находится общество или социальная группа в условиях кризисов, социальных реформ, характеризующихся деформацией всех привычных структур и морально-нравственных устоев» [1, с. 42].

Возможность наступления кризиса и вообще любого переходного состояния общества всегда очень велика. Современная система образования в силу своей инертности, как правило, не может адаптироваться даже к существующей системе общественных отношений. Чаще всего обучение ориентируется на уходящую в прошлое эпоху, а воспитание подчиняется интересам тех или иных политических сил, стремящихся к обеспечению лояльности по отношению к власти имущих либо к той или иной поддержке оппозиционных настроений.

Автор полагает, что адаптация образования к существующим запросам общества – задача крайне сложная и малоэффективная. Образование должно соответствовать любому состоянию социума. Здесь можно говорить о самоорганизации образовательного процесса в его взаимодействии с институтом гражданского общества.

Неопределенность будущего, с точки зрения многих отечественных специалистов, является разрушительным для социума фактором. В то же время полная неопределенность фактически является и полной определенностью, поскольку в случае отсутствия информации любой из вариантов действия представляется разумным и выбор невозможен. Ситуация полностью определена.

Приходится признавать, что любая ситуация стремится к максимальной определенности, хотя в современной науке мир признается в целом как хаотичный, нестабильный, неравновесный. Но любой хаос, нестабильность и неравновесность так же условны, как и любая неопределенность. И возможности общества в плане изменения вышеуказанных состояний весьма невелики. В то же время приспособление к этим состояниям является вполне достижимым в любых условиях. И опережающее обучение представляется не способом реализации прежних целей новыми методами, а в первую очередь определением новых целей не только образования, но и социума.

Под опережающим образованием понимается прежде всего совокупность процессов, направленных на подготовку человека (группы людей) к успешной деятельности в новых условиях. Важной задачей на данном этапе изучения проблемы представляется уяснение принципов такой подготовки. В связи с тем, что новые условия достаточно сложно определить, вышеуказанная задача предполагает целью выдвижение некоторых постулатов образования, в рамках которых деятельность образовательных учреждений будет обеспечивать индивида тем ресурсом, который позволит ему успешно функционировать вне зависимости от того, какими будут новые условия.

Необходимо определиться и с тем, зачем вообще нужна реализация поставленной задачи; зачем нужно успешное функционирование индивида в новых условиях. Возможно, именно это приблизит к решению поставленной задачи. Здесь есть опасность впасть в крайне структу-

ралистскую методологию. Как уже отмечалось выше, неопределенность общественной жизни – явление в известной степени условное. В действительности, те или иные социальные институты, даже если «структуры не выходят на улицу», все равно предполагают некоторые всеобщие закономерности функционирования. И именно эти закономерности, по мнению автора, необходимо отыскать и уже потом опираться на них при выдвижении постулатов опережающего образования.

Причем необходимо сразу отделить общее образование от профессионального, постулируя, что общее образование должно обеспечить именно целостное развитие человека, то есть фактически подготовку его к успешной деятельности в различных социальных ситуациях: в труде, в семье, в творчестве, в самопознании и т. д. Таким образом, всякое всеобщее образование направлено на развитие именно целостного человека.

Однако современное общество отличается тем, что гораздо больше зависит не от того, кем человек является, а от того, чем он представляется. Главное – представить некоторый знак, символ себя, который можно потом удачно продать. Еще Э. Фромм отмечал, что «человек заботится не о своей жизни и счастье, а о том, чтоб стать ходким товаром» [2, с. 273–275]. В таком случае образование должно наделять индивида тем ресурсом, который в будущем позволит успешно продать, продать себя в любой сфере: в труде, в семье, в творчестве и т. д. Вопрос в другом: является ли подготовка человека к деятельности, направленной на успешную реализацию себя на том или ином рынке целью, достойной того, чтобы быть целью системы образования?

Здесь можно вспомнить позицию М. Шелера, который ставит образование выше простой специализации индивида: «образование – это не «учебная подготовка к чему-то», к профессии, к специальности, ко всякого рода производительности, и уж тем более образование существует не ради такой учебной подготовки. Наоборот, всякая учебная подготовка «к чему-то» существует для образования, лишенного всех внешних «целей» – для самого благообразно сформированного человека» [3, с. 31–32].

Кроме того, можно говорить и о разделении образования на обучение информации и обучение способам получения информации. В конечном счете все сводится к умению правильно

проанализировать конкретную ситуацию на основе уже имеющихся у субъекта знаний, только что приобретенных из внешнего источника (раздражителя) информации, и наличествующих способов анализа и обработки соотношения первого и второго. Из всего этого получается новое знание, на основании которого субъект действует, то есть определенным образом изменяет самого себя и (или) внешнюю среду. Но здесь важное место занимает оптимальное соотношение традиционного и инновационного знания в содержании образования.

В последние несколько столетий в отечественной практике основным средством достижения образовательного результата является сциентизированная программа. В то же время ставится под сомнение эффективность на современном этапе развития общества научного знания в тех объемах, в которых оно передается различными, в том числе и не имеющими никакого отношения к науке, образовательными учреждениями.

Когда-то Дж. Локк отмечал, что образование должно не только научить, но и создать человека, могущего воспользоваться своими знаниями: «я думаю, что вы сочтете совершенным глупцом того, кто добродетельного или мудрого человека не поставит выше ученого» [4, с. 171]. Утверждается, что если человек будет достаточно подготовлен к жизни путем соответствующего образования, то именно такое образование следует считать необходимым.

В современном обществе также заметно повышается значение информации. Однако «общество знания» – не обязательно «общество интеллекта». Не исключено, что в современную эпоху гораздо эффективнее пользоваться готовыми шаблонами действия и приобретать готовую информацию из внешних источников, нежели пользоваться возможностями собственного разума. Высокий интеллект – способность получить максимум выводов из минимума информации. А если и этого минимума нет, то как возможно использовать этот самый интеллект? В то же время при наличии значительного количества информации даже низкий интеллект вполне способен сделать все необходимые выводы. В этом случае сама информация зачастую становится выводом.

В этом контексте можно указать на то, что интеллект не может предшествовать информации, но нельзя забывать, что, даже если брать исключительно рациональную часть сознания,

то и она включает в себя целый ряд функциональных секторов: способность получать информацию, сохранять ее, перерабатывать, наконец, отдавать. Таким образом, автор полагает, что одной из задач современной философии образования должна стать выработка механизмов выявления основной цели учебного процесса, которая не должна ограничиваться существующими моделями, такими, например, как передача информации или обучение способам ее получения. В изучение института образования должно включаться не только исследование существующих форм, но и рассмотрение новых способов выявления приоритетов образовательного процесса.

Но адаптации образования в условиях неопределенности социальной среды противостоит абсолютизация отдельных целей учебно-воспитательного процесса, таких как интеллектуализация, просвещение, социализация и др. Цели представляются очевидными, аксиоматичными, но зачастую противоречат друг другу, а также несмотря на всю очевидность, в силу изменчивости общественных отношений требуют все-таки некоторого обоснования.

При отсутствии возможности объективного и обоснованного прогноза развития общества создаются прогнозы необоснованные и существующие для реализации потребностей тех или иных политических групп. Образование, которое опирается на такие прогнозы, становится их заложником. Низкий статус образованного человека в современном российском обществе – результат во многом неадекватного прогнозирования в средствах массовой информации.

Уяснение приоритетов при формировании направлений опережающего образования усложняется тем, что крайне сложно спрогнозировать необходимые качества выпускника того или иного учебного заведения, которые будут востребованы через определенный промежуток времени. То, что необходимо на данный момент, вполне может оказаться совершенно невостребованным, когда пройдет какой-то исторический период, особенно при постоянных научно-технических и социально-экономических изменениях.

Прогнозирование будущего состояния общества – процесс достаточно сложный. Неточность здесь может привести к довольно пагубным социальным последствиям. Поэтому, кроме учета строгих законов общественного развития, при определении новых постулатов учеб-

но-воспитательного процесса необходимо искать такие лакуны в нем, которые в будущем позволят безболезненно загладить возможные просчеты в прогнозах относительно будущего состояния общества.

Сколько бы ни говорилось о различных потребностях культуры, экономики и обороны, но в любом случае все они являются преходящими. Поэтому и образование, направленное на удовлетворение таких потребностей, становится образованием преходящим, формирующим качества, которые со значительной степенью вероятности будут совершенно не востребованы в будущем.

У нас чаще говорят не об опережающем образовании, а об опережающем обучении, под которым понимают обычно ускоренное обучение. В целом в отечественных исследованиях до сих пор важное место занимает вопрос о сроках обучения в том или ином учебном заведении. Причем главным фактором, от которого зависит срок, является возможность освоить некоторую учебную программу. Программу почти всегда сциентизированную, освоение которой предполагает посещение строго определенного количества академических занятий и выполнения строго определенного количества академических заданий.

Если говорить об отечественной системе образования начала XXI столетия, то следует отметить, что большая часть разногласий относительно форм ее дальнейшего функционирования вызвана проблемой соотношения личного и общественного в целеполагании. Обществу необходимо определиться, что должно быть

приоритетным в образовании: развитие способностей, необходимых для личного благополучия, или воспитание качеств, обеспечивающих благополучие всего социального организма. Хотя правомерно в данном контексте вспомнить и позицию Ж.-Ж. Руссо, провозглашавшего: «достаточно того, чтобы всюду, где будут родиться люди, можно было создать из них то, что я предлагаю, и чтобы созданное оказалось лучшим и для них самих, и для других» [5, с. 201–202].

Выявление наиболее эффективных способов и методов обучения, воспитания и развития – задача педагогики, психологии и методик отдельно взятых дисциплин. Задача философии образования, по мнению автора, заключается в определении основных целей образовательного процесса. И актуальность этой задачи обусловлена необходимостью выработки механизмов выявления универсального содержания учебно-воспитательного процесса, обеспечивающего адаптацию человека к новым социальным реалиям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социологическая энциклопедия. – М., 2003. – Т. 2.
2. Фромм, Э. Личность / Э. Фромм // Психологическая типология. – Мн., М., 2000.
3. Шелер, М. Формы знания и образование // М. Шелер // Избранные произведения. – М., 1994.
4. Локк, Дж. Мысли о воспитании / Дж. Локк // Педагогическое наследие. Коменский, Локк, Руссо, Песталоцци / сост. В. Н. Кларин, А. Н. Джуринский. – М., 1989.
5. Руссо, Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Педагогическое наследие. Коменский, Локк, Руссо, Песталоцци / сост. В. Н. Кларин, А. Н. Джуринский. – М., 1989.

УДК 378
ББК Ч 48

М. Д. Мартынова

**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ:
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

E-mail: martynovamd@mail.ru

В процессе определения задач духовно-нравственного воспитания студентов следует принимать во внимание два аспекта: во-первых, психологические, социальные, мировоззренческие причины выбора молодыми людьми деструктивных форм поведения и, во-вторых, особенности вузовской среды. Сущностные потребности молодого человека не всегда находят свое удовлетворение. Создается пустое пространство, требующее своего заполнения. Задача вуза – предложить богатство позитивного выбора, где возможно подтверждение социальной состоятельности молодого человека.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, образование, деструктивное поведение, вузовская среда, сущностные потребности, ценностные ориентации.

M. D. Martynova

MORAL AND SPIRITUAL NURTURING OF STUDENTS: WORLD-VIEW DIMENSION

Mordovian State University of N. P. Ogarev

In the determination of tasks in moral and spiritual nurturing of students it is necessary to take in to account two aspects: a) psychological, social, world-view reasons to pick out destructive forms of behavior by youth and b) features of university surroundings. The essential needs of a young man/woman get their satisfaction from time to time. The vacant space appears, it needs its filling. The task of the University is to suggest the variety of positive choice where young man / woman can find the confirmation of his / her social realization.

Keywords: spiritual and moral breeding, education, destructive behavior, university surroundings, essential needs, value orientation.

Главная проблема, которая волнует всех людей, занимающихся воспитанием и образованием молодого поколения, состоит в том, почему молодые люди зачастую выбирают деструктивные формы поведения. При определении задач любого рода, в данном случае задач духовно-нравственного воспитания, очень важно понимать среду, в которой эти задачи будут решаться. Среда не только влияет на успешность решения задач, она показывает, почему некоторые из них решаются не в полной мере или непредсказуемым способом. Поэтому следует остановиться на некоторых моментах, определяющих становление личности молодого человека в вузе.

Протоирей Евгений Шестун в книге «Православная педагогика» дает следующее определение духовно-нравственному воспитанию: «Под духовно-нравственным воспитанием понимается процесс содействия духовно-нравственному становлению человека, формированию у него нравственных чувств (совести, долга, веры, ответственности, гражданственности, патриотизма), нравственного облика (терпения, милосердия, кротости, незлобности), нравственной позиции (способности к различению добра и

зла, проявлению самоотверженной любви, готовности к преодолению жизненных испытаний), нравственного поведения (готовности служения людям и Отечеству, проявления духовной рассудительности, послушания, доброй воли)» [1]. Основная цель духовного развития личности состоит в определении смысла ее бытия и формулировании соответствующих смыслов целей.

Трудно не согласиться с этим определением. Задача духовно-нравственного развития заключается в формировании жизнестойкости личности, которая выражается в объективном восприятии окружающей действительности, ее способности к природной и общественной интеграции и к преодолению трудностей.

Используется это определение как в светском значении, так и вкладывается в него религиозный смысл. Это часто приводит к путанице в понимании, о чем же мы говорим. Но общий смысл остается одним – усвоение и принятие личностью нравственных ценностей. В этом смысле светские и религиозные институты едины в определении цели своей деятельности, но достигают их разными, характерными для своей деятельности методами. Важно сохра-

нить преемственность, взаимодополняемость и взаимосвязь методов развития духовно-нравственной культуры у молодежи, так как традиционный русский взгляд на мир веками основывался на фундаментальной идее, предполагающей осмысление жизни как долга, всеобщего совместного служения идеалам добра, правды, любви, милосердия, жертвенности и сострадания. Согласно этому мировоззрению, целью человека в его личной жизни, смыслом семейного бытия, общественного служения и государственного существования в России являлось и является посылное воплощение в жизнь высоких духовных начал.

Первое, с чем преподаватели сталкиваются в вузе – это с сущностными потребностями молодого человека. Молодые люди, получающие высшее образование, являются специфической группой молодежи, которую отличает претензия на высокий уровень интеллектуального и личностного развития и которая ориентируется на культурные образцы взрослого мира. Сама эта группа неоднородна в силу многих объективных и субъективных причин, но ее принадлежность к сфере высшего образования выделяет из общей молодежной среды. Это те люди, которые будут в будущем все-таки определять интеллектуальное состояние общества. Они будут стержнем общества, так как настоящее и будущее общество – это общество знания, информационное общество.

Молодой человек 17–22 лет, студент, получающий образование в вузе имеет следующие потребности: потребность в профессиональном самоопределении, обретение определенной степени свободы и возможности принятия самостоятельных решений, удовлетворение личных культурных потребностей, наличие круга общения, решение проблемы досуга, решение бытовых проблем.

• Потребность в профессиональном самоопределении является, пожалуй, ведущей потребностью в этом возрасте. Даже если мы видим, знаем и говорим о том, что уровень образования современных выпускников школ значительно снизился, интерес к знаниям у них посредственный, тем не менее перед каждым подрастающим человеком встает вопрос о его месте в социуме. Каждый должен кем-то стать, делать что-то профессиональное, в конце концов, зарабатывать себе на жизнь. Поэтому вопрос профессионального самоопределения является сущностным, жизненным вопросом.

Как он решается в вузе? Учитывая, что далеко немногие приходящие в вуз молодые люди имеют четкие профессиональные интересы, эту задачу должны выполнять преподаватели, прививая им профессиональный интерес и профессиональные ценности. Кто, как не преподаватель должен нести высокую культуру студентам. Д. С. Лихачев говорил, что когда в обществе высокий уровень культуры во всех смыслах, то легче решаются экономические задачи, повышается дисциплина. Без культуры резко понижается уровень самосознания, человек перестает вообще отдавать себе отчет, что он делает, поддается инстинкту [2]. Если преподаватель не выполняет эту задачу, то возникает некое пустое пространство в жизненных интересах студентов, некая неудовлетворенность. И это пространство требует своего заполнения.

• Свобода в принятии самостоятельных решений выступает потребностью молодого человека. Эта возможность является свидетельством взрослости, самостоятельности, того, что с ним считаются. Недостаток самостоятельности, как и любой прочий недостаток, всегда требует компенсации. И можно предположить, как будут действовать компенсаторные механизмы. Обычно недостаток свободы выражается либо пассивно, например, человек начинает плохо учиться или у него что-то не получается, либо в открытой форме выражает протест.

• Культурные потребности, круг общения реализуют потребность молодого человека в *эмоциональной общности с другими людьми*. Эмоциональная общность дает ощущение защищенности, которое он может найти или в группе сверстников, или в группе единомышленников, или в группе внешне эмоционально отзывчивых людей. Прежде всего он находит искомое в кругу сверстников, что позволяет вычлени себя в окружающем мире.

• Проблема досуга, столь незначительная с точки зрения людей старшего возраста, актуальна для молодого человека. Свободное время может быть источником и возможностью развития и реализации своих способностей и талантов либо пространством порока. Свободное время – это всегда искушение. Все пустоты, возникающие в результате не удовлетворения потребностей, именно здесь требуют своего заполнения. Здесь и проявляется свобода выбора, в том числе и свободного духовного выбора. Это вечная проблема. Страшна пустота времяпрепровождения, она затягивает.

Но нельзя человека заставить выбрать то, что, на наш взгляд, правильно. Единственное, что можно сделать, это предложить ему *богатство позитивного выбора*. Культурные потребности, круг общения, возможности досуга реализуются в различных мероприятиях внеучебной работы, которые делаются разнообразными в соответствии с интересами студенческой молодежи. Во всех этих мероприятиях главное – это развитие личности молодого человека.

Позитивная реализация своих потребностей – это подтверждение своей *социальной состоятельности*. Социальная *несостоятельность* требует гиперкомпенсации и ведет в деструктивные общности. Конечно, всегда в обществе есть часть молодежи, которая реализовывает свои потребности неординарным способом (марксистские кружки, «бомбисты», и т. д.). Так стихийно возникают неформальные группы. Преобладание чувственного начала над рациональным приводит к появлению нервно-истерического типа людей, слабо контролирующих свои поступки. Непомерная потребность в эстетизации и абсолютизации чувственного начала порождают свою безобразную противоположность: наркоманов, алкоголиков, половую распущенность.

Наличие в среде студенчества молодежных субкультур – это неоднозначный вопрос. Молодежные субкультуры в этой среде, конечно, есть. Они тоже претендуют на интеллектуализм, поскольку и готы, и эмы, и сатанисты – это претензия на своеобразное эстетство и интеллектуальную изощренность. Почему это привлекательно? Во-первых, в субкультурной общности молодой человек получает возможность принадлежать к избранной группе сверстников, являющейся для него референтной, возникает объединяющее чувство «мы», что повышает уровень психологической значимости каждого, дает некую гарантию (или ее иллюзию) независимости и защищенности от общества. Во-вторых, субкультура позволяет молодому человеку лучше почувствовать и проявить самостоятельность своего «я». В-третьих, она помогает ему освободиться от тягостных переживаний, вызванных конфликтом с внешним миром взрослых, с господствующей в обществе культурой.

Для молодежной субкультуры характерны преимущественно развлекательно-рекреативная направленность, приоритет потребительских ориентаций. Исследования показывают, что 26 %

опрошенных молодых людей предпочитают ничегонеделание, а 32 % – рассматривают стремление «оттянуться» как лучший вариант проведения свободного времени. Если принять во внимание, что 57 % молодых людей предпочитают основную часть свободного своего времени отводить просмотрам телепередач, то станет ясно, что одним из каналов распространения стандартов субкультуры является вестернизация, американизация, сужение культурных потребностей и интересов под влиянием видеотриллеров и героинь «мыльных опер».

Эти потребности появляются как раз на том пустом месте, которое оказалось не занято продуктивными интересами. Итак, источником деструктивных интересов выступает неудовлетворенность позитивных, сущностных интересов.

Другая составляющая этого процесса – *образовательная среда*. Духовно-нравственное развитие студентов происходит в определенной среде. В зависимости от того, как складываются условия этой среды, ее структурность и определенность, ее содержание, наполненность ценностями – все это влияет на состояние мировоззрения молодого человека.

Основные характеристики среды, в которой большую часть времени проводит студент:

- профессионально ориентированная среда,
- среда, требующая принятия самостоятельных решений,
- конкурентная среда,
- информационно насыщенная среда / информационное поле.

Среди них особую озабоченность вызывает информационная насыщенность среды. В информационное поле входят все СМИ, сети, контакты, блоги, которые представляют собой совокупность референтных групп, своеобразное сообщество. Получается так, что сейчас основную часть знаний о мире, за исключением профессиональных знаний, ребенок, подросток, молодой человек получает не от родителей и учителей, а от средств массовой информации. Знание стало абсолютно доступно, любое, в любом объеме. Для этого надо быть только более-менее знакомым с особенностями работы компьютера и Интернета. Нецензурируемые телевидение, гламурные журналы, бескрайний Интернет формируют ценностный мир ребенка и молодого человека. И это вызов внешнего мира нам и молодому человеку.

Рост информационной среды произошел в сравнительно небольшой промежуток времени.

И личности достаточно трудно справиться с этим бременем. Насколько актуальны сегодня слова Сергея Иосифовича Гессена, сказанные в первой половине XX века: «Центробежные силы внешних культурных содержаний превозмогают центростремительные силы личности, и личность как бы разрывается на части, разламывается под бременем человеком же порожденных механизмов. ... Человек теряет сам себя, начинает мыслить чужими мыслями, чувствовать чужими чувствами, действовать по чужому..... Внешне этот распад личности проявляется в утрате устойчивости ее по отношению к соблазнам среды и связанном с этим разложением нравов. За распадом личности следует, в конце концов, и упадок культурного творчества вообще, то есть разложение и самой внешней культуры, чрезвычайно расширяющейся во вне, но иссякающей в своих собственных глубинах» [3, с. 80].

Мы живем в период становления человека информационного. Французский философ Ж. Бодрийяр называет нового человека «телематическим» и пишет: «Он – оператор виртуальности, и его действия нацелены на информацию и коммуникацию; в действительности речь идет о том, чтобы испробовать все возможности программы, подобно тому, как игрок пробует все возможности игры» [4]. Тем самым в культуре вместе с виртуализацией усиливается роль игровых элементов. Все это способствует расширению горизонта культуры и горизонта личности.

Игра как метод обучения привычен для ребенка, продолжает вызывать интерес у подростка и молодого человека. На примере компьютерных игр популярность разного рода игр очевидна. Студенты с удовольствием играют, проигрывают на занятиях профессиональные ситуации. А на досуге очень популярны приключенческие игры (например, «Ночной дозор»). Игровая культура имеет и обратную сторону, которая заключается в психологической и моральной зависимости. Молодой человек может испытывать психологическую зависимость от ситуаций, которые ему кажутся игровыми, и не заметить их перехода в иную, серьезную плоскость, граничащую с опасностью для его благополучия, здоровья и жизни. Декларируемая необходимость соблюдения правил игры производит впечатление нарушения обязательств перед соучастниками процесса, и молодой человек попадает еще и в якобы

моральную зависимость от ситуации, что наблюдается среди членов неформальных групп.

История культуры показывает, что в период формирования и внедрения в социокультурную практику новых информационно-коммуникативных технологий, образующих фазу инноваций, они служат дифференцирующим фактором идентификации поколений. Происходит очередное отчуждение поколений друг от друга – владеющих информационными средствами и не владеющих ими. Проблема отцов и детей приобретает новые характеристики. Мы оказываемся в отношении воспитания нравственности и духовности перед новыми вызовами нашего времени.

Задача воспитания новой личности сейчас становится частью государственной идеологии. Д. А. Медведев уже перед общеобразовательной школой ставит задачу раскрытия способностей каждого ученика, воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире. Выпускники школ должны уметь самостоятельно ставить и достигать серьезные цели, уметь реагировать на разные жизненные ситуации. Для этого воспитание должно быть сориентировано на личный успех и поощрение инициативы молодых людей.

Духовно-нравственное развитие – это процесс, который должен длиться на протяжении всей жизни. Нельзя раз и навсегда создать абсолютно духовное и нравственное общество. Это качество общества всегда находится в изменении, и стремится исчезнуть совсем, как только им перестают заниматься. Духовность и нравственность нельзя сформировать как результат какой-то кратковременной компании. Это постоянный процесс, однажды начавшись, он будет продолжаться уже вечно, пока существует сама жизнь. И в практике работы со студенческой молодежью следует понимать, что вектор духовно-нравственного воспитания должен пронизывать весь образовательный процесс, как учебные занятия, так и внеучебную работу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шестун, Е. Православная педагогика / Е. Шестун. – М., 2001.
2. Лихачев, Д. С. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре / Д. С. Лихачев. – М.: Рос. фонд культуры, 2006. – 336 с.
3. Гессен, С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / С. И. Гессен. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 448 с.
4. Baudrillard, J. A l'Ombre du Millenaire, ou le Suspens de l'An 2000 / J. Baudrillard. – Paris: Sens & Tonka, 1998.

УДК 316.628:364.954
ББК 60.561.7

В. Г. Бобровников

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МОТИВАЦИОННОГО ПОЛЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: iks@vstu.ru

В статье исследуются западные и российские образцы мотиваций благотворительности в дореволюционный период и в настоящее время. Дается понятие мотивации, анализируются ее вариативные структуры, логически выводятся уровни мотивации и на этом основании определяется категория «мотивационное поле».

Ключевые слова: благотворительность, мотивация, структура, уровни, мотивационное поле.

V. G. Bobrovnikov

TOWARDS DEFINITION OF THE MOTIVATIONAL FIELD OF CHARITY

Volgograd State Technical University

In article the western and Russian images of motivation of charity are investigated during the prerevolutionary period and for nowadays now. The concept of motivation is given, analyzed as variants of structures, motivation levels are logically deduced and on this basis the category "a motivational field".

Keywords: motivation, charity, structures, levels, a motivational field.

Система благотворительности и признания в мире сложилась исторически с древнейших времен. Исследованием ее образцов и осмыслением накопленного опыта занимаются многие ученые гуманитарного и социологического направлений современной России. Особое значение приобретают вопросы, связанные с изучением мотивов благотворительной деятельности.

В определении толкового словаря С. И. Ожегова под мотивом понимается то, что «побуждает деятельность человека, ради чего она совершается» [9, с. 367].

Важность анализа мотивов благотворительности как составляющих этого социокультурного феномена позволит понять основу духовно-нравственного возрождения нашего «любезного Отечества».

Исследователи дореволюционного периода, основным мотивом благотворительности считали религиозность (П. А. Бурыйшкин). Этой точки зрения придерживается Н. П. Иванова, отмечавшая, что «отношение к благотворительности россиян было как богоугодное дело» [5, с. 16]. После революции доминирующим мотивом считалось «стремление толстосумов увековечить себя в памяти потомков». По мнению ростовского исследователя В. А. Сущенко, мотивы русских благотворителей были многовариантны [14, с. 124].

Доктор исторических наук И. П. Павлова (Екатеринбург) определяет «сочувствие и сострадание» как одну из составляющих мотиваций, а исследователь Е. В. Смирнова (Ставро-

поль) называет условия для благотворительности: альтруизм, сострадание, наличие частного ресурса, который составляет экономическую базу меценатства (деньги, материальные ценности, время) [10, с. 54; 12, с. 376].

Многие современные российские исследователи этого феномена, подчеркивая религиозную доминанту у благотворителей прошлого, все же говорят о ее разнообразии: желание быть полезным, служение идеалам добра, правды, любви, милосердия, жертвенности и сострадания.

Некоторые ученые делают попытки мотивационной классификации благотворительности. Так, В. В. Радаев предложил следующие четыре типа мотиваций:

- потребности социального выживания, заключающиеся в сохранении положения;
- гедонические потребности, ориентированные к максимизации личного потребления;
- потребности в социальном самоутверждении через осуществление полезных функций и исполнение долга;
- потребности в труде [11, с. 87–88].

Делаются попытки структурировать мотивации в региональных исследованиях (В. П. Бойко, Л. П. Быкасова) [2, с. 50–51]. Так, Л. П. Быкасова исследуя благотворительность в культурной жизни Западной Сибири, выделяет четыре группы мотиваций: религиозный, личный, статусный и мемориальный [2, с. 51].

М. Д. Сущинская и Л. В. Хорева в своем учебном пособии по благотворительности дают

следующую классификацию мотиваций: «по религиозным убеждениям», на основе патриотизма («русскости») и «из желания получить социальные льготы и привилегии» [17, с. 57].

На взгляд автора, мотивационными основами российской благотворительности дореволюционного периода являлись несколько факторов: духовно-нравственный, статусно-ролевой, социально-престижный, личностно-эгоистический.

Духовно-нравственными мотивами милосердия были евангельские заветы: возлюби ближнего, как самого себя, будь бескорыстен и милосерден, «давайте, и дастся вам», помогай сироте и убогому и так далее. Духовно-нравственный фактор формировался на основе элементарных человеческих чувств жалости, сострадания, справедливости, любви, бескорыстия, ожидания небесной награды. Религиозно-нравственные правила и нормы превращались посредством воспитания в традиции милосердия.

Немаловажной мотивацией для благотворительности в российском обществе являлся статусный долг монархов и членов их семей, первых лиц государства, митрополитов и патриархов. Забота о государстве и своих подданных в царствующих особах воспитывалась с детства. Православная вера, патриотизм, нравственно-высокие династические традиции были составными частями духовного облика большинства российских государей.

К *статусно-ролевым* можно отнести функционально должностные призренческие обязанности, которые были возложены на административный и исполнительный круг лиц воспитательных домов, учреждений Приказа общественного призрения, «на особых правах управляемых» заведений имени императрицы Марии, различных временных комитетов, попечительств. Некоторые состоятельные и благотворительные представители добровольно исполняли опекунские, воспитательные и организационные функции в финансируемых ими учреждениях и заведениях. Они носили звание Почетных опекунов, Заопекунов, Членов Воспитательных советов и комитетов.

На практике существовали и *социально-престижные интересы*. Значительную роль здесь играла потребность человека в повышении своего общественного положения и получении ряда почетных званий, чинов, наград, должностей и привилегий, в продвижении по социальной лестнице, дающем возможность

для лучшего выживания и функционирования рода.

Для некоторых представителей промышленных, государственных деятелей, княжеских, дворянских и купеческих родов благотворительность служила также способом поддержания своего престижа и фамильной репутации. К таким фамилиям можно отнести представителей династий Шереметевых, Голицыных, Демидовых, Солдатенковых, Солодовниковых, Морозовых, Рахманиных, Рябушинских, Шелапутиных и других.

Не менее важными мотивами для благотворительности являлись *личностно-эгоистические побуждения*: удовлетворение определенной степени тщеславия или желания возвыситься в чем-либо над другими, стремление компенсировать нравственно неблагоприятные поступки, для желаемой психологической устойчивости личности. Наряду с этим благотворительность являлась одним из способов снижения налогообложения с частных лиц.

По мнению ряда ученых (Н. М. Загорулько, Б. Казаков, М. С. Потапенко), мотивационное поле современной российской корпоративной благотворительности включает ряд пересекающихся, но вместе с тем относительно обособленных внутренних мотивационных подсистем:

- комплекс личностной мотивации бизнес-лидеров (нравственность, традиции, чувственный порыв и пр.);
- совокупность корпоративных экономических мотивов, отражающих стремление предпринимателей к максимизации прибыли и росту стоимости бизнеса;
- совокупность корпоративных экономических мотивов, сформированных стремлением менеджмента к максимизации полезности [4, с. 329].

По мнению исследователя А. В. Калачева (Волгоград), современная благотворительная деятельность имеет широкий спектр мотиваций, как то: альтруизм и сострадание; улучшение благосостояния будущих клиентов; формирование имиджа фирмы и рекламы; гордость от собственного вклада в социальную сферу, культуру, экономику; социальная ответственность; налоговые льготы и другое [6, с. 67–68].

Е. Г. Алексеева и И. Д. Горшкова (Москва) на примере опроса респондентов Москвы и Курска в 2000 году выявили следующие мотивации потенциальных жертвователей у четырех групп лиц различных социальных категорий:

– «По жизни, чем больше отдаешь, тем больше в будущем получишь»;

– «Ну, что, ребята, надо помочь нашим. И мы когда-то станем старыми»;

– «Все под Богом ходим» [1, с. 219].

Анализ различных концепций западных исследователей «о природе буржуазной филантропии», отражен в работе С. В. Воронина «Теория филантропии». В ней он рассматривает семь мотивов филантропии Лилиана Брандта: сострадание, вера, оправдание ожидания коллег, осведомленность, верность чувству долга, радость делать добро, от чувства справедливости и благопристойности [3, с. 8]. Американский экономист А. Берли и исследователь Э. Эндрюс утверждали, что «матерью филантропии является религия», а экономист С. Фабрикант – «щедрость» [3, с. 9, 10]. В. Нильсен определяет «нравственный мотив», позволяющий «обратить по крайней мере, часть своего богатства на помощь своим менее удачливым собратьям» [8, с. 14]. В работе Адама Смита «Теория нравственных чувств», подчеркивается добровольность благотворительности [13, с. 94].

Социальное развитие благотворительности в Европе, по мнению американского исследователя Тимоти Б. Смита, хотя и шло от политики благотворительности к гражданским правам, к государственному страхованию, к гарантии социальной безопасности, это явление в целом не исчезло [15, с. 188–189], потому что, на взгляд автора статьи, благотворительность является категорией духовного порядка, частью социальной политики государства, одним из инструментов нивелирования социального неравенства.

Российский исследователь американского предпринимательства И. Козырева высказывает идеи побудительных причин западной филантропии, связанных с альтруизмом, стремлением к общественному признанию, реализации личных, политических деловых и социальных интересов, стремлением получать социальные и налоговые льготы [7, с. 20].

Московский исследователь Г. Н. Ульянова, изучая работы американской историографии о российской благотворительности, выделяет точку зрения А. Линденмайера, который утверждает, что этическими основами русской благотворительности являлись православные идеалы, увлечение гуманистическими идеями служения народу, осознанное интеллигенцией в 60–70-е гг. XIX века [16, с. 114].

Можно сделать вывод, что мотивации благотворительности в социокультурном пространстве имели два пространственно-временных вектора – западное и российское. Они имели разные условия развития. Западная парадигма благотворительности имела поступательную динамику и трансформировалась из простых эмотивных элементов (жалость, религиозность, альтруизм, эгоизм) в гражданские права, социальную безопасность и государственное страхование. В российском социуме развитие ценностно-мотивационных элементов (духовно-нравственный, статусно-ролевой, социально-престижный, личностно-эгоистический) были прерваны событиями 1917 года и имеют свое продолжение только с 90-х годов XX века. Но эти мотивационные составляющие сегодня ориентированы на западную парадигму – корпоративные совокупные интересы, комплекс личностных мотивов, социальная ответственность бизнеса и др. Поэтому можно обозначить уровни данной мотивационной парадигмы как личностный и корпоративный. Если имеются элементы разных уровней мотивации, то формируется структура системы, которой можно условно дать определение «мотивационное поле».

Таким образом, под мотивационным полем понимается круг побуждающих факторов, ограниченных содержанием (элементами), пространством (регионом) и временными параметрами (веками), имеющих два ценностно-ориентированных уровня – личностный и корпоративный. Мотивационное поле универсально, динамично и требует дальнейшего исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алексеев, Е. Г.* Фандрайзинг: мотивации потенциальных жертвователей / Е. Г. Алексеев, И. Д. Горшков // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. – СПб.: Лики России, 2001. – 845 с.
2. *Быкасова, Л. В.* Благотворительность в истории культурной жизни Западной Сибири конца XVIII – начала XX в.: монография / Л. В. Быкасова. – СПб.: ГИУ – Новокuzнецк, 2007. – 135 с.
3. *Воронин, С. В.* Теория филантропии / С. В. Воронин. – М.: Мысль, 1981. – 160 с.
4. *Загоруйко, Н. М.* Экономическая мотивация корпоративной благотворительности в Российской Федерации / Н. М. Загоруйко, О. Б. Казаков, М. С. Потапенко // Благотворительность в России. – СПб.: Изд-во Н. И. Новикова, 2004. – С. 329.
5. *Иванова, Н. П.* История благотворительности в России: монография / Н. П. Иванова. – СПб., 2000. – 119 с.
6. *Калачев, А. В.* Благотворительность в России: теория, история, практика: учебное пособие / А. В. Калачев. – Волгоград: Перемена, 2004. – 96 с.

7. *Козырева, И. Б.* Благотворительность от Америки до России / И. Б. Козырева // Международная жизнь. – 1994. – № 6. – С. 20.
8. *Нильсен, В.* Крупнейшие американские фонды / В. Нильсен. – М.: Прогресс, 1976. – 399 с.
9. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведов. – М., 2001. – 944 с.
10. *Павлова, И. П.* Благотворительная помощь в чрезвычайных ситуациях в дореволюционной России: монография / И. П. Павлова. – Екатеринбург, 1999. – 205 с.
11. *Радаев, В. В.* Внеэкономические мотивы предпринимательской деятельности (по материалам эмпирических исследований) / В. В. Радаев // Вопросы экономики. – 1994. – № 7. – С. 87–88.
12. *Смирнова, Е. В.* Общество и благотворительность / Е. В. Смирнова // Благотворительность в России. 2005/2006. – СПб., 2007. – 507 с.
13. *Смит, А.* Теория нравственных чувств / А. Смит. – М.: Республика, 1997. – С. 94.
14. *Сущенко, В. А.* История российского предпринимательства / В. А. Сущенко. – Ростов-на-Дону, 1997. – 398 с.
15. *Смит, Т. Б.* Благотворительность и помощь бедным в Европе: современный период / Т. Б. Смит // Благотворительность в России. 2004/2005. – СПб., 2005. – 459 с.
16. *Ульянова, Г. Н.* Новейшая американская историография российской благотворительности / Г. Н. Ульянова // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 108–118.
17. *Хорева, Л. В.* История благотворительности в России: учебное пособие / Л. В. Хорева, М. Д. Сущинская. – СПб., 1999. – 92 с.

УДК 101.1:316

А. В. Григорьев

РИСК КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: grigorev.83@mail.ru

В статье анализируется риск как социокультурный феномен. Рассматривается влияние социокультурных факторов на восприятие и возникновение рисков в современном обществе.

Ключевые слова: риск, социальный риск, ценности, глобализация, общество риска.

A. V. Grigoriev

RISK AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

Volgograd State Technical University

The article deals with the analyses of «risk» as a sociocultural phenomenon. It is considered the influence of sociocultural factors on the perception and the emergence of risks in modern society.

Keywords: risk, social risk, values, globalization, risk society.

Социокультурные изменения, связанные с процессами глобализации и модернизации, сопровождаются трансформацией норм и правил поведения, способов оценки тех или иных социальных процессов, что является фактором, детерминирующим генезис и восприятие рисков в современном обществе. В последние годы появилось довольно обширная литература по проблеме риска. Тем не менее сам термин «риск» остается довольно неопределенным в своей многозначности.

Анализ философской литературы, посвященной проблеме риска, показывает, что среди исследователей нет единого мнения относительно определения риска.

По мнению В. И. Зубкова, все определения риска можно разделить на три группы:

– как специфический процесс выбора альтернатив, вариантов действий: выбор альтернативы в ситуациях неопределенности, выбор действия, исход которого определяется случаем, единством обстоятельств и индивидуально-

групповых предпочтений или критериев оценки ситуации, на основе которых принимается решение;

– непосредственное действие субъекта: действие наудачу, в надежде на счастливый исход, образ действий в неясной, неопределенной обстановке, поведение при наличии опасности, угрозы;

– вероятность отрицательного характера последствий: вероятность неуспеха в ситуации с несколькими альтернативами, ущерб, связанный с реализацией решения, нежелательные последствия в результате случайных факторов [1, с. 26].

Одним из первых непосредственных исследований темы риска в отечественной социальной философии является работа А. Л. Альгина «Риск и его роль в общественной жизни». Он приходит к выводу, что можно «определить риск как деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежно выбора, в процессе которой имеется воз-

возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели» [2, с. 20]. С небольшими модификациями подобную позицию разделяют и многие другие авторы. По мнению А. Л. Альгина, восприятие и оценки риска связаны с ценностями и нормами социального характера [2, с. 35].

О. Н. Яницкий считает, что существует два крупных направления интерпретации риска как феномена. «Первое направление интерпретирует риск в научных и технических терминах. Это направление восходит к когнитивным наукам и практикуется инженерными дисциплинами, экономикой, статистикой, психологией и эпидемиологией. Исходным моментом такого подхода является понятие опасности (вреда), а также утверждение о возможности вычисления его наступления и калькуляции последствий». Второе направление анализа риска – социокультурное. «Здесь упор делается на социальный и культурный контексты, в рамках которых риск воспринимается и дебатруется. Это направление возникло на базе таких гуманитарных дисциплин, как философия, культурная антропология, социология и культурная география» [3].

По мнению А. В. Молчанова, «в современном мире, в котором нарастают процессы глобализации, обостряются межэтнические и межконфессиональные конфликты, понятие «риск» не может оставаться только прикладным термином для исчисления возможных опасностей. На лицо существует острая взаимосвязь между уровнями организации жизни человека – от межсубъектных взаимодействий до взаимодействия с внешней, природной средой – и то, что ранее могло считаться отдельной возможной опасностью или угрозой, в современной социальной реальности включается в структуру рисков, которая в свою очередь производится и воспроизводится обществом» [4, с. 17].

В гуманитарных дисциплинах ведущую роль в изучении социального риска стала играть социальная философия, в которой «риск» явился одним из важнейших терминов, эвристическим механизмом по привлечению новых понятий, отражающих выстроенные концепции и изучаемые проблемы. Следствием проделанной работы стало обнаружение различных разновидностей риска. Наряду с природогенными и техногенными (технологическими) рисками, стало принято говорить о социогенных (социальных, социокультурных) рисках [5, с. 3].

Наличие большого числа оснований для моделирования классификации риска свидетельствует о том, что риски проявляются практически на всех уровнях социальной реальности. Эта особенность рисков получила отражение в категории «социальный риск». Данная категория акцентирует внимание на тех рисках, которые либо порождаются общественными системами, либо когда субъект риска является социальным субъектом, либо когда последствия рисков социально опасны.

В результате анализа различных подходов к определению понятия «социальный риск» С. А. Кравченко и С. А. Красиков в качестве дефиниции предлагают следующее рабочее определение: «социальный риск – это возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), так и вероятности обретения выгод и благ, что субъективно воспринимается акторами в контексте определенных ценностных координат, на основании чего осуществляется выбор альтернативы действия» [6, с. 24].

Ю. А. Зубок отмечает, что по отношению к риску все социальные субъекты делятся на потребителей и производителей рисков. Риск обладает двойственной природой, проявляющейся в объективных условиях, то есть в социальной среде обитания как источнике угроз, а также в субъективной деятельности людей, поставленных в ситуацию выбора одного из нескольких альтернативных вариантов поведения [7, с. 118–119].

Специфической особенностью современного мира, вступающего в эпоху глобализации, является то, что риск выступает в качестве неотъемлемой части жизнедеятельности и человека, и общества. Это, по мнению автора, объясняется тем, что появление разнообразных рисков оказывается связанным с ускорением социального времени в современном мире. Современное социальное время характеризуется высокой неопределенностью, быстрыми темпами, а настоящее, к сожалению, слабо детерминировано событиями прошлого. Кроме того, социальное время перестает быть однонаправленным, или, как говорят социальные философы, однолинейным. Вектор движения в будущее, который раньше идентифицировался с прогрессивной линией развития, теперь оказы-

вается непредсказуемым для конкретной страны, этноса или отдельной личности. Как пишет Э. Тоффлер, «мы начинаем думать о прогрессе как о цветущем дереве с многочисленными ветвями, простирающимися в будущее: большое различие и богатство человеческих культур позволяет представить его как систему. В этом свете сегодняшнее движение к более разнообразному, раздробленному миру выглядит как важный скачок вперед – подобно тому, как в биологической эволюции важны обе тенденции: дифференциация и объединение, усложнение» [8, с. 174–175].

Эти изменения в обществе происходят настолько стремительно, что не только общественное сознание, но и сознание отдельного индивида не успевает их уловить, тем более к ним адаптироваться. Неопределенность в жизни, бизнесе, семье приводит к тому, что в увеличивающемся потоке рискованных ситуаций человек оказывается беззащитным. Таковую обстановку в современном обществе А. Тоффлер объясняет ускоренными темпами перемен и называет это «футурошок» или шок будущего, который «представляет собой ошеломляющую растерянность, вызванную преждевременным наступлением будущего. Футурошок – временной феномен, продукт стремительного темпа перемен в обществе» [9].

По мнению У. Бека, современное общество – это общество риска. Он исходит из того, что идеал абсолютной безопасности человека оказывается недостижимым, а также отмечает, что именно «будущее является причиной современных переживаний и поступков» [10, с. 39].

В современном обществе нет предопределенности в личностно-индивидуальном и в общественном развитии. Каждый индивид стоит перед необходимостью построения жизни по индивидуальному проекту. В современном мире наблюдается тенденция к индивидуализации, которую У. Бек называет характерной чертой современности. Индивидуализация предполагает деконструкцию прежних форм жизни и замену их на новые, при которых «индивиды должны инсценировать и продюсировать свои биографии самостоятельно» [10, с. 14], что крайне трудно ввиду отсутствия единой системы знаний, разделяемых всеми общими ценностей, норм, традиций, которые в условиях традиционных обществ являлись непреложным ориентиром для построения четкой жизненной позиции.

Отсутствие единой системы знания порождает риски «кризиса монополии одной системы знания», когда существует множество альтернативных систем знания и предлагаемых источников его получения и индивид, группа, организация, общество стоят перед необходимостью выбора. При этом «существует конкуренция за производство и передачу знаний, и производители знаний и ценностей, конкурируя между собой, борются за благосклонность и симпатии людей» [6, с. 137]. Наличие альтернативных систем знания предполагает отсутствие «общего знания о должном, то есть всеобъемлющей и разделяемой всеми морали» [6, с. 140–141], что дает начало рискам дезориентации, которые, в свою очередь, продуцируют риски дегуманизации человеческих отношений и риски девиантного поведения. Индивид в этой ситуации теряет ощущение «онтологической безопасности», определяемой Э. Гидденсом как состояние уверенности людей в преемственности и постоянстве окружающего социального и материального мира, в котором они живут и действуют [11].

Изменение социального и культурного контекста предполагает адаптацию традиционного образа мышления, жизни, моделей поведения к изменившимся условиям развития общества. Коррекция общественных приоритетов обуславливает переоценку индивидом укоренившихся в его сознании ценностей, стереотипов. Индивиду не с чем соотносить свои поступки и отталкиваться при принятии решений, так как старая система ценностей утрачивает свое значение, а современное общество предлагает множество систем знания и ценностей.

На духовную жизнь индивидов оказывается постоянное давление со стороны постоянно меняющейся внешней среды. В связи с чем С. А. Кравченко и С. А. Красиков отмечают, что «психика вынуждена оберегать себя с помощью ряда защитных механизмов, при этом, однако, даже вполне здоровые люди сталкиваются с таким риском деструктивности, как примитивизация уровня социальных действий» [6, с. 152].

Как отмечает С. А. Кравченко, различия в восприятии рисков, в понимании ценностей и норм становится причиной эскалации рисков социальных конфликтов нетерпимости и насилия [6, с. 108–112].

Роберт Мертон считает, что рискогенность социальных действий находится в зависимости от степени совпадения господствующих целей

и ценностей общества с индивидуальными. Разделение целей и ценностей общества минимизирует индивидуальные риски. В случае неприятия или непризнания ценностей общества риски становятся нормой [12, с. 93].

Степень риска находится в зависимости от величины различий между ценностями, целями и способами их достижения, разделяемыми различными типами культур. Так, мужественные ценности исламского и западного типа культуры сами по себе являются рискообразующими факторами по отношению к представителям других культур [14, с. 208].

Причиной многих рисков цивилизационного масштаба можно назвать прежде всего столкновение систем нравственно-духовных и религиозных ценностей, лежащих в основе культуры. Кроме того, в мире появляется все больше возможностей для взаимодействия между представителями разных цивилизаций, что укрепляет цивилизационное самосознание, а также обнажает культурные различия. Рост национального самосознания и возврат незападных цивилизаций к собственным корням увеличивается также на фоне западнизации. «Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик» [14, с. 34]. А. А. Зиновьев определяет западнизацию как особую форму колонизации, в результате которой в стране принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии, целью которой является ослабление способности стран к самостоятельному существованию и развитию [15, с. 628].

Люди склонны противопоставлять себя людям другой этнической принадлежности и конфессии по принципу «мы» и «они», проявляющемуся как в открытых конфликтах и столкновениях, так и на уровне пассивного национализма и религиозной нетерпимости. Таким образом, риски столкновений цивилизаций находят свое отражение в различиях культур, ценностей, религий.

Автор теории «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтон читает, что страны можно сгруппировать, «основываясь не на их политических или экономических системах, не по уровню экономического развития, а исходя из культурных и цивилизационных критериев» [16, с. 34]. Столкновение цивилизаций неизбежно в виду различий в отношениях человека к Богу, между индивидом и обществом, родителями и детьми,

разными представлениями о свободе, правах, обязанностях, ответственности.

Понятие риска тесно связано с понятием свободы воли и выбора. Причем свобода воли в постановке и реализации цели определяется уровнем познания объективной необходимости, носящей вероятностный характер при выборе решений в ситуации риска. Наряду с законами в практической деятельности на процесс определения цели влияют потребности, интересы, моральные и этические нормы индивида, его размышления в отношении рискованности выбора. Ю. А. Зубок утверждает в своем диссертационном исследовании «Риск как фактор социального развития молодежи», что риск всегда является необходимым элементом любого акта выбора и ценностного решения, начиная с простого определения истинности или ложности высказывания и заканчивая нравственным риском искушения, соблазна, греховного деяния в его религиозно-мистическом понимании [7].

По мнению Г. Н. Бочарова, риск и его результат зависит от нравственного состояния человека [16, с. 60].

Таким образом, можно сделать вывод, что риск это не только социальный, но и культурный феномен. Изменения в культуре и обществе приводят к изменениям в общественном сознании, которое определяет восприятие социальных норм, правил и ценностей, определяющих социальное поведение, понимание, восприятие и оценку рисков. Различия в ценностях и нормах, характерных для различных культур детерминируют восприятие и генезис различных рисков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зубков, В. И. Введение в теорию риска: социологический аспект / В. И. Зубков. – М.: ИНИОН, 1998. – 241 с.
2. Альгин, А. П. Риск и его роль в общественной жизни / А. П. Альгин. – М.: Мысль, 1989. – 187 с.
3. Яницкий, О. Н. Социология риска: ключевые идеи [Электронный ресурс] / О. Н. Яницкий. – [2006]. – Режим доступа: www.hse.ru/journals/wrldross/vol03_1/yanitski.pdf
4. Молчанов, А. В. Социальная феноменология риска: концептуальный анализ: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / А. В. Молчанов. – Саратов, 2008. – 138 с.
5. Феофанов, К. А. Российская социология риска: состояние и перспективы / К. А. Феофанов // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 3–12.
6. Кравченко, С. А. / Социология риска: полипарадигмальный подход / С. А. Кравченко, С. А. Красиков. – М.: Анкил, 2004. – 385 с.
7. Зубок, Ю. А. Риск как фактор социального развития молодежи: дисс. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Ю. А. Зубок. – М., 2003. – 335 с.

8. *Тоффлер, Э.* Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
9. *Тоффлер, Э.* Футурошок [Электронный ресурс] / Э. Тоффлер. – [2009]. – Режим доступа: eusi.ru/lib/toffler_futuroshock/1.shtml
10. *Бек, У.* Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
11. *Гидденс, Э.* Модерн и самоидентичность / Э. Гидденс // Современная теоретическая социология: под ред. Ю. А. Кимелева. – М.: ИНИОН РАН, 1995. – С. 95–113. (Серия «Социология»).
12. *Мертон, Р.* Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон // Социологические исследования. – 1992. – № 3. – С. 118–124.
13. Введение в культурологию: учебное пособие / под ред. Е. В. Попова. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 336 с.
14. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 33–48.
15. *Зиновьев, А. А.* На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 2000. – 638 с.
16. *Бочаров, Г. Н.* Лучшее, что человеку выпадает / Г. Н. Бочаров. – М.: Политиздат, 1982. – 310 с.

УДК 316.334.52
ББК 60.5
3 43

В. Звоновский

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ И РОССИЙСКИЕ ПРОСТРАНСТВА

Фонд социальных исследований (г. Самара)

E-mail: ZVB@fond.sama.ru

В статье обсуждаются вопросы отношения населения одного из ключевых российских регионов к смене часового пояса и переходу на московское время. Автор показывает устойчивость сформировавшегося отношения к этой проблеме на протяжении почти двадцать лет. Исследователь обнаружил факторы, влияющие на оценку населением такого перехода: место проживания и тип поселения, степень индивидуальной мобильности и интенсивности межрегиональных контактов, а также степень индивидуальной «жизненной успешности» и оптимизма.

Ключевые слова: часовой пояс, регионы, время, пространство, повседневность.

V. B. Zvonovsky

MOSCOW TIME AND RUSSIAN SPACE

Social Research Institute, Samara

The questions discussed in this article concern the relation of one of the key Russian regions to time zone changing, that is changing to the Moscow time. Author shows stability of formed relation to this problem for almost twenty years. The researcher found out factors influencing on population's appraisal of such a changing: place of living and type of settlement, degree of individual mobility and intensity of interregional contacts, also degree of individual «life success» and optimism.

Keywords: time zone, regions, time, space, daily life.

В своем ежегодном послании Федеральному собранию Российской Федерации Президент Д. Медведев среди прочего предложил «рассмотреть возможность сокращения количества часовых поясов». Целью такого секвестра он назвал более эффективное управление страной.

Прежде всего следует согласиться с Президентом в том, что принятие любой системы счисления времени является формой государственного управления. Приходя к власти, та или иная группа стремится сформировать новые, фундаментальные обстоятельства жизни подведомственного населения в трех основных сферах: лексике (например, приняв новые формы повседневного межличностного обращения: «гражданин», «товарищ»), организации пространства (переименование населенных пунктов, построение или снос памятников, зданий, стен, дорог и иных коммуникаций) и времени (введение нового календаря, например, после французской революции). Новые обстоятельст-

ва формируют новую реальность повседневной жизни жителей страны, в том числе членение пространства и времени, и удерживают их от желания сменить политическую власть, поскольку это трансформировало бы обстоятельства жизни, привычные границы бытия любого гражданина страны.

Неслучайно в России принятие того или иного поясного времени по российским законам находится целиком в компетенции Правительства РФ и мнение населения, и даже органов местного самоуправления территорий, может в данном случае никак не учитываться (Постановление №1706 ВС РСФСР от 23.10.1991 г.).

Весной 2010 года предложения Президента обрели реальность. В день перехода на «летнее» время в некоторых регионах страны стрелки переведены не были, что привело эти регионы в другие часовые пояса. Исчезли двенадцатый (пояс сменили Чукотка и Камчатка) и

четвертый (Удмуртия и Самарская область). Учитывая тенденцию и познакомившись с картой поясного времени в регионах России, можно предположить, что будут постепенно ликвидированы четные часовые пояса, которые приняты в небольшом числе регионов. Они исчезнут, а входящие туда регионы будут переведены в соседние пояса. Например, в четвертый часовой пояс (UTC +4) сейчас входят лишь Самарская область (3,2 млн. жителей) и Удмуртия (1,6 млн.), в шестой (UTC +6) – Омская (2,1 млн.), Томская (1,0 млн.) Новосибирская (2,7 млн.) области и Алтайский край (2,6 млн.), в восьмой пояс – Иркутская область (2,4 млн.) и Бурятия (0,9 млн.).

Судя по всему, предложения Президента затронут население именно этих регионов. Всего в них проживает почти 17 миллионов человек. При кажущейся поверхностности и вторичности проблема исчисления времени представляет собой один из фундаментальнейших аспектов жизни как отдельного индивида, так и общества в целом.

Так, произведенная в 1989–1991 гг. попытка перевести Самарскую область в третий часовой пояс закончилась неудачей. Письма возмущенных граждан, недовольных этим шагом, заполнили страницы газет и эфир радио и телевидения. Тогда пришлось отказаться от идеи, находившей у другой части населения полное одобрение. Причем идея перехода имела дополнительный стимул, так как предлагался переход не в какой-то абстрактный часовой пояс, а в тот, где находится Москва. В то время на московское время перешли почти все регионы европейской части страны. В 1997–1998 и 2008 годах идея перехода на московское время также обсуждалась, но поскольку доля неприемлющих такой переход почти за двадцать лет уменьшилась, она и не была реализована.

Тема сокращения (как и изменения вообще) числа часовых поясов затрагивает вопросы экономической и политической целесообразности перехода, в то время как основным вопросом является то, насколько население готово к нему и считает предлагаемую систему исчисления более удобной и приемлемой для себя. Немаловажно и то, насколько целесообразным для региона, его экономики и отдельных сообществ представляется его жителям смена часового пояса.

Использовано два признака отношения к изменению исчисления времени в регионе: ин-

дивидуальная приемлемость и социальная оправданность. Первый признак учитывает отношение отдельного индивида к смене пояса, второй – то, как этот индивид оценивает полезность/вредность такого перехода в целом для региона. Очевидно, что эти признаки могут существенно отличаться друг от друга: пенсионеру может быть лично безразлична смена пояса, но он может считать ее полезной для региона. А домохозяйка может считать переход вредным для себя, но не знать, как это скажется на обществе в целом.

В 2010 году треть жителей Самарской области (33 %) полагают, что переход на московское время будет благоприятным для региона в целом. Примерно четверть жителей области (24 %) считали, что этот шаг будет неоправданным для Самарской области. Остальные затруднились с ответом (Опросы проводились Фондом социальных исследований (г. Самара) по репрезентирующей население Самарской области выборке. В период с 1991 по 2008 гг. исследования проводились по заказу различных органов региональной власти, в 2009–2010 гг. – по собственной инициативе. Объем выборки в опросах колебался от 1000 до 3000 респондентов.). Как видно, на одного сторонника перехода приходится примерно один противник такого шага. При этом предполагается, что в отличие от выборов или многих иных политических решений, поясное время меняется **навсегда**, что будет заставлять несогласные с этим группы действовать более активно, чем в любом другом случае. Наконец, в отличие от выборов, результаты которых затрагивают далеко не всех избирателей, смена времени исчисления повлияет на всех без исключения жителей региона. Иначе говоря, способы реализации политических решений, принятые в современной России на электоральном уровне, не обязательно будут столь же эффективны в других сферах общественной жизни.

Основанием для таких сомнений является устойчивость отношения населения региона к смене часового пояса. В 1998 году численность сторонников московского времени составила 35 %, и в 1991 году она была 35 %. Как видим, доля сторонников за почти два десятка лет, то есть при разных губернаторах и президентах, осталась почти без изменений. А вот доля противников перехода в другой пояс растет: в 1991 году она составила 19 %, 1998 г. – 26 %, сейчас – 24 % (рис. 1).

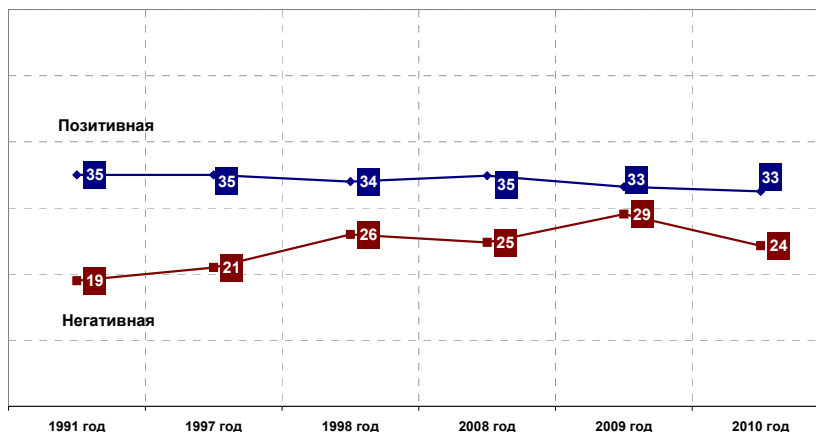

Рис. 1. Социальная оправданность перехода на московское время (Самарская область, 1991–2010 гг.)

Индивидуальная приемлемость также не отличается высокой изменчивостью (рис. 2). За десять лет наблюдений численность сторонников смены часового пояса колебалась между 47 и 39 %, а численность противников – между 23 и 30 %. Таким образом, при общем домини-

ровании сторонников перехода в московский часовой пояс доля противников остается весьма существенной, а их соотношение – очень устойчивым во времени. В прошлом веке это заставило местные власти вернуться к прежнему времени исчислению.

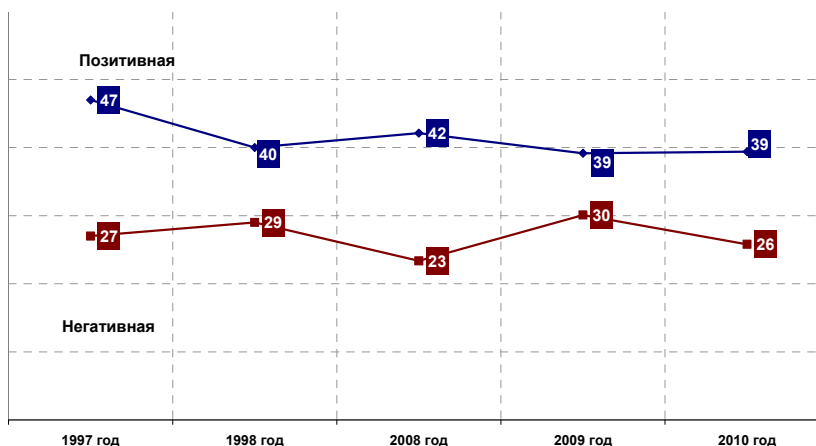

Рис. 2. Индивидуальная приемлемость перехода на московское время (Самарская область, 1997–2010 гг.)

Тогда народная наука легко приписывала изменению режима светового дня не только повышение аварийности на дорогах, увеличение затрат электроэнергии на освещение жилых и рабочих помещений, но и падение урожайности полей, яйценоскости кур и прочие слабо проверяемые гипотезы, а также и вовсе непроверяемые – учащение головных болей у конкретного жителя области, протестующего против введения нового режима времени. В этой связи власть должна быть готова взять на себя всю головную боль за возможную активную оппозицию предлагаемой «оптимизации» управления страной.

Важной особенностью отношения общественного мнения к переходу на московское время является сезонность этого отношения. Оно реагирует на актуальную в момент опроса длительность светового дня. Поэтому наиболее благоприятное соотношение численности одобряющих и неодобряющих переход меняется в зависимости от того, когда перед жителями региона ставится выбор. Так, доля индивидуально приемлющих переход возрастает до 43 % в августе и падает до 36 % в ноябре (рис. 3).

Предложение Президента, хотя и мотивировано технократически (упростить и удешевить управление страной), представляет собой оче-

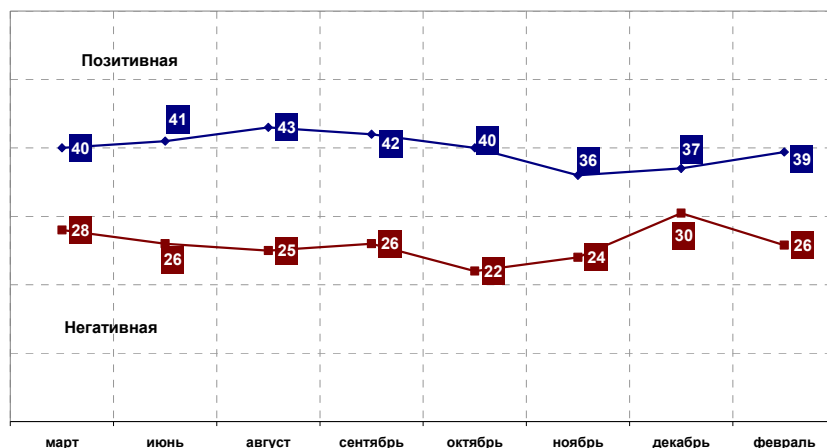

Рис. 3. Индивидуальная приемлемость перехода на московское время (Самарская область, по месяцам)

видную попытку создать новую временную реальность для жизни более полутора десятков миллионов россиян в удаленных от Москвы регионах и поэтому будет встречать существенное сопротивление со стороны недовольного меньшинства (по крайней мере, в Самарской области). Согласно данным компании «Социосервис», 41 % жителей Кемеровской области сочли социально оправданным переход региона из седьмого в шестой часовой пояс, 28 % – нецелесообразным, 33 % не имеют однозначной позиции [1].

При этом, как показывает опыт Самарской области, основной вал недовольства принятым решением наступает не на следующий день после перехода на новый режим, а примерно через год после него. Всякое негативное происшествие общественное мнение будет связывать с новым времяисчислением, и если власть не будет готова к этому, недовольство частным решением будет переноситься на власть в целом и ее конкретных представителей.

Решение ввести московское время в Самарской области весной этого года позволило активизироваться некоторым кандидатам на выборах мэра города, которые пройдут осенью аккурат накануне отмены летнего времени и скачкообразного уменьшения светового дня вечером. В момент острой политической дискуссии блог основного критика введения московского времени на территории региона и одного из депутатов областного законодательного собрания стал пятым в общероссийском рейтинге Интернет-ресурсов российских чиновников по версии сайта «gosludi.ru». Кроме этого, получила поддержку инициатива одного из самарских Интернет-пользователей на ресурсе «girus.ru».

Там под обращением к Председателю Правительства РФ не вводить на территории области московское время к середине апреля 2010 года (то есть примерно через два месяца после принятия решения о переходе) подписалось уже более 13 тысяч жителей области.

До и после перехода Самарской области на московское время жители региона выразили свое отношение к этому шагу непосредственно его инициатору – Президенту РФ Дмитрию Медведеву, используя его блог. В период с 18 ноября 2009 года по 8 апреля 2010 года в видеоблоге Президента РФ было оставлено примерно 44 комментария от 27 жителей Самарского региона [2]. Внимание блогеров привлекли «Послание Президента Федеральному Собранию по сокращению часовых поясов» и переход Самарской области во второй часовой пояс – на московское время.

Естественно, блог главы государства щедро модерировается и, вероятно, наиболее эмоциональные посты из него удаляются. Тем не менее комментарии лишь трех из тридцати блогеров носят позитивный характер. Какие аргументы предъявило инициатору сокращения часовых поясов активное меньшинство противников перехода Самарской области на московское время? Можно начать с того, что сама идея сокращения часовых поясов воспринимается как безумие, а переход Самарской области во второй часовой как абсурд.

Первым среди аргументов «против» следует отметить противоестественность перевода. Люди будут «лишены возможности жить по реальному солнечному времени». Сюда же можно отнести «странность» нового положения вещей, когда «наша область будет иметь одно время с

регионами, находящимися за тысячу километров», в то время, как «с соседями разница во времени будет составлять 2 часа».

Введение московского времени на территории Самарского региона прежде всего означает смещение световой части дня, более раннее наступление темноты в вечернее время суток. Осознание населением того, что в связи с переходом в новый часовой пояс они будут терять световые часы, для противников московского времени уже само по себе является аргументом против этого перехода. Так, например, *«ранее плюсы самарского времени особенно ощущались на контрасте с Татарстаном, где зимой выходили из офиса по темноте»*.

Прямым следствием «жизни в темноте» является рост потребления электроэнергии, а, следовательно, и рост расходов населения. Об этом пишут и беспокоятся многие из участников блога и даже прогнозируют рост «потребления электроэнергии в Самарской области процентов на 10 минимум в летнее время». Таким образом, рост затрат на электроэнергию – еще один аргумент против введения московского времени.

Следующими факторами, определяющим неприятие московского времени, является небезопасность на улицах города в темное время суток, обеспокоенность в этой связи «за детей, идущих в школы», рост числа дорожно-транспортных происшествий.

Кроме того, жизнь в новом часовом поясе означает, что у населения сократится время вечернего активного и комфортного досуга, под которым понимается выезд на природу, на дачи, прогулки в парках, посещение набережной и т. д. Отсутствие возможности иметь «полноценный досуг», с одной стороны, лишает население «естественного оздоровления», с другой стороны, «нарушает его конституционные права на полноценный отдых». «Ранний заход солнца» приведет к тому, что люди будут вынуждены более пассивно проводить свое свободное время: «темнеть будет рано, и люди будут сразу идти домой, сидеть перед телевизором».

История с введением московского времени на территории Самарской области в 1989–1991 гг. также стала аргументом против повторной попытки. То, что население Самарского региона уже однажды не захотело жить по московскому времени, по мнению участников, является весомым аргументом против перехода во второй часовой пояс. Сегодня политики

вновь наступают на те же грабли, будоражат и нервную народ. «Неуточность прошлых ошибок при принятии решения о введении московского времени», да и сам факт принятие настолько непопулярного решения властями, в том числе вредит и им самим.

Приведенные выше возражения касались самого факта перехода. Другая группа аргументов объединяет тех, кто не согласен с процедурой и условиями перевода региона в другой часовой пояс. Так, еще одной темой комментариев данного блога стали обвинения в адрес политиков Самарского области и Губернской Думы. Они обвиняются в келейности своего решения, в нарушении демократических принципов. Также политикам вменяется в вину чиновничество, стремление угодить и пойти самым простым путем – «изо всех тем, затронутых в Вашем послании, была выбрана самая простая в решении – о сокращении часовых поясов».

Нарушение очевидных для участников блога принципов принятия важных решений приводит их к утверждению, что данное решение является непродуманным и снижает доверие властям. Самарцы называют его «поспешным и носильным», «без обоснований необходимости такого перехода», «без широко общественного обсуждения». По мнению противников перехода, решение данного вопроса должно быть всенародным и отсутствие референдума – еще один довод против перехода на московское время. Следует отметить, что доводы сторонников московского времени противниками не считаются вескими и обоснованными.

Таким образом, при доминировании позитивного отношения к смене часового пояса населения одного из ключевых российских регионов на протяжении почти двух десятков лет сохраняется значительная доля противников такого перехода. Причем, как показывает опыт двух попыток перехода на московское время в 1989–1991 гг. и в 2010 г., это меньшинство представляет собой активную социальную группу, способную в течение долгого времени сохранять актуальной тему обсуждения в общественном мнении. При этом одним из главных аргументов противников и тогда, и сейчас стала поспешность принятого решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. <http://news.frantob.ru/news/2009/01/22/106.htm>
2. <http://blog.kremlin.ru>

УДК 304.44
ББК 60.546.21

С. О. Лебедева

ГОРОД КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Волжский политехнический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета
E-mail: vsg@volpi.ru

В статье рассматривается город с позиций социокультурного подхода. Культура и социальность дают возможность понять связь устойчивого и изменчивого в городской среде. Дается понятие социокультурной модернизации и рассматриваются ее перспективы в условиях среднего российского города.

Ключевые слова: город, культура, социальность, социокультурное пространство, социокультурная модернизация, идентичность.

S. O. Lebedeva

THE CITY AS SOCIOCULTURAL SPACE

Volzhsky Polytechnical Institute (branch) of VSTU

The article considers the city from the socio-cultural point of view. The cultural and social dimensions make it possible to understand the connection between the stable and the variable in the urban environment. The concept of socio-cultural modernization is defined and its prospects in the conditions of an average Russian city are considered.

Keywords: city, culture, social dimension, socio-cultural space, socio-cultural modernization, identity

Квинтэссенцией человеческой цивилизации является город, он – ее нервный узел. Процессы, протекающие в городах, оказывают воздействие на жизнь всего общества: это верно не только для древности и средневековья, но и для современной сплошь городской цивилизации. Образ города – это во многом и образ создавшей его культуры, наиболее отчетливо выражающий ее сущность. При этом философские, культурологические и социологические аспекты феномена города изучены сегодня еще недостаточно. Этот факт служит обоснованием актуальности выбранной темы.

Всем хорошо известны количественные признаки в определении города: концентрация населения и вытекающая отсюда его плотность, особая архитектура и технические средства коммуникации; концентрация производства и обслуживающей ее инфраструктуры, высокая плотность застройки городской территории; наличие большого числа транспортных магистралей социокультурного (дворы, улицы, проспекты, площади, парки) и инженерного (шоссе и транспортные развязки, железнодорожные узлы и вокзалы, водопроводные и телекоммуникационные сети) назначения.

Урбанистическая среда – самая интернациональная в мире, город максимально нивелирует условия труда и жизни населения. Люди живут и работают в строениях, сооруженных по одним и тем же или очень близким типовым

проектам, передвигаются в однотипных средствах транспорта, находятся под воздействием однотипных звуков работающих машин. Даже информация стандартизируется: телевидение и газеты становятся все более похожими во всем мире, одни те же видеофильмы и аудиодиски продаются и прослушиваются и просматриваются повсюду.

Качественным характеристикам специфики взаимодействия и поведения в городской среде уделяется меньше внимание. Недостаточное внимание или сознательное пренебрежение качественными характеристиками не позволяет увидеть город как социокультурный феномен.

Вместе с тем город – это особый тип социальных отношений, ключевым определением которых является корпоративность. Можно выделить несколько базовых предпосылок появления города, описанных М. Вебером: а) разрушение родовой общины и появление массы маргиналов; б) смена ценностно-мировоззренческих ориентаций людей, появления нового типа культуры – сциентистски-рациональной и инновационной; в) изменение характера экономической мотивации [1].

Город как социокультурный феномен становится объектом изучения у Ф. Тенниса, который выделяет такие черты городского общества, как: 1) доминирующая форма отношений – специализированные безличные отношения, основанные на расчете; 2) механизмы регуля-

ции взаимодействия – формальная нормативность и деловая этика; 3) основа социального положения – достигаемый статус, индивидуально-личные достижения; 4) субъект социального действия – «лицо», действующее на основе формального механического единства с другими; 5) основа взаимодействия – формальные организации и контракт [2].

Р. Парк рассматривает город как среду обитания, особо подчеркивая такую характеристику городской жизни, как свобода и ее измерения: 1) свобода передвижения, позволяющая осваивать и видеть мир; 2) свобода конкуренции за место в общей экономике; 3) свобода конкуренции за место и статус в социальной иерархии, то есть политическая свобода; 4) свобода самовыражения. Таким образом, через свободу реализуется такая сущностная характеристика городской жизни как коммуникация. Город – это постоянная социокультурная динамика, взаимопроникновение на территорию и в социокультурное пространство нормативности различных групп. В городской среде сталкиваются два разнонаправленных потока: с одной стороны, сегрегация как социокультурное обособление групп, а с другой – ассимиляция как социокультурные растворения индивидов в группах [3, 4].

В исследовании Э. Бёрджеса поднимается проблема выделения структурных единиц социокультурной среды города. Социокультурная гетерогенность предстает как мозаика социокультурных миров, различных по символической и социально-организационной структуре [5].

Город, как и общество целом, есть единство культуры и социальности. В нашем контексте имеет смысл прислушаться к определению культуры, данном В. Л. Глазычевым в одном из интервью: «Культура – это машина, внутри которой проектируются, создаются, обмениваются, распространяются и поглощаются ценности». А под социальностью понимается совокупность отношений каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами – вся палитра отношений, формируемых в процессах деятельности и имеющих институциональную форму своего выражения. Социокультурный подход к городу выясняет сопряжение устойчивого и изменчивого, то есть культуры и социальности.

В связи со способностью города интегрировать все новые и новые социальные структу-

ры, его можно определить как коммуникативное пространство особого типа. В городе сталкиваются, конфликтуют, но в конечном счете уживаются самые разные социальные группы, энергия которых «питает» городское пространство, держит его в состоянии повышенного тонуса. Так рождается ментальное измерение городской жизни – «дух города», стягивающий духовную жизнь локальных городских сообществ с социокультурными характеристиками города как целого.

По мнению Н. И. Лапина, социокультурный подход можно конкретизировать в виде нескольких принципов:

– принцип человека активного, который одновременно является и принципом человеческого взаимодействия;

– принцип взаимопроникновения культуры и социальности. Эти две ипостаси любой человеческой общности не сводятся друг к другу и не выводятся друг из друга, но взаимно влияют друг на друга;

– принцип антропосоциетального соответствия означает совместимость личностно-поведенческих характеристик человека и социетальных характеристик общества. Известны два способа достижения такой совместимости: в традиционалистском обществе характеристики человека должны соответствовать сложившимся социетальным структурам, которые ограничивают пространство для нарушающих традиции инициатив индивида (принцип закрытости); в либеральном или современном обществе приоритет отдается свободам и ответственности людей (принцип открытости);

– принцип социокультурного баланса, который означает, что разнообразные и противоречивые потребности, ценности, интересы субъектов деятельности обеспечиваются структурами, институтами, процессами социума;

– принцип симметрии и взаимообратимости социетальных процессов означает, что каждому процессу, воплощающему общественную динамику и имеющему определенную направленность, соответствует противоположно направленный (симметричный, парный) процесс, а при переходе процесса из одной стадии в другую он может превращаться в свою противоположность (интеграция – в дезинтеграцию и обратное) [6].

Для исследования социокультурных процессов в современной городской среде становится предельно важной выработка конструк-

тивных идей, раскрывающих траектории динамики культуры в новых условиях. Социокультурные процессы, однако, подвергаются исследованию реже, чем экономические, политические или экологические, и их траектории практически не вычерчены.

В последнее время центр внимания авторов медленно, но неуклонно смещается к проблемам социокультурной модернизации, где и начинают усматривать причину торможения экономических реформ. Под социокультурной модернизацией понимают формирование определенного типа сознания и детерминированных им поведенческих практик индивидов. Это формирование протекает во внутреннем единстве с формированием соответствующих общественных институтов.

Нередкими в дискуссиях исследователей становятся предположения о первичном характере социокультурной модернизации по отношению к состоянию таких сфер жизни общества, как экономика и политика. Это свидетельствует о том, что «культурцентричные» концептуальные подходы к развитию современного российского общества начинают постепенно прокладывать себе дорогу. Сегодня начинает укрепляться понимание, что импульсы развития возникают в человеческой культуре, которая определяет пути дальнейших перемен и формирует образ будущего. Ценности культуры определяют идентичность общества в целом, отдельных слоев и групп, формируют отношение к труду, семье, здоровью, могут консолидировать общество или разделять его. Таким образом, культура может обеспечивать динамические ресурсы для успешного общественного развития или, наоборот, провоцировать его провал.

Такой подход к культуре определяет ее понимание как системы правил игры или своего рода социальных конвенций, соглашений коллективного существования и взаимодействия людей. Эти социальные конвенции существуют в самых разных проявлениях. Они воплощаются в искусственных объектах, выражаются в способах жизнедеятельности, ценностных системах, традициях, верованиях. Культура связывает природу и общество через развертывание творческой деятельности человека.

К сожалению, пока можно лишь говорить о социокультурных последствиях наших реформ. Но опыт преобразований последних двух десятилетий требует осознания растущей роли

социокультурных факторов в процессе общественной трансформации. Можно сказать, что сложная диалектика социокультурного и экономического развития в ходе проведения реформ практически не учитывалась. И сегодня ясно видно, что экономика не может развиваться в распадающемся, дезинтегрированном социуме. Без учета культурной специфики невозможна реализация какой-либо модели развития. Городская культура – это условия выработки, закрепления и трансляции городских ценностей, имеющих решающее значение для судьбы модернизационных процессов в современной России.

Городское пространство – это сложный и специфический социокультурный комплекс. Полиморфизм городской среды проявляется в множественности форм городской жизни. Сущностными характеристиками городского образа жизни многие исследователи считают: 1) высокий уровень социальной дифференциации: видов деятельности, территории и пространства; 2) социокультурную гетерогенность; 3) высокий уровень социокультурной мобильности; 4) высокий уровень социокультурной динамики; 5) высокий уровень вариативности и альтернативности сознания и поведения; 6) интенсивность социопространственной мобильности – взаимодействие с большим числом различных социальных групп; 7) широкие возможности выбора моделей поведения; 8) высокий уровень инновационной активности; 9) информационную насыщенность городской среды (территорий и пространства); 10) личностную локализацию городской жизни; личностный выбор оснований и стратегий поведения.

Городское пространство представляет собой территорию, которая отражает не столько межпоколенную историю людей, запечатлеваемую в культурном ландшафте, сколько особенности функционального взаимодействия между группами людей, каждая из которых решает собственную задачу. В силу социокультурной инновационной активности горожан городское культурное пространство отличается мобильной изменчивостью и внутренней мозаичностью.

Однако нет и не может быть единой городской культуры. Уникальность и неповторимость городов порождают калейдоскоп и причудливые конфигурации форм городской жизни. Для жителей среднего города социокультурная идентичность позволяет преодолеть

отчуждение человека от глобального экономического и политического пространства. Благодаря регионально-культурной идентификации, средний город становится соразмерным человеку, обретает осмысленность и воспринимается как потенциально неопасный. Момент восстановления суверенитета человека, его идентичности в пространстве культурных смыслов является важнейшим в понимании регионализации как развивающейся и перспективной государственной культурной политики.

Если с уровня общих характеристик городского социокультурного пространства спуститься на уровень особенного и частного, то не может не возникнуть вопрос о достаточности оснований для применения этих характеристик к российским городам. По мнению В. Л. Глазычева, в России города в европейском понимании нет, так как город – это прежде всего самосознающее городское сообщество, а оно не могло сложиться в течение всей советской индустриализации, сопровождавшейся мощным строительством слобод. Слободы тем и отличаются от города, что реального самоуправления в них нет. Слобода – это неустойчивость бытия в пространстве, у которого есть форма города.

Город отличается не тем, что у него другая архитектура. Более того, у него и архитектура другая только потому, что весь его строй рассчитан, настроен на то, чтобы создавать многообразие выборов. Богатое структурирование возможностей – вот что отличает город от негорода, город от слободы.

Российские горожане в массе своей проживают в городе на протяжении не более двух-трех поколений. Рост городов в России шел крайне бурно в прошлом веке за счет оттока наиболее активных людей из деревни, которая стала местом несоизмеримо более бедного уровня жизни. Многие мужчины после второй мировой войны не вернулись в село, устроились в городах и перевезли туда свои семьи, молодежь рвалась на учебу и «стройки коммунизма». Неизживаемой особенностью российского города является дефицит жилья и повышенная скученность населения: страна строила заводы, каналы, ГЭС, но крайне мало жилья. Отсюда сохранение и посада, и бараков, и слобод.

Городской образ жизни – это особый феномен, складывающийся в течение длительных периодов силами ряда поколений горожан, активно формирующих окружающую искусст-

венную среду, систему ценностей, норм и правил общежития, передающих друг другу эстафету традиций и исторической преемственности. Этот образ жизни нельзя приказным порядком ввести в действие в «мгновенном» поселке мобильных домов, владельцы которых практически не связаны никакими узами.

Социокультурное пространство города должна быть настроено на людей с разными уровнями дохода, каждый может и должен найти в нем свое, не вступая в конфликт с другими. Когда это условие выполняется, в городе начинает вызревать культура, что дает городу шанс относиться к прошлому и настоящему, включая свое собственное, как к предмету деятельности, а не просто как к омертвелой ценности, которой положено поклоняться. Город как утверждение принципа многообразия жизнедеятельности действительно может и должен стать «увеличительной линзой» социокультурных инноваций.

Большой интерес вызывают вопросы о влиянии процессов глобализации на развитие регионального социокультурного пространства. Глобальные императивы требуют изменения принципов организации социокультурной жизни России, преобразования структур, сложившихся внутри национальной культурной подсистемы. Для того, чтобы глобализация не оказалась опасной для страны, открывшейся миру и последовавшей по пути демократического развития, чтобы она могла быть достойно представлена на глобальном социокультурном уровне, большую важность приобретает продуманная и эффективная локальная культурная политика, а также выбор соответствующих инструментов этой политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вебер, М. Избранное. Образ общества. / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
2. Теннис, Ф. Общность и общество / Ф. Теннис // Социологический журнал. – 1998. – № 3–4. – С. 226.
3. Баньковская, С. Роберт Парк / С. Баньковская // Современная американская социология / под ред. В. И. Добренкова. – М.: Издательство Московского университета, 1994. – С. 3–49.
4. Парк Р. Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. – 2000. – № 3. – С. 136–150. (Серия 11. Социология).
5. Баньковская, С. П. Эрнст Берджесс / С. Баньковская // Современная американская социология / под ред. В. И. Добренкова. – М.: Издательство Московского университета, 1994. – С. 20–32.
6. Лапин, Н. Проблема социокультурной трансформации / Н. Лапин // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 3–18.

УДК 316.334.56
ББК 60.546.21

В. А. Парамонова

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ: КРИТЕРИИ ОТЛИЧИЯ

Волгоградский государственный университет

E-mail: vparamonova@rambler.ru

В данной статье анализируются различные критерии, значимые в понимании системы «город – деревня». В статье рассматриваются следующие критерии: экономические (разделение труда; меновые отношения; рынок); институционально-правовые; тип застройки и др.

Ключевые слова: система «город – деревня»; экономические критерии; разделение труда; меновые отношения; рынок; институционально-правовой критерий; критерий – тип застройки.

V. A. Paramonova

CITY AND COUNTRYSIDE: CRITERIA FOR DISTINCTION

Volgograd State University

The paper deals with the analysis of various criteria relevant to the understanding of the «city – countryside» system. The author considers the following criteria: economic (division of labour; exchange relations; market); legal and institutional; the type of housing and others.

Keywords: «city – countryside» system; economic criteria; chronological axis; legal and institutional criteria; criteria – type of housing.

Человеческая цивилизация намертво увязана с оседлым образом жизни. В процессе развития социума происходило постепенное преобразование человеческих поселений – от наиболее простых, таких как первобытные стоянки, до сложных – городов и мегаполисов. Несмотря на тысячелетнюю историю существования городов в различных частях света, возникали и возникают вопросы, требующие немедленного решения. Однако практическое решение существующих проблем города невозможно без теоретического осмысления феномена «город». А любая попытка проникнуть в сущность рукотворной среды обитания – города, наталкивается на невозможность выработки простейших критериев его определения, без учета его вечного визави – сельского поселения.

Понятие «город» не относится к числу точных научных терминов. Городами в разные исторические промежутки и разных странах обозначались явления с несходными существенными признаками. Однако в целом в процессе осмысления системы «город – деревня» человечество выработало различные критерии, отделяющие одновременно существующие различные типы человеческих поселений.

Значимым критерием для выделения города из сельской местности является *разделение общественно-экономического труда*. Так, Ф. Бродель отмечает, что «не существовало города без неперемного разделения труда и не бывало

сколько-нибудь продвинувшегося разделения труда без вмешательства города» [3, с. 509–510]. Город формируется как продукт разделения труда на земледельческий, торговый и ремесленный. В городе концентрируются определенные неземледельческие виды деятельности, что способствует сосредоточению в нем «высших интеграционных функций общества – власти и управления, культуры и идеологии, налогообложения и защиты «своей» территории» [8, с. 9].

Следующим критерием, обеспечивающим отделение города от близ лежащей аграрной территории, является рынок. У истоков городской жизни лежали меновые отношения. К. Маркс отмечает, что «получается так, что как только городская промышленность как таковая отделяется от земледелия, ее продукты с самого начала становятся товарами, и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с развитием городов и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлей понятны таким образом сами собой» [7, с. 365]. А Ф. Бродель акцентирует внимание на невозможности существования города без рынка, а также региональных или национальных рынков без городов [3, с. 510]. Уже в доиндустриальном городе создавались условия для очень узкой специализации торговли и ремесла. О. Г. Большов отмечает, что в крупных средневековых городах «существовало свыше 100 торгово-ремесленных специаль-

ностей и десятки специализированных базаров..., чем больше был город, тем уже специализация» [2, с. 188–189].

Именно классики марксизма указали, что появление городов обусловлено разделением общественно-экономического труда; наличием органической связи городской жизни с товарно-денежными отношениями; наличием неразрывной связи между торговым и промышленным капиталом [8, с. 18–27].

Другим значимым критерием является *сгущение населения в отдельных населенных пунктах*. Так, в доиндустриальную эпоху в городах доколониального Востока проживало 15–20 % населения, что составляло от 500 до 1500 тысяч жителей, в Европе эти цифры были значительно ниже – 5–10 %, то есть от 100 до 275 тысяч человек [8, с. 12]. Так, за два столетия (с 1800 по 2000 гг.) количество населения, проживающего в городах, увеличилось с 3 до 47,5 % [6, с. 282]. Неудивительно, что по существующим прогнозам, к середине XXI в. около 80 % человечества станет именовать себя горожанами [4, с. 6]. Однако, несмотря на то, что долгое время перевес явно оставался за аграрным миром, именно город обеспечивал дальнейшее разделение труда, так как существовали и существуют «профессии, даже самые простые, которыми можно заниматься только в большом городе» [10, с. 24].

Однако экономическое разделение труда и сгущение населения требуют наличия дополнительных показателей, без которых город не получает решающего перевеса над сельской периферией. И таким показателем, обеспечивающим формирование системы «город – деревня», является наличие городской элиты, занимающей определенное место в иерархической системе всей территории. Передвижение этой элиты из поселения в поселение повышает или понижает его (поселения) статус в иерархической системе политических городов. Так, в процессе собирания земель вокруг Москвы, бывшие столичные города феодальных земель лишаются своего политического статуса и постепенно превращаются в небольшие провинциальные города. Так произошло с Суздалем, Великим Новгородом и другими древнерусскими городами.

Однако и совокупность этих критериев не делает город городом. Так, в своей работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин отметил, что «местечко» Орехово-Зуево в 1890 г.

уступало по числу рабочих (26,8 тысяч) лишь Москве и Петербургу (тысяч по семьдесят), и при этом числилось «фабричным селом» [5, с. 519–520]. Этот пример рубежа XIX–XX вв. указывает, что город становится городом, если помимо экономической функции выполняет и ряд других – политических, социальных, культурных, институциональных.

Еще одним критерием обеспечивающим разделение поселений на поселения аграрного и неаграрного миров является *институционально-правовой статус населенного пункта*. Именно официальное признание населенного пункта городом обеспечивает ему вхождение в иерархическую систему политических городов, которая формирует урбанистический каркас территории – провинции, государства. Л. И. Рейснер подчеркивает, что данный фактор значим, хотя зачастую игнорируется. Однако именно росчерк пера определяет статус поселения, обеспечивая ему или принадлежность к сословию городов, либо лишает небольшой город такового. Причем в данном случае политиком, определяющим статус поселения, совершенно не учитываются реальные и научные критерии, доказывающие или опровергающие основу принятого волевого решения [8, с. 9].

Немаловажным критерием разделения аграрного и неаграрного поселений является тип застройки. Для города характерен городской тип застройки – наличие многоэтажных строений и близость их расположения. Количество вертикалей, находящихся в пространстве населенного пункта определяют, помимо иных критериев, его статусную позицию в иерархической системе поселений. Менее значимое поселение, обладает меньшим числом вертикально возносящихся конструкций. Принципиальное отличие двух современных видов российских населенных пунктов (деревни и села), принадлежащих аграрному миру, в наличии или отсутствии церкви, возвышающейся над всеми остальными постройками. Именно наличие вертикальной доминанты является одним из критериев ранжирования различного типа поселений. Город количеством своих вертикальных доминант заявляет о своем главенстве над примыкающими к нему аграрными территориями.

Следует отметить, что данный критерий далеко не всегда совпадает в разных социокультурных традициях. В отечественной и западноевропейской практике статус города име-

ют или не имеют одинаковые по физическим характеристикам поселения (количество жителей, этажность построек). В России населенный пункт, имеющий около 120 частных владений, даже при наличии асфальтированной дороги, воспринимается как поселение, принадлежащее скорее к аграрному миру, чем к урбанистическому. При посещении российских городов, сохранивших свои границы в рамках доиндустриальной эпохи, например, Суздаля, достаточно трудно, особенно современному горожанину, воспринимать данный населенный пункт не просто как город, а как столицу княжества. В этом поселении не существует уже привычных зданий из стекла и бетона, жилые строения не превышают двух-трех этажей и т. п.

Следовательно, на современном этапе существуют населенные пункты, имеющие статус города, но при этом у них отсутствуют полностью или частично такие характеристики, как значительная скученность населения и ярко выраженный тип городской застройки.

Достаточно долго критерием, обеспечивающим выстраивание системы «город – деревня», является наличие или отсутствие оборонительных сооружений – крепостных (городских) стен. Причем следует отметить, что данный критерий может использоваться только при описании иерархической системы населенных пунктов в доиндустриальную эпоху. Наличие у городов древнего и средневекового мира крепостных стен, выполнявших одновременно и защитную функцию и функцию пропускного пункта таможни, выделяли данный тип поселения над аграрной территорией. Так, например, секретарь Гельштинского посольства Адам Олеарий, в 1632 г. описывая Царицын, указывает, что крепость была «окружена деревянной крепостной стеной с двенадцатью башнями и усилена по периметру рвом» [1, с. 12].

Наличие или отсутствие крепости (бурга, детинца и т. п.) в доиндустриальном обществе являлось одним из критериев при определении иерархической градации поселения. Именно городская стена обеспечивала на определенном этапе развития общества факт принадлежности того или иного населенного пункта к сословию городов. Крепостные стены выполняли свою основную функцию – обеспечение безопасности. С развитием новых видов вооружения городские (крепостные) стены утрачивают свою фортификационную значимость, что и определило исчезновение необходимости возведения

оградительных сооружений вокруг города. На современном этапе города совершенно не обременены защитными сооружениями, характерными для более ранних эпох.

Следует отметить, что несомненным критерием, обеспечивающим построение системы «город – деревня», является *время*. Причем этот фактор не столь зримо прослеживается, как скажем, институционально-правовой, социально-экономический, демографический, социокультурный. Однако именно время позволяет рассматривать город как специфический конструкт. Наличие хронологической оси, несмотря на всевозможные, подчас катастрофические разрушения, вызванные стихийными бедствиями, пожарами, нашествиями завоевателей и т. п., обеспечивает сохранность города [9]. Время позволяет определить место города в историко-социальном пространстве общества. Именно хронологический конструкт позволяет позиционировать Рим как «вечный город». Достаточно сложно будет воспринять информацию о некоем поселении аграрного мира как «вечного села» или «вечной деревни», хотя, несомненно, ведется историческая летопись и от ее основания. С исчезновением временной оси, вокруг которой и формировалась пространственная структура, город переходит в разряд легендарных, таких как Троя или Китежград, а любой иной населенный пункт аграрного мира исчезает с лица земли и не остается в памяти народа.

Однако коренное отличие города от деревни зиждется на наличии у города пространства, живущего по своему собственному времени [9]. Причем городское время и время деревенское существенным образом отличаются, хотя с точки зрения физического времени они находятся в одной точке отсчета. Сельское бытие, что в доиндустриальном, что в индустриальном или постиндустриальном обществах, привязано к годовым циклам природы, полностью определяется сменой сезонов, временем суток. Соблюдение природно-погодного цикла в деревне является основой его если не процветания, то, как минимум, достаточно сытого существования. Даже минимальное изменение временного режима, например, при переходе на «летнее» или «зимнее» время, по оценкам селян, влечет за собой снижение надоев молока, пока не произойдет адаптация поголовья скота к новому режиму дойки. А такие сельскохозяйственные работы, как сев, уборка зачастую не вписываются в нормы современного трудового права,

закрепляющего, в большинстве случаев, сорокачасовую рабочую неделю. Следовательно, деревенский житель при всевозможной модернизации сельскохозяйственного производства продолжает жить в определенном ритме, определяемом природно-погодным циклом.

У горожанина же исчезает прямая зависимость в осуществлении той или иной деятельности от времени суток или сезонов. Большая часть жителей города активна днем, что обусловлено зависимостью жизнедеятельности человека от суточного ритма природы, а определяется его местом в иерархической системе искусственно созданной среды обитания. Появляются специальности, требующие активности в различное время суток, что вызвано существованием непрерывного производства, например, литейное, химическое и другие производства, железнодорожный транспорт и т. п. В городе постепенно формируется целый слой населения, чья деятельность совершенно не зависит от природно-погодного цикла.

Еще одно отличие времени для разных типов поселений заключается в плавности течения или определенной рваности. Весь уклад жизни и деятельность селянина определяются ритмически-пульсирующей жизнью природы, и, как следствие, организационно-хозяйственные ритмы из года в год воспроизводят действия, определяемые сезонными колебаниями. В целом формируется определенная размеренность жизни на селе, так как чтобы не происходило, а «придет время и рожь сеять». Годовой календарь, благодаря своей цикличности, формирует некую идеальную модель временного цикла, которому присуще рождение, расцвет, закат и умирание. Причем этот цикл способствует тягучести восприятия времени, потому что все повторяется ежедневно (сутки, состоящие из утра, дня, вечера и ночи) и ежегодно (весна, лето, осень, зима). Формируется определенное представление о жизни мира, что задает и ритм человеческой жизни.

В городе ритм жизни совершенно не согласуется с природно-погодным циклом. Работа горожанина напрямую уже не связана с годовым природным циклом. Город живет круглосуточно, что и формирует определенную рваность времени. Понятия «утро», «день», «вечер», «ночь» в целом у представителей разных профессий не совпадают. Работа на непрерывных производствах (в три смены) не позволяет соотносить режим работы с графиком природ-

ного цикла, так как последняя смена начинается с двенадцати ночи и продолжается до восьми утра, следовательно, время отдыха у этих работников приходится на светлое время суток. И таких профессий, чей график работы не соответствует, а зачастую и противоречит природному циклу в городе, достаточно много, например, транспортники, телевизионщики, работники радио и т. п. В городе формируется свой отсчет времени, уже не связанный с природно-погодными циклами. Так, например, в древнем Риме, отсчет времени велся от его основания (*ab urbe condita*), что и позволило сформировать представления о Риме как «вечном городе».

Таким образом, город вычленяется из аграрной периферии, противопоставив ей экономические, политические, институциональные, социальные, культурные, демографические и хронологические аспекты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Атопов, В. И.* Волгоград / В. И. Атопов, В. Е. Маслаев, А. Ф. Липявкин. – М.: Стройиздат, 1985. – 215 с.
2. *Большаков, О. Г.* Средневековый арабский город // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. / под ред. О. Г. Большакова; глав. ред. Восточной литературы издательства «Наука» – М.: Наука, 1982. – С. 136–214.
3. *Бродель, Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель.; пер. с фр. Л. Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1986. – 622 с.
4. Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Науч. совет по истории мировой культуры; под ред. Э. В. Сайко. – М.: Наука, 2001. – 394 с.
5. *Ленин, В. И.* Развитие капитализма в России // Ленин, В. И. ПСС. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 3. – 792 с.
6. *Лимонов, Л. Э.* Крупный город: регулирование территориального развития и инвестиционные стратегии / Л. Э. Лимонов; под ред. О. П. Литовка. – СПб.: Наука, 2001. – 270 с.
7. *Маркс, К.* Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений. – 2-е изд. – Т. 25. – Ч. 2.
8. *Рейснер, Л. И.* Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада / Л. И. Рейснер; под ред. Е. Г. Журавской, С. А. Панарина // Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – С. 7–44.
9. *Ромашко, С.* Монумент – сувенир – улика: временная ось мегаполиса / С. Ромашко // Логос. – 2002. – № 3–4 // <http://www.ruthenia.ru/logos/rumber/34/08.pdf>
10. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – Т. 1. – 372 с.

УДК 316.334.52
ББК 60.59

Ю. П. Дубровченко

**СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

**Волжский политехнический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета**

E-mail: uriy_d@freemail.ru

В статье анализируются количественные показатели социально-экономического развития Волгоградской и Саратовской областей. Рассматривается зависимость указанных показателей от состояния и функционирования региональной системы высшего образования.

Ключевые слова: регионы, региональное развитие, высшее образование, количественные показатели, инновационный потенциал.

Y. P. Dubrovchenko

**SYSTEM OF HIGHER EDUCATION AS A FACTOR SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT OF THE REGION**

Voljzkiy Polytechnical Institute (Branch) of Volgograd state technical university

The article analyzes the quantitative indicators of socio-economic development of the Volgograd and Saratov regions. Being considered by the dependence of these indicators on the status and operation of a regional system of higher education.

Keywords: regions, regional development, higher education, quantitative, innovative capacity

Неоспорим тезис, что образование является одной из движущих сил социального прогресса. Очевидно, что социально-экономическое развитие региона также зависит от того, как функционирует региональная система образования. Тем не менее конкретные формы реализации данной взаимосвязи требуют своего изучения. В данной работе на примере Волгоградской и Саратовской областей рассматривается, как разница в потенциале вузовского образования сказывается на показателях регионального развития.

Исторически сложилось, что развертывание системы высшего образования в нашей стране в территориальном отношении было неравномерным. Помимо Москвы и Санкт-Петербурга сформировались несколько региональных центров развития высшей школы, таких как Казань, Новосибирск, Томск, Нижний Новгород, Самара, значительно отличающихся в этом отношении от других крупных российских городов. Необходимо отметить несколько важных причин складывания подобной ситуации:

– неравномерность плотности заселения и хозяйственного освоения территории страны;

– тенденции развития высшей школы, заложенные еще в дореволюционный период – учрежденные в ту пору университеты сохранили десятилетия спустя свой высокий научно-

педагогический потенциал, продолжали оставаться центрами притяжения интеллектуальной элиты общества;

– высшие учебные заведения в советское время открывались как составные элементы крупных научно-производственных комплексов, призванные обеспечить последние квалифицированными кадрами.

Описанные обстоятельства привели к складыванию одной из форм неравенства между регионами Российской Федерации – по уровню развития системы высшего образования. Это создает условия для проведения сравнительного анализа влияния высшей школы на развитие региона. Данные сравнения возможны на основе сопоставления различных количественных показателей, которые в той или иной мере могут зависеть от функционирования региональной сети вузов. При этом, безусловно, нужно учитывать степень сопоставимости (близости) регионов по их основным характеристикам – природным, демографическим, экономическим.

Выделение Волгоградской и Саратовской областей в качестве объектов сравнения представляется оправданным, так как они близки по ряду базовых показателей – размерам территории, географическим и климатическим условиям, ресурсной базе, численности и плотности населения (2598,9 тыс. человек в Волгоградской

области и 2572,9 тыс. человек в Саратовской области, плотность населения, соответственно – 23,0 и 25,4 чел. на км²), поселенческой структуре (19 городов, из них один свыше 500 тыс. человек, два свыше 100 тыс., 23 поселка городского типа в Волгоградской области и 18 городов, из них один свыше 500 тыс. человек, два свыше 100 тыс., 27 поселков городского типа в Саратовской области) [1, с. 191, 249]. Отраслевая структура экономик регионов характеризуется сопоставимым уровнем развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства.

Саратовская область отличается от Волгоградской области более высоким уровнем развития высшей школы как в качественном, так и количественном выражении. Так, в Саратовской области (прежде всего в г. Саратове – столице крупной губернии в дореволюционный период) гораздо раньше, нежели в Волгоградской области, стал формироваться широкий слой интеллигенции, обеспечивающий интеллектуальными ресурсами сферу образования. Саратовский государственный университет был учрежден в 1909 г. и стал крупным научным и образовательным центром Поволжья. В г. Саратове в советское время были открыты специализированные высшие учебные заведения (экономический институт, консерватория), выходящие за рамки стандартного набора вузов большинства крупных региональных центров, состоящего из университета, педагогического, политехнического, сельскохозяйственного и инженерно-строительного институтов. Количественные показатели функционирования учреждений высшего образования соответствуют сказанному выше. По состоянию на 1990/91 гг. численность студентов вузов составляла в Волгоградской области 39 тыс. человек, в Саратовской области – 57,8 тыс. человек, в 2000/01 гг. – 64,3 и 83,4 тыс. человек, в 2004/05 гг. – 100 и 120,9 тыс. человек, в 2007/08 гг. – 115,8 и 126,6 тыс. человек [2, с. 274–277]. Выравнивание численности студентов вузов в Волгоградской и Саратовской областях в последние годы произошло за счет деятельности негосударственных учебных заведений (15,5 тыс., и 3,2 тыс. человек соответственно), качество обучения в которых нередко находится на невысоком уровне. По числу студентов вузов на 10000 человек населения Волгоградская область среди регионов России занимала в 2007 г. 39-е место, Саратовская область – 25-е место [2, с. 287–289].

Показатели уровня развития региона, которые тем или иным образом могут зависеть от функционирования системы высшего образо-

вания, следует объединить в три группы: экономические, социально-экономические, показатели инновационной деятельности (состояние духовной, политико-правовой и прочих сфер региона в настоящей работе не рассматриваются).

По состоянию на 2007 г. показатели, демонстрируемые отраслями региональной экономики [2, с. 32–35], позволили областям занять соответствующее место среди субъектов Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Место, занимаемое регионом по экономическим показателям

Показатели	Области	
	Волгоградская	Саратовская
ВВП на душу населения	41	53
Основные фонды в экономике	18	23
Добыча полезных ископаемых	26	31
Обрабатывающие производства	15	29
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	27	16
Продукция сельского хозяйства	10	8
Ввод в действие общей площади жилых домов	50	31
Оборот розничной торговли	42	62
Поступление налогов и сборов в бюджетную систему РФ	36	41
Инвестиции в основной капитал	65	68

Социально-экономические показатели в целом приближаются к показателям экономического. В основном Волгоградская область занимает более высокие позиции, нежели Саратовская область [2, с. 32–35] (табл. 2).

Как видно, преимущество Саратовской области в уровне развития высшей школы не в достаточной мере реализуется местной экономикой. Конечно, подобный вывод является не окончательным. Необходим более детальный анализ структуры региональных экономик, состояния материальных фондов, инвестиционной привлекательности промышленных предприятий, сельского хозяйства и т. д. Тем не менее уже на данном этапе можно заключить, что наблюдается специфичная для российской экономики ситуация, когда система высшего обра-

Таблица 2

Место, занимаемое регионом в 2007 г. по основным социально-экономическим показателям

Показатели	Области	
	Волгоградская	Саратовская
Уровень занятости	42	63
Среднедушевые денежные доходы (в месяц)	39	69
Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций	54	59
Число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения	51	20
Общая площадь жилых помещений, приходящая в среднем на одного жителя	58	68

зования обеспечивает восполнение потребностей экономических отраслей индустриального общества и не служит достаточной основой для развития сфер интеллектуальной деятельности. Система вузов не обуславливает качественные изменения отраслевой структуры региональной экономики (по крайней мере, в наблюдаемом случае), формирование зоны роста, концентрирующей интеллектуальные ресурсы и демонстрирующей высокую эффективность их использования. Это подтверждают данные о составе занятого населения. Доля лиц с высшим образованием в Волгоградской и Саратовской областях одинакова (22,0 % и 22,4 % соответственно) [2, с. 124–125].

Важным является изучение показателей инновационной составляющей региональных экономик. Здесь потенциал высшей школы может проявлять себя напрямую. Волгоградская область уступает Саратовской области по числу организаций, выполнявших исследования, численности персонала, занятого исследованиями и разработками, числу созданных и использованных передовых производственных технологий [2, с. 794–797, 824–827] (табл. 3).

Особый интерес представляет тот факт, что Волгоградская область опережает Саратовскую область как по числу организаций, осуществляющих инновационную деятельность, так и по их удельному весу в общем числе организаций. В 2007 г. в Волгоградской области насчитывалось 67 таких организаций с удельным весом 11,3 % против 54 саратовских организаций с удельным весом 8,5 % [2, с. 828–829]. В Волгоградской области выше затраты на технологи-

Таблица 3

Показатели научно-производственной сферы

Области	Годы			
	2004	2005	2006	2007
Число организаций, выполнявших исследования и разработки				
Волгоградская область	49	45	42	48
Саратовская область	56	57	53	55
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками				
Волгоградская область	4298	4157	4017	4553
Саратовская область	10060	6677	6317	5811
Число созданных / использованных передовых технологий				
Волгоградская область	3/1097	1/1603	2/1921	3/2624
Саратовская область	12/3886	9/4163	11/4611	9/4768

ческие инновации, в 2007 г. они составили 6756639 тыс. руб. против 3252899 тыс. руб. в Саратовской области [2, с. 830–831]. Тем не менее по объему инновационных товаров и услуг, реализованных в том же году, лидирует Саратовская область с 6159,2 млн. руб. стоимости отгруженных товаров (3 % от общего объема) против 2441,1 млн. руб. (0,6 %) Волгоградской области [2, с. 832–833]. В предыдущие годы ситуация была схожей и данные за 2007 г. лишь подтверждают тенденцию. Таким образом, эффективность работы саратовских организаций является более высокой. Это можно объяснить лучшей квалификацией управленческих кадров и технического персонала, что также рассматривается как следствие влияния интеллектуальной среды, формируемой региональными вузами.

Исходя из сказанного выше, можно заключить, что пока образование и наука не являются самостоятельной и самодостаточной отраслью экономики. Перед региональной властью стоит задача не только повышения качественного уровня местной высшей школы, но и создания условий для воплощения ее потенциала в зримых социальных достижениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 375 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – 999 с.

УДК 316.42
ББК 60.5

Е. В. Каргаполова

РЕСУРСОСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИННОВАЦИОННОМ СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

Астраханский инженерно-строительный институт

E-mail: k474671@list.ru

Статья посвящена одной из стержневых проблем социально-гуманитарного знания – проблеме социального развития. Прослеживается необходимость разработки программ долгосрочного стратегического планирования социального развития. Подчеркивается важность разработки концепции устойчивого (самоподдерживающего) социального развития России с опорой на инновационный сценарий. Автор разрабатывает идею ресурсосбережения и ресурсообеспечения как одну из основополагающих в концепции устойчивого социального развития на основе глубокого изучения менталитета населения.

Ключевые слова: социальное развитие, инновационный потенциал, стратегическое планирование, социальный прогресс, менталитет, ресурсосбережение.

E. V. Kargapolova

RESOURCE SAVING TECHNOLOGES IN THE INNOVATIVE SOCIAL DEVELOPMENT

Astrakhan Engineering-Building Institute

The article is devoted to one of the basic problems of social-humanitarian knowledge – the problem of social development. The importance of creating a conception of self sufficient social development of Russia with help of innovative scenario is underlined. The necessity of promoting projects in long term strategy planning of social development is observed. The author investigate the idea of resource saving and resource providing as one of the most important in the conception of innovative social development on the basis of deep studying mentality of the population.

Keywords: social development, innovational potential, strategical planning, social progress, mentality, resource saving.

С первой половины XX в. под влиянием функционализма одна из стержневых проблем социально-гуманитарного знания – проблема социального развития – оказалась на периферии внимания гуманитарных наук. Под социальным развитием понимается интегральный процесс, «движение через противоречия, переход в собственную противоположность, отрицание отрицания. Соответственно, социальный прогресс может осуществляться только через преодоление регресса и кризисов, а восхождение от низшего к высшему – через возвратные движения и повторение пройденного, необратимость качественных изменений – через обратимые процессы» [3, с. 5].

В последнее время в контексте проблемы социального развития стали употреблять термины «устойчивое развитие», «инновационное развитие». Концепция устойчивого (самоподдерживающего) развития была рекомендована для всех стран мирового сообщества на конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992) и встрече в верхах в Копенгагене (1995). «В специальной «Декларации по социальному развитию» говорится не об «изменениях», а о социальном

развитии, которое признается как приоритет и сейчас, и на XXI век» [3, с. 3]. В программном документе Президента Российской Федерации «О стратегии развития России до 2020 года» также говорится об инновационном сценарии в качестве основного направления развития России до 2020 года, предполагающем отход от инерционного энергосырьевого сценария.

Как отмечают В. В. Ложко и В. А. Жук, «мировой опыт показывает, что страны, осуществляющие своевременное инновационное развитие человеческого, научно-технологического, производственного потенциала в перспективных направлениях формирования нового технологического уклада, получают новые, принципиальные конкурентные преимущества. Реализация этих преимуществ может позволить таким странам, регионам, отраслям, предприятиям обеспечить опережающий экономический рост по своим направлениям, не догоняя известных лидеров» [5, с. 2]. Вышеобозначенный подход требует переосмысления отечественных вариантов концепции «догоняющего развития». По мнению Ю. С. Фроловой, «в соответствии с идеей «догоняющего развития»

игнорировался факт принципиально иного устройства российского общества. Однако за годы реформ концепции «единых правил развития» для всех обществ и «рынка как универсального регулятора социальной структуры и процессов» на российских просторах себя дискредитировали. Стало очевидно, что нет смысла переделывать одну систему под параметры другой, если базовые принципы их строения различны» [11, с. 24].

Необходимо подчеркнуть взаимосвязь концепции социального развития со стратегическим долгосрочным социальным планированием и разработкой эффективных управленческих стратегий. Стратегическое планирование, по мнению автора, должно быть частью проблемного поля теории социального развития. Ряд современных отечественных социологов отстаивает идею необходимости планирования социального развития. Они считают, что социология не только объясняет реальное состояние общества, его норм, институтов, но и исследует законы исторического развития, управления социальными процессами [2, с. 16; 6, с. 1; 7, с. 1; 8; 9, с. 133; 10, с. 2]. Без государственного стратегического планирования невозможно обеспечение конкурентоспособности любой формы социальной динамики. Кроме того, необходимость планирования социального развития актуализируется кризисным, рискогенным характером современного глобального мира, обусловленного экологическими и возможными техническими катаклизмами.

Интересно отметить, что пока отечественные ученые, воспринявшие идеи девелопментализма, оставляют на периферии внимания идею планирования, наиболее удачные управленческие приемы, разработанные в СССР, активно применяются в западных странах. А. К. Субботин подчеркивает тот факт, что «стратегическое планирование в штате Техас осуществляется на пять лет – практика, успешно использовавшаяся в СССР в течение десятилетий и заимствованная рядом американских штатов еще в советское время... Стратегический план штата по инвестициям в рабочую силу детально расписывает финансируемые штатом мероприятия на период с 2005 по 2009 гг. ...Стратегическое планирование в США в этом десятилетии окончательно изменило свои временные масштабы, охватывая теперь три десятилетия. Упомянутая система управления энергетическим хозяйством США вместе с его реконст-

рукцией планируется на 30 лет. ...Переход от десятилетнего периода стратегического планирования, который используется в России последние два десятилетия, к тридцатилетнему назрел и требует подготовки соответствующей социальной инфраструктуры – прежде всего в сферах образования, научных исследований и административном аппарате» [10, с. 7–9].

Стратегическое планирование связано не только с локальными областями социальной системы (политикой, экономикой, культурой, наукой), но и с более масштабными проблемами – системой ценностей, и антропологическим уровнем – человека, его сущностными характеристиками, сознанием, общественными целями и идеалами. Стратегия социального развития – часть информационного кода, с помощью которого осуществляется перенос энергетического потенциала нации, реализуется его психическое, интеллектуальное и физическое здоровье. Такой информационный код помогает личности, члену данного социума устранять неопределенность по выбору действий, ведущих к достижению его целей. Такой информационный код позволяет не только достичь цели, но и осуществить целесообразный выбор действий по достижению определенной цели.

Необходимо подчеркнуть, что разработка программ социального развития невозможна без глубокого и всестороннего изучения менталитета населения, его инновационного потенциала и инновационной готовности на локальном, региональном и общегосударственном уровнях. При этом существует проблема ограничения инновационного потенциала населения порогом традиционных ценностей. В этом аспекте весьма интересным представляется опыт стран Востока, в которых инновационное развитие не только сопоставляется, но и во многом обеспечивается сохранением устойчивого ядра традиционной системы ценностей населения.

В процессе изучения менталитета населения весьма продуктивным будет обращение к анализу смыслового наполнения понятия «развитие» как ценности в обыденном массовом сознании россиян. Такой анализ путем ассоциативного эксперимента был проведен в 2001 г. в Томской области в рамках проекта «Томская инициатива». Репрезентативная общеобластная выборка состояла из 1507 респондентов, квотированных по полу, возрасту, образованию и соотношению городского и сельского населения.

Опрос проводился методом формализованного интервью. «Выявленная в исследовании «частотка» показывает, что развитие у нас в стране понимается прежде всего как учеба (168 упоминаний) или образование (еще 113 упоминаний), как наука (160 упоминаний) и как прогресс (159 упоминаний). Причем, как показывает анализ кластерной структуры понятия, основные его смыслы так или иначе касаются, главным образом, духовной сферы и практически не затрагивают материальную (в том числе и экономику).

... По своему удельному весу в общем массиве ассоциаций выявленные кластеры располагаются следующим образом. На первом месте находится кластер, посвященный интеллектуальному развитию и образованию. Он собрал 673 упоминания, далеко оторвавшись по объему от других. Таким образом, можно констатировать, что отмечаемая в публицистике как сильная сторона нации тяга россиян к образованию на самом деле не является вымыслом. Правда, не исключено, что и в других странах развитие понимают прежде всего как интеллектуальный рост, обеспеченный образованием, но без сравнительных исследований этот вопрос пока остается открытым.

На втором месте находится кластер, посвященный интеллектуальному, физическому и профессиональному самосовершенствованию. Он собрал 410 упоминаний. На третьем месте – кластер, объединивший общепланетарный (90 упоминаний) и государственный (304 упоминания) аспекты развития цивилизации. Четвертое место в иерархии занимает кластер духовного развития, собравший 240 упоминаний. На пятом месте – соседний с ним кластер, собравший материальные средства такого развития (190 упоминаний). Шестое место занимает кластер, посвященный карьере (172 упоминания). Седьмое место – кластер, связанный с созданием (146 упоминаний). И, наконец, восьмое место у кластера, посвященного онтогенетическому развитию» [1, с. 251–252].

Таким образом, при разработке программ социального развития следует учесть, что в российском менталитете развитие в первую очередь ассоциируется с интеллектуальным планом, учебой, а также осознанием своей принадлежности к какой-либо социальной группе – профессиональной, всему человечеству, государству, то есть обусловлено коллективистскими ценностями. Духовное развитие пока еще

превосходит ценности материальные, индивидуалистические.

Подобное изучение менталитета населения как основы программ социального развития подводит к идее ресурсообеспечения и ресурсосбережения в социальном развитии. Как подчеркивает В. Я. Ельмеев, «деятельность без предпосылок, без соответствующих условий (ресурсов) не может выполнять функцию создания общества, источника его развития... Необходимо подчеркнуть, что именно условия (ресурсы) выступают детерминантом направленности деятельности, их следует ставить впереди, а не позади этой направленности» [3, с. 234].

Под ресурсами понимается триединство силы (материальная составляющая), средств (энергетическая составляющая) и времени (духовно-информационная составляющая). Следовательно, ресурсосберегающими будут называться такие технологии, в которых достижение поставленной цели, результата будет достигаться при минимальном расходе сил, энергии и времени как отдельных людей, так и нации в целом. Таким образом, применение ресурсосберегающих технологий дает максимальный эффект развития, при этом обеспечивается минимальная сумма затрат при максимальном результате.

Современное российское общество обладает значительными ресурсами. Вместе с тем важно, чтобы каждый человек умел рационально использовать эти ресурсы. К сожалению, у многих россиян наблюдаются взаимосвязанные процессы потери ориентиров целеполагания социального развития, связанных с отсутствием концепции социального развития, выстроенной в идеологическом плане. При этом даже если цель поставлена, то часто ее достижение происходит через превышение суммы затраченных ресурсов над результатами. Современный россиянин с потерей смыслообразующих ценностей, способности к стратегическому жизненному целеполаганию утрачивает и навыки ресурсосбережения. Размывание духовно-информационного плана (системы «ценности–цели») ведет к аномии, деградации морально-нравственного плана (средств к достижению целей). Неизбежным следствием этого является физическое нездоровье населения. Объективными показателями этого процесса являются превышение смертности над рождаемостью, рост числа самоубийств, увеличение

затрат на рождение здорового потомства, рост хронических заболеваний, резкое омоложение среднего возраста болезней, присущих представителям старших поколений. «Прививка Западом», который потерял идеи социального прогресса и развития, на взгляд автора, усугубляет и во многом является причиной этого процесса. При этом в Китае, например, активно внедряется ресурсосберегающая по своей сути стратегия модернизации – идеология общества «малого благоденствия», «скромного достатка» (сяокан) [4, с. 332].

Подводя итоги вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что в проблемное поле теории социального развития, понимаемого как интегральный процесс движения через противоречие, переход общественного организма в новое качество, кроме таких классификаторов как субъекты, факторы, модели социального развития, должны, по мнению автора, также входить концепция социального прогресса, программы стратегического планирования и ресурсосберегающих технологий социального развития на основе изучения менталитета населения, его инновационного потенциала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дубов, И. Г. Анализ смыслового наполнения понятий, обозначающих ценности / И. Г. Дубов // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / под ред. А. В. Рябова, Е. Ш. Курбангалеевой. – М., 2003. – С. 238–276.
2. Ельмеев, В. Я. «Я был и остаюсь сторонником материализма в социологии». Интервью с профессором В. Я. Ель-

меевым / В. Я. Ельмеев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Том X. – № 2 (39). – С. 5–18.

3. Ельмеев, В. Я. Социология развития: современные теории и проблемы / В. Я. Ельмеев, В. П. Гарюнов, В. И. Мишин, Д. З. Мутагиров, Н. С. Савкин; под ред. А. О. Бороноева и В. Я. Ельмеева. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2000. – 343 с.

4. Кузык, Б. Н. Китай – Россия – 2050: стратегия развития / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. – М., 2006. – 656 с.

5. Ложко, В. В. Инновации в стратегическом управлении социально-экономическим развитием на государственном и региональном уровнях / В. В. Ложко, В. А. Жук // www.rkpr.inion.ru. – Рег. № 100008400.

6. Мартынов, А. В. Формирование системной стратегии развития России: проблема координации / А. В. Мартынов // www.rkpr.inion.ru. – Рег. № 100007979.

7. Мезенцев, С. А. О роли научно-технической интеллигенции в проектировании и строительстве ближайшего и отдаленного будущего нашей страны / С. А. Мезенцев // www.rkpr.inion.ru. – Рег. № 100007982.

8. Орлов, М. О. Социальная динамика: философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук / М. О. Орлов. – Саратов, 2009. – 44 с.

9. Смирнов, Б. В. Социологическая теория прогресса в российской социологии / Б. В. Смирнов // Питирим Александрович Сорокин и современные проблемы социологии. К 120-летию со дня рождения П. А. Сорокина и 20-летию факультета социологии СПбГУ: материалы Международной научной конференции Первых Санкт-Петербургских социологических чтений, 16–17 апреля 2009 года. В 2 т. / под ред. А. О. Бороноева, Н. Г. Скворцова. – СПб, 2009. – Т. 1. – С. 133–136.

10. Субботин, А. К. Конкурентоспособность государственного управления и специфика долгосрочного стратегического планирования в первой четверти XXI века / А. К. Субботин // www.rkpr.inion.ru. – Рег. № 10000808.

11. Фролова, Ю. С. Социокультурные изменения современной российской полиэтнической провинции: автореф. дисс. ... д-ра социол. наук / Ю. С. Фролова. – М., 2007. – 50 с.

УДК 316.334.2
ББК С56 60.56

Л. А. Лебединцева

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ИННОВАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: L734671@bk.ru

В статье определены и соотнесены понятия «инновация» и «интеллектуальный труд», позволяющие охарактеризовать социально-экономическую природу рассматриваемых феноменов с позиций потребительского подхода.

Ключевые слова: инновация, инновационный процесс, интеллектуальная деятельность, теория потребительской стоимости.

L. A. Lebedintseva

INTELLECTUAL ACTIVITY AND INNOVATION: SOCIO-ECONOMICAL APPROACH

Saint-Petersburg State University

The ideas of «innovation» and «intellectual labor» are defined and correlated in this article. They allow us to characterize the socio-economical background of the phenomena explained by them from a position of the use-value approach.

Keywords: innovation, innovation process, intellectual labor, use-value theory.

Термин «инновация» впервые был использован в XIX веке в исследованиях культурологов и означает проникновение некоторых элементов одной культуры в другую. В нынешнем понимании инновация (от англ. innovation) по смыслу идентична понятию «нововведение» и подразумевает под собой объект, внедренный в производство в результате проведенного научного исследования, сделанного научного открытия, качественно отличный по своим параметрам от предыдущих аналогов либо не имеющий аналогов, приносящий существенную экономическую выгоду. В этом значении данный термин был введен одним из ее основоположников Йозефом Шумпетером, который утверждал, что инновация – новое приложение научных и технических знаний, приводящее к успеху на рынке. Таким образом, неизменными свойствами (признаками) инновации выступают научно-техническая новизна, производственная применимость и экономическая полезность.

В современной экономической науке понятие «инновация» распространяется на новый продукт или услугу, технический способ производства, новшество в организационной, научно-исследовательской и других сферах, любое усовершенствование, обеспечивающее экономии затрат или создающее условия для такой экономии.

Выделяют два подхода в анализе этого понятия: эволюционный и системный. Большинство исследователей использует эволюционный подход и считает инновацию совокупностью технических, производственных и коммерческих мероприятий, приводящих к появлению новых продуктов, процессов и оборудования. Б. Санто в своих работах определяет инновацию как общественный-технический-экономический процесс, который через использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по своим свойствам изделий, технологий. В случае, если инновация ориентирована на экономическую выгоду (на прибыль), то ее появление на рынке может принести добавочный доход [1]. Похожую трактовку понятия «инновация» дает в своих работах Б. Твисс, подразумевающая процесс, в котором изобретение или идея приобретает экономическое содержание [2]. Ф. Валента, исследуя проблему управления нововведениями на предприятии, рассматривает инновации как изменение в первоначальной структуре производственного организма, то есть

переход его внутренней структуры к новому состоянию. Причем это изменение в функционировании предприятия как системы носит целевой характер [3].

Российские экономисты рассматривают инновации как комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства для лучшего удовлетворения потребностей людей и одновременно как процесс сопряженных с данным новшеством изменений в той социальной и вещественной среде, в которой совершается его жизненный цикл [4]. Под такими средствами понимаются новые способы и методы работы, распределение ресурсов и фондов в организациях, процесс внедрения новой продукции, услуг, производственных и управленческих технологий. Так, А. С. Бирютин, анализируя технические нововведения в промышленности, считает, что инновация – это управляемый процесс, заключающийся во внедрении различных изменений в существующие системы и структуры и дающий экономический, технический и социальный эффект [5]. М. А. Казаков в своих исследованиях придерживается классического определения инновации как конечного результата инновационной деятельности, получившего воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке; нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности либо в новом подходе или новой организационной форме по отношению к социальным потребностям и услугам [6].

Ю. В. Яковец рассматривает инновации как качественные изменения в производстве, которые могут относиться как к технике и технологиям, так и к формам организации производства и управления [7]. По мнению С. Ю. Глазьева, инновация в общем виде – это процесс или форма разрешения противоречия, явления прогресса в любой форме человеческой деятельности [8]. С. В. Валдайцев, проводя оценку инноваций, определяет инновации как освоение новой продуктовой линии, основанной на специально разработанной оригинальной технологии, которая способна вывести на рынок продукт, удовлетворяющий не обеспеченные существующим предложением потребности [9].

В инновационном предпринимательстве инновация трактуется как обновление основного капитала (производственных фондов) или производимой продукции на основе внедрения

достижений науки, техники, технологии; это закономерный, объективный процесс совершенствования общественного воспроизводства.

В последнее время появилось понятие «социальная инновация», которое подчеркивает аспект духовного творчества и рассматривает инновацию в контексте научной и умственной деятельности. Инновация – это и мотивация трудовой деятельности, и способы поведения или предметы, которые качественно отличаются от имевших место ранее. Социальная инновация – это применение непривычного типа мышления и стиля жизни. С. М. Бухова и Ю. А. Дорошенко при оценке экономической эффективности инноваций разных типов определяют социальную инновацию как процесс и результат улучшения социальной сферы общества или организации [10]. В структуре социальных инноваций они выделяют расширение нематериальной составляющей компенсационного пакета работников (полная или частичная оплата обучения, лечение, страхование жизни и здоровья и др.), совершенствование системы охраны труда (создание безопасных и максимально комфортных условий труда), проведение мероприятий, направленных на формирование корпоративной культуры. К социальным инновациям можно также отнести нововведения в области экологической безопасности местного сообщества и нововведения в области содействия развитию субъектов социально-культурной сферы. Обобщая данный подход в экономической науке, инновации можно охарактеризовать как использование в той или иной сфере общества результатов интеллектуальной деятельности, направленной на совершенствование процессов деятельности или его результатов. Инновации могут относиться к сферам производства, экономических, правовых, социальных отношений, области науки, культуры, образования и другим сферам деятельности общества. Этот термин может иметь различные значения в разных контекстах, и выбор их зависит от конкретных целей и направлений анализа.

Системный подход к определению инноваций имеет свои преимущества, так как он позволяет глубже раскрыть категорию «инновация» с позиции целеполагания и структуры деятельности. В журнале «Инновации» дано обобщающее его определение как процесса реализации новой идеи в любой сфере жизни и деятельности человека, способствующей удов-

летворению существующей потребности на рынке и приносящей экономический эффект [11]. Как социально-экономическая категория инновация представляет собой прежде всего экономические отношения, возникающие между людьми, фирмами, социальными институтами по поводу создания и внедрения новых технологий и новой продукции в условиях меняющейся рыночной среды. Новизну инноваций обычно оценивают по технологическим параметрам, а также с рыночных позиций. Однако, по мнению автора, использование рыночного критерия эффективности при экономической оценке достижений интеллектуальной деятельности (научно-технического прогресса) имеет негативные последствия для мировой экономики и способствует обострению глобальных проблем цивилизации.

В последнее время интеллектуальный труд делят на креативный и эвристический. Под креативным трудом понимают преобразующий труд, совершаемый группой людей, коллективом лиц (совокупностью интеллектуальных систем) с помощью посредников (технических систем), в результате которого создается инновационный продукт. В свою очередь, эвристический труд – это преобразующий труд, может совершаться отдельной личностью (индивидуально-интеллектуальной системой) с помощью посредников (технических систем), в результате которого создается инновационный продукт [12]. Однако и в том, и в другом случае интеллектуальный труд предназначен для того, чтобы создавать нечто новое.

Что касается инновационности интеллектуального труда, то она обнаруживается в создании потребительной стоимости, то есть когда результатом труда выступает благо, обладающее полезностью. Создаваемые интеллектуальным трудом блага (знания, технические усовершенствования и т. п.) не могут быть оценены по затратам, поскольку в данном случае результаты многократно превышают затраты. Главная функция труда – создание прибавочного продукта, так как именно в нем проявляется превышение результатов труда над затратами. Каким же образом достигается это превосходство результатов деятельности над ее предпосылками?

Обычно на первое место ставят специфику человеческой познавательной деятельности, благодаря которой люди превосходят существующую действительность, конкретную ситуа-

цию сначала идеально – в виде создаваемого образа будущего результата и цели, мобилирующей волю человека на ее достижение. У Ж.-П. Сартра этого рода превосходство выражается в создаваемом человеком проекте, понимаемом как стремление выдвинуться, броситься вперед. Даже самое примитивное поведение, по его словам, детерминируется не только обуславливающим его отношением к имеющимся факторам, но и отношением к определенному будущему объекту, который он стремится вызвать к жизни. Индивиды на основе данных условий и при расходящихся и противоположных интересах осмысливают и превосходят проекты других. В этом отношении сказать о человеке, что он есть, значит сказать, что он может [13]. Конструирование социального объекта вначале выступает в виде отношения к своим возможностям, ограниченным условиями существования. Превосходя данные условия в направлении поля возможностей и реализуя одну из них, индивид объективирует себя и тем самым принимает участие в создании истории [13].

В концепции А. Турена историчность человеческой деятельности тоже связывается с познанием, культурной моделью. Знание, по его мнению, образует исходную составляющую историчности, ее наиболее прямое и наименее социально организованное выражение. Эта модель, однако, не рефлексия общества над собой и не идеология. Ее нельзя свести к совокупности идей, ценностей, смыслов. Она неотделима от труда, посредством которого общество воспроизводит себя, она свидетельствует о материальной стороне этого воспроизводства [14].

Наиболее четкое и практически измеряемое выражение превосходства результатов над затратами в познавательной деятельности можно найти в потребительностоимостном подходе. Если исходить из закона стоимости, то никакое развитие и производство нового доказать невозможно: основная стоимостная парадигма экономики основывается на эквивалентном обмене, то есть затраты обратимы в результат и наоборот. В этом случае любой результат труда равен затратам труда на достижение этого результата. Потребительная стоимость является разницей между трудом, затраченным на производство, и трудом, который высвобождается. Интеллектуальная, творческая составляющая труда приводит к результатам, многократно превышающим затраты на их достижение.

Здесь же выявляется критерий оценки эффективности развития – разница между полученным эффектом и затратами в единицах экономленного труда. Таким образом, интеллектуальному труду, создающему потребительную стоимость, присуща инновационность.

Неоклассическим принципам можно противопоставить теорию потребительной стоимости, предлагающей в качестве критерия общественную полезность блага, которым может выступать и инновационный фактор производства. Именно с позиций этой теории можно правильно оценить действительное социальное значение инновационной интеллектуальной деятельности, роль научных знаний, их место в обществе. С позиций этой теории объясняется и то, как результаты производства, полученные посредством инноваций и имеющие характер потребительной стоимости, приходят в противоречие с затратами, измеряемыми стоимостью, иначе говоря, многократно их превосходят [15]. Полезность предмета делает его потребительной стоимостью. Во избежание субъективизма, потребительностоимостная теория предлагает объективный критерий – высвобождение трудовых сил человека (или их замещение средствами производства) с повышением производительности этого труда. Разница между высвобождаемым и затраченным трудом будет характеризовать величину полезности. Получается, что общественная производительность труда измеряется величиной экономленного, не затраченного обществом труда в производстве. Этот подход позволяет поставить оценивание социального развития на новый критерий – постоянное превосхождение предшествующих результатов последующими, способность человека посредством своей деятельности превзойти достижения других.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Санто, Б. Инновации как средство экономического развития / Б. Санто; пер. с венг. – М.: Прогресс, 1990. – 295 с.
2. Твисс, Б. Управление научно-техническими нововведениями / Б. Твисс; сокр. пер. с англ. – М.: Экономика, 2001. – 271 с.
3. Валента, Ф. Управление инновациями / Ф. Валента. – М.: Прогресс, 1985. – 137 с.
4. Гвишиани, Д. М. Диалектико-материалистическое основание системных исследований / Д. М. Гвишиани // Диалектика и системный анализ. – М.: Наука, 1986. – 675 с.
5. Бирютин, А. С. Управление техническими нововведениями в промышленности / А. С. Бирютин. – Л., 1986. – 121 с.

6. Казаков, М. А. Инновации и лидерство на региональном уровне управления: технологический подход / М. А. Казаков // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. – Нижний Новгород, 2009. – № 1. – С. 13–17.

7. Яковец, Ю. В. Ускорение НТП: теория и экономический механизм / Ю. В. Яковец. – М.: Экономика, 1988. – 335 с.

8. Глазьев, С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Ю. Глазьев. – М.: Владар, 1993. – С. 28–30.

9. Валдайцев, С. В. Экономическое обоснование темпов НТП / С. В. Валдайцев. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1984. – 176 с.

10. Бухонова, С. М. К оценке экономической эффективности инноваций разных типов / С. М. Бухонова, Ю. А. До-

рошенко // Экономический анализ: теория и практика. – 2005. – № 3 (36). – С. 13–18.

11. Бездудный, Ф. Ф. Сущность понятия «инновация» и его классификация / Ф. Ф. Бездудный, Г. А. Смирнова, О. Д. Нечаева // Инновации. – 1998. – № 2–3(13). – С. 3–13.

12. Скоблякова, И. В. Инновационные системы и венчурное финансирование / И. В. Скоблякова. – М.: Изд-во «Машиностроение-1», 2006. – 212 с.

13. Sartre, J.-P. Critique de la raison dialectique. T.1 / J.-P. Sartre. – Paris, 1960.

14. Touraine, A. Social transformations of the twentieth century / A. Touraine // International Social Science journal. – 1998. – № 156. – June. – P. 165–171.

15. Ельмеев, В. Я. Социальная экономия труда / В. Я. Ельмеев. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. – 575 с.

УДК 659.125.29

ББК 75.81

Г. Ю. Щекун

РЕКЛАМА КАК ОДИН ИЗ ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ФАКТОРОВ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА

Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: Alfa-001@yandex.ru

В статье дается характеристика рекламы как стратегии, проводимой туристской компании. Предоставляется правовое обоснование рекламной деятельности. Дается определение туризма и его нормативно-правовая трактовка западными и отечественными специалистами. Характеризуется влияние рекламы на развитие туристской индустрии.

Ключевые слова: коммуникация, реклама, цели рекламы, туризм, реклама в туризме.

G. Yu. Schekin

ADVERTISING AS ONE OF THE DETERMINING FACTORS OF MODERN TOURISM

State Educational Institution of Higher Professional Education Volgograd State Medical University

It is given the characteristic of advertising as a strategy conducted by the tourist company. It is provided the legal rationale of the advertising activity. It is given the definition of tourism and its normative and legal interpretation by Western and local experts. It is characterized the influence of advertising on development of the tourist industry.

Keywords: communication, advertising, aims of advertising, tourism, advertising in tourism.

Современная коммуникативная политика, а также разработки рекламных стратегий предприятия и компаний занимает одно из центральных мест в маркетинговых концепциях. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, рекламная деятельность по своему сущностному содержанию выступает важнейшей частью маркетинговой политики компаний, оказывая заметное влияние не ее позиционирование на целевых рынках. Во-вторых, она выступает весьма значимым инструментом, который играет огромную роль в процессе мировой интеграции. В связи с этим можно сказать, что реклама оказывает существенное влияние на структуру и динамику потребительского спроса на мировых рынках.

Проблемой развития рекламной деятельности на предприятиях уделялось и уделяется достаточно большое внимание как за рубежом, так и в России. Они нашли отражения в трудах С. Грэхэма, Д. Огилви, Ж. Лаблена и других западных экономистов. Сам же термин реклама происходит от латинских глаголов *gescamo* (выкрикивать) и *reclamare* (откликаться, требовать) [1].

Известный маркетолог Филипп Котлер, профессор маркетинга Северо-Западного университета США, дает следующее определение рекламы: «реклама представляет собой неличные формы коммуникации, осуществляемые через посредничество платных средств распространения информации, с четко указанным ис-

точником финансирования» [2]. Делл Денисон, Линда Тоби, авторы книги «Учебник по туризму», определяют рекламу как оплачиваемое присутствие в средствах массовой информации сведений о фирме (товаре, услуге), имеющее целью увеличить известность фирмы и ее обороты [3].

Научные институты внесли свой вклад в понимание сущности рекламы. В качестве примера можно привести определение рекламы, данное Американской ассоциации маркетинга, которая под рекламой понимает любую форму неличного представления и продвижения идей, товаров или услуг, оплачиваемую точно установленным заказчиком, и служит для привлечения внимания потенциальных потребителей к объекту рекламирования, используя при этом наиболее эффективные приемы и методы с учетом конкретной ситуации.

Отечественные специалисты также внесли вклад в определение рекламы. Еще В. Маяковский рассматривал рекламу как промышленную, торговую агитацию [4]. Среди российских исследований по данной теме теоретическую и практическую значимость имеют труды И. Я. Рожкова, Р. Н. Левещенко, А. В. Кисмерешкина, Л. Ю. Гермогеновой, Е. В. Ромата, А. Катернюка и других авторов, главным образом посвященные изучению функций рекламы в системе маркетинга.

Свой вклад в рассмотрение и определение рекламы внесло отечественное законодательство, охватывающее объемный массив нормативных актов, которые регламентируют отношения, связанные с производством, размещением и распространением рекламы. В п. 4 гл. 29 Конституции РФ от 12 декабря 1993 года закреплено и гарантировано каждому гражданину свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Принципы правового регулирования отношений в сфере информации заложены в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», принятого 27 июля 2006 года № 149-ФЗ. Они основаны на свободе поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом. В соответствии со ст. 5 рассматриваемого Закона, информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений. Информация может свободно использоваться любым лицом и передаваться одним лицом другому, если федеральными

законами не установлены ограничения доступа к информации либо иные требования к порядку ее предоставления или распространения.

Точное толкование определения «реклама» дается в ФЗ «О рекламе», принятом 13 марта 2006 года № 38 – ФЗ. Указанный закон содержит принципиально новую систему норм, которая учитывает положительный опыт правового регулирования рекламы и практику применения рекламного законодательства, а также восполняет существующие пробелы правового регулирования рекламной деятельности. Целями настоящего Федерального закона являются защита от недобросовестной конкуренции в области рекламы, предотвращение и пресечение ненадежной рекламы, способной ввести потребителей рекламы в заблуждение или нанести вред здоровью граждан, имуществу граждан или юридических лиц, окружающей среде либо вред чести, достоинству или деловой репутации указанных лиц, а также посягающей на общественные интересы, принципы гуманности и морали.

В соответствии со ст. 3 рассматриваемого закона, реклама – это информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

В дальнейшем данное термин будет являться ключевым для определения рекламы, так как он является основополагающим для всей рекламной деятельности в стране.

Как и любая деятельность человека, реклама имеет свои цели. На протяжении прошлого столетия цели рекламы претерпевали постоянные изменения: 1920–30-е годы были направлены на стимулирование продаж; 1940–1955 гг. – донесение до потребителя свойств товара; 1955–1960 гг. – создание имиджа бренда; с 1970 г. и по настоящее время – создание сообщения, отличающего основные позитивные черты собственного бренда от конкурентов. В настоящий момент цели рекламы в зависимости от состояния целей аудитории могут быть различными. Основные из них можно сформулировать следующим образом:

- создание осведомленности о самой организации (фирме) и ее услугах;
- предоставление необходимой или дополнительной информации о фирме и ее услугах;

- формирование благосклонности потенциальных клиентов именно к данной организации (фирме);

- создание предпочтения рекламных услуг перед аналогичными;

- формирование убежденности у потенциального клиента в том, что именно данную услугу ему целесообразно и необходимо приобрести;

- побуждение к приобретению рекламной услуги [5].

Основной рекламной целью является формирование осведомленности о фирме в том случае, когда целевая аудитория не знакома ни с самой организацией (фирмой), ни с ее услугами. Обычно эта ситуация типична для вновь созданных фирм либо при выходе их на новые рынки или при продвижении нового продукта или услуги.

По вопросам туризма в научной литературе отсутствует однозначное его определение. Наличие множества трактовок вызвано разнообразием научных дисциплин, которые изучают туризм. Различные правовые определения туризма можно объяснить различными целями нормативных актов, а также развитием самого понятия.

По определению, принятому ООН в 1954 году, туризм – это активный отдых, влияющий на укрепление здоровья, физическое развитие человека, связанный с передвижением за пределы постоянного места жительства. В материалах Всемирной конференции по туризму, проводимой Всемирной туристской организацией в 1981 году в Мадриде, туризм был определен как один из видов активного отдыха, представляющий собой путешествия, совершаемые с целью познания тех или иных районов, новых стран и сочетаемые в ряде стран с элементами спорта.

Широкое распространение среди специалистов получило определение туризма, предложенное Международной ассоциацией научных экспертов в области туризма. Согласно ему, туризм есть совокупность отношений и явлений, которые возникают во время перемещения и пребывания людей в местах, отличных от их постоянного места жительства и работы [6].

Большой интерес вызывают принятые международно-правовые документы, направленные на регулирование основных моментов в туризме. В частности, на Всемирной конферен-

ции по туризму, проходившей в Маниле, значение туризма и его широкомасштабные последствия были признаны Манильской декларацией по мировому туризму, принятой 10 октября 1980 года, согласно которой туризм трактовался как деятельность, имеющая важное значение в жизни народов в силу непосредственного воздействия на социальную, культурную, образовательную и экономическую области жизни государств и их международных отношений. Развитие туризма связано с социально-экономическим развитием наций и зависит от доступа человека к активному отдыху, отпуску и его свободы путешествий в рамках свободного времени и досуга, глубокий гуманитарный характер который он подчеркивает.

В содержательном плане понятие «туризм» – это временные выезды (путешествия) людей в другую страну или местность, отличную от места постоянного жительства на срок от 24 часов до 12 месяцев в течение одного календарного года или с совершением не менее одной ночевки в развлекательных, оздоровительных, спортивных, гостевых, познавательных, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, оплачиваемой из местного источника.

Отечественное законодательство также внесло свои коррективы в определение понятия «туризма». 24 ноября 1996 года Президентом РФ был подписан Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», разработанный в рамках Федеральной целевой программы «Развитие туризма в Российской Федерации», призванный регулировать отношения между туристом и туристской организацией, определять права, обязанности и ответственность сторон. В соответствии со ст. 1, туризм – это временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан или лиц без гражданства с постоянного места жительства в оздоровительных, познавательных, профессионально-деловых, спортивных или религиозных и иных целях без занятия оплачиваемой должностью в стране (месте) временного пребывания.

Как свидетельствует мировая практика, сфера туризма является одной из крупнейших рекламодателей. Опыт работы зарубежных туристских фирм показывает, что в среднем 5–6 % полученных доходов от своей деятельности расходуется ими на рекламу туристских поездок. К сожалению, в России развит только один вид туристской рекламы – реклама в прессе,

а более дорогие виды – радио- и телереклама – встречаются крайне редко.

Отличительные черты рекламы как одного из главных средств коммуникаций в сфере туризма определяются спецификой как самой рекламы, так и особенностями системы туризма и ее товаров – туристского продукта. К указанным чертам можно отнести:

а) неличный характер. Коммуникационный сигнал поступает к потенциальному клиенту не лично от сотрудника фирмы, а с помощью различного рода посредников (средства массовой информации, проспекты, каталоги, афиши и другие рекламоносители);

б) одностороннюю направленность. Реклама фактически имеет только одно направление: от рекламодателя к адресату (объекту воздействия). Сигналы обратной связи поступают лишь в форме конечного поведения потенциального клиента;

в) броскость и способность к убеждению. Специфика туристских услуг обуславливает необходимость использования зрительных, наглядных средств, обеспечивающих более полное представление объектов туристского интереса. Поэтому в рекламе часто используются видео- и фотоматериалы, картины, красочная продукция;

г) общественный характер. Туристская реклама несет особую ответственность за достоверность, правдивость и точность передаваемой с ее помощью информации;

д) неопределенность с точки зрения измерения эффекта. Обратная связь в рекламной деятельности носит вероятный, неопределенный характер. Факт приобретения туристского продукта зависит от большого количества факторов, часто не имеющих прямого отношения к рекламе, носящих субъективный характер и практически не поддающихся формализации [7].

При разработке рекламных обращений необходимо учитывать основные принципы рекламы, при этом выделив основные:

– реклама должна быть краткой, иначе она до конца не воспринимается;

– реклама должна быть понятной клиенту, так как то, что воспринимается сознательно, обычно дольше удерживается в памяти;

– то, о чем говорится в начале и в конце сообщения, запоминается лучше, чем то, о чем говорится в середине. При построении текста и макета рекламного сообщения следует зара-

нее выделить главное, чтобы им начать или закончить;

– материал должен быть разнообразен или необычен, тогда он запоминается лучше;

– информация легче воспринимается и лучше запоминается, если она не противоречит привычным для потребителя понятиям, убеждениям и мнениям;

– необходимо учитывать дух основных тенденций общественной жизни. Для этого нужно проводить социологические опросы населения, благодаря чему можно точно узнать, что нравится клиентам.

Продвигаемый через рекламу образ товара, например, круиза, должен отражать его потребительские свойства, вселять уверенность в качественном и надежном путешествии. При этом желательно, чтобы за объявлением была видна заинтересованная в хорошей организации тура сторона – конкретная туристская фирма, которая гарантирует соответствие рекламы действительному состоянию дел.

В то же время туристская реклама должна соответствовать всем установленным законодательством нормам. Например, в рекламе экзотических туров должны быть прописаны все специфические черты подобного путешествия. Реклама должна предупреждать потребителей о том, что в рамках экзотических туров присутствует ряд ограничений для отдыхающих, что данная туристская услуга не всем доступна, полезна и не безопасна. Если подобная информация не прописана в рекламном проспекте, фирма должна предоставить ее клиенту самостоятельно. В ином случае возможно появление жалоб и даже исков со стороны потребителей, что несет за собой не только упадок имиджа туристской фирмы, но и финансовые потери [8].

Итак, туристский продукт представляет собой выраженную совокупность всех материальных и нематериальных элементов. Предприятия сферы туризма, которые хотели бы существовать на рынке, имеют задачу продавать гостеприимство. В этой связи многократно возрастает роль рекламы, Public Relations и других форм коммуникативных систем.

Для создания эффективной туристской рекламы необходимо уметь учитывать специфику данной отрасли и объединять в единый комплекс несколько аспектов такой рекламы. Это и некий художественный образ, воплощающий собой тот или иной тур или услугу

и передаваемый с помощью таких привлекающих элементов, как красивое фото (в прессе) либо рекламный ролик (на телевидении), либо рекламный буклет (отданный в руки потенциального клиента), а также удачно поданная полная и достоверная информация, рассчитанная на привлечение конкретной целевой аудитории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Катернюк, А. В. Практическая реклама: учебное пособие / А. В. Катернюк. – Ростов н/Д.: Феникс, 2008. – 428 с.

2. http://www.popov-lib.narod.ru/economy/p/pankratov/reklamnaya_01.htm

3. <http://onby.ru/ddenisonuchebnikreklamy/2/>

4. Мудров, А. Н. Основы рекламы: учебник / А. Н. Мудров. – М.: Экономист, 2005. – 319 с.

5. Морозова, Н. С. Реклама в социально-культурном сервисе и туризме: учебник / Н. С. Морозова, М. А. Морозов. – 2-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 336 с.

6. Александрова, А. Ю. Международный туризм: учебник / А. Ю. Александрова. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 470 с.

7. Дурович, А. П. Реклама в туризме: учебное пособие / А. П. Дурович. – 2-е изд. – М.: Новое знание, 2005. – 254 с.

8. Толтурис, С. От рекламы до иска / С. Толтурис // Туризм. Практика, проблемы, перспективы. – 2002. – № 8. – С. 12.

УДК 101.1:316

ББК Ю 6

Л. Н. Шереметьева

ШАНС РАЗУМНОГО ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Волгоградская государственная академия повышения квалификации
и переподготовки работников образования (ВГАПКП РО)

E-mail: lsherem@yandex.ru

Статья раскрывает причины кризисного состояния общественного сознания современной России, показывает несовпадение коренных интересов правящей элиты и общества, дает отличительные характеристики кризисного состояния элитарного и общественного сознания, обосновывает наличие шанса разумного выхода из кризиса.

Ключевые слова: кризис; общественное сознание; общество; политическая элита; правящая элита; российская элита; российское общество; сознание правящей элиты.

L. N. Sheremetyeva

REASONABLE CHANCE OF OVERCOMING THE CRISIS OF SOCIAL CONSCIOUSNESS OF MODERN RUSSIA

Volgograd State Academy of Training and Retraining of Educators

This article reveals the causes of crisis in the social consciousness of modern Russia, shows the discrepancy between the fundamental interests of the ruling elite and society gives the distinctive characteristics of the crisis in elite and public opinion, justifies the existence of a reasonable chance of overcoming the crisis.

Keywords: bailout; public consciousness; society, the political elite, the ruling elite, the Russian elite, the Russian society, the consciousness of the ruling elite.

Как обосновывает философия, общественное сознание отражает общественное бытие. Нынешнее бытие России определяется длительным экономическим кризисом, начавшимся задолго до глобального кризиса. Кризис в российском обществе, как и глобальный, все более приобретает черты системного кризиса, к такому выводу приходят исследователи [1]. Кризис в экономике порождает кризис в общественном сознании, ведет к упадку духовной культуры, интеллектуальной деградации, потере нравственных ориентиров российского общества.

О глубоком кризисе российского общества говорят многие явления еще советской и постсоветской действительности. После травм, нанесенных общественному сознанию на XX и XXII съездах КПСС, на которых был осужден культ личности Сталина и произошла подмена духовного идеала социализма потребительским, общественное сознание советского общества начало погружаться в кризис. Последующие события горбачевской перестройки – политика гласности и отмена 6-й статьи Конституции СССР, принятие Декларации о государ-

ственном суверенитете РСФСР – привели к потере ориентиров у руководящей и направляющей силы общества – КПСС. Далее – события ГКЧП, запрет КПСС, «парад суверенитетов» республик, завершившийся подписанием незаконного «Беловежского соглашения» по расчленению СССР. Что случилось с советской элитой, депутатами Верховных Советов ССР и РСФСР, почему они позволили свершиться этой трагедии? Куда делся разум избранников народа? Почему они не встали на защиту страны, не потребовали исполнения воли, выраженной советским народом на Всесоюзном референдуме за сохранение СССР в марте 1991 года? Почему молчало многонациональное советское общество? Все это можно объяснить только глубоким кризисом сознания советского общества и ее элиты. Затем накал борьбы внутри политической элиты получил частичную разрядку в результате событий октября 1993 года, когда победила верховная исполнительная власть, расстреляв из танков верховную законодательную власть страны.

В итоге при молчаливом согласии российского общества было уничтожено сильное социальное государство, лидер социалистического мира – Советский Союз и построено формально демократическое государство, которое по международным критериям трудно назвать демократическим. Правящая элита, проведя радикальные либеральные экономические реформы «шоковой терапии» по рекомендациям МВФ под привлекательными демократическими лозунгами, вернула страну в своем развитии на век назад, в период зарождения капитализма. Двадцать лет реформ в целях создания «эффективной рыночной экономики» привели к прямо противоположным результатам. Регрессивный характер либеральных реформ в постсоветской России отмечают многие отечественные и зарубежные эксперты [2]. Развитая экономика, какой была экономика Советского Союза, заменена сырьевой, соответствующей экономике страны из периферии мировой капиталистической системы, обслуживающей ее развитое ядро – США и Европу. Такие итоги хорошо известны и правящей элите, затеявшей реформы, и российскому обществу, испытавшему их на себе.

Отсутствие реальной демократии лишило российское общество возможности оказывать влияние на государственную политику. Результаты опроса по выяснению отношения к демо-

кратии российских граждан, проведенного компанией «Ромир» в июне 2007 года, показывают, что «граждане РФ уверены в том, что выборы в их стране не являются честными и свободными» – так считают более 70 % опрошенных граждан. По мнению 80 % респондентов, «страна не управляется в соответствии с волей народа» [3]. Однако правящая элита не стремится к расширению демократии в обществе. При правлении президентов Б. Ельцина и В. Путина были ликвидированы многие демократические инструменты и механизмы: отмена всеобщих выборов, соответствующих Конституции РФ, выборов глав исполнительной власти и членов Совета Федерации, графы избирательного бюллетеня «против всех», фактического равенства партий, их равного доступа к СМИ, фактического права на референдум и забастовки; избирательный процесс сопровождается массой нарушений закона, сформирован парламент, полностью контролируемый исполнительной властью, и нет закона об оппозиции, но принят Закон РФ «О борьбе с экстремизмом», под положения которого можно подвести и действия всех несогласных с властью; лидер правящей партии не состоит в ней, главы администраций регионов возглавляют на выборах партийные списки в региональные законодательные органы и т. д.

В свою очередь, у российского общества ущемления демократических прав и свобод не вызвали никаких потрясений, никакого массового протеста. Общество вняло объяснениям власти о необходимости «жертв демократии» во имя мифического «возрождения былой мощи». Фактический добровольный отказ общества от формирования власти, передоверившего этот процесс политической элите, можно также объяснить кризисом общественного сознания и особым менталитетом российского общества как стороннего наблюдателя за действиями властей.

Еще в начале 2000-х годов президент В. Путин осудил варварские реформы 1990-х годов. Однако, признав ошибочность реформ, правящая элита, противореча самой себе, продолжает и углубляет их. Особенно активно реформы реализовывались в период президентства В. Путина. Ежегодно президенты страны подтверждают, что с избранного курса не свернут. Правящий класс продолжает поддерживать и охранять построенный в России олигархический строй коррумпированного капитализма.

Экономика страны продолжает деградировать, уничтожается оборонный комплекс, потеряна общественная безопасность, нищает и вымирает население. Но растет богатство олигархической верхушки элиты и коррупция на всех уровнях власти. Сознание правящей элиты демонстрирует явный отход от рациональности и здравого смысла, а реальная политика часто подменяется PR-компаниями.

Политическая элита, незаконно завладевшая общественной собственностью, о чем свидетельствует анализ приватизации 1993–2003 гг., проведенный Счетной палатой РФ, не заинтересована во вкладывании своих капиталов в развитие своей страны. Две трети капиталов самых богатых людей России находятся на Западе, и лишь их третью часть они могли бы вкладывать в Россию [4]. Если с началом глобального кризиса элиты развитых западных государств увеличивают влияние государства во всех сферах общества, устанавливая контроль за топ-менеджерами бизнеса, расширяют помощь реальному сектору экономики и социальные программы, ограничивают вывоз капитала за рубеж, то элита России делает все наоборот. Следуя законам «свободного рынка», правящая элита России позволяет вывоз капитала из страны, направляет абсолютное большинство государственных средств не на поддержку реальной экономики, а на поддержание банковского спекулятивного капитала олигархов. Продолжается даже в период кризиса перекачка ресурсов развития нации в виде Стабилизационного фонда и ЗВР Центробанка России в банки США, где они обесцениваются и помогают ФРС США преодолевать последствия кризиса. Правительство России при поддержке Федерального Собрания РФ сокращает национальные социальные программы, позволяет увеличивать цены и тарифы для населения, поднимая их до уровня мировых. То есть российская элита, в отличие от элит Запада, обслуживает не свои национальные интересы, а интересы развитых государств Запада, которые и до кризиса выкачивали ресурсы (материальные, энергетические, трудовые, интеллектуальные) из стран периферии, в том числе и из России.

Правящая элита не советуется с обществом в необходимости тех или иных реформ, от общества просто требуют веры в их правильность и полезность. Все проводимые реформы направлены на обеспечение интересов правящей элиты, крупного бизнеса, без какого бы то ни

было учета интересов общества. В итоге растет раскол общества, какие бы искусственные попытки ни предпринимала правящая элита для его сплочения, как учреждение Дня России, Дня народного единства и т. п.

Если в период президентства В. Путина хотя бы формально, на словах, реформы 1990-х годов получали осуждение у правящей верхушки, то с приходом к руководству страной президента Д. Медведева вновь в СМИ стали слышны положительные оценки гайдаровско-чубайсовских реформ. Оживились лидеры либерал-радикалов, заговорили о «незавершенности реформ» в стране, «неоценимости вклада» их авторов (Е. Гайдара, А. Собчака) в «спасение страны от катастрофы». В рядах либеральной элиты даже возникла дискуссия, выявившая некоторые разногласия в их взглядах на эффективность реформ.

Вместе с тем президент Д. Медведев провозгласил курс на всестороннюю модернизацию страны, основанную на ценностях и институтах демократии, то есть новый комплекс реформ [5]. Но модернизация по Медведеву не предполагает мобилизации всего общества, как это было в советское время. Есть опасность, что нынешние модернизаторы могут вновь забыть про главного субъекта реформ – человека, именно он должен стать главной целью стратегической модернизации России, иначе она не будет успешной. Не понятно также, на ценностях какой демократии предполагается провести модернизацию, которая уже дискредитировала себя в России? И еще вопрос: что предполагается модернизировать, разрушенную экономику? Может быть, в начале ее надо восстановить? Правящая элита не намерена проводить глубокий анализ реализованных либеральных реформ. Даже анализ процессов приватизации в стране Счетной палаты РФ не стал достоянием широкой общественности и предметом рассмотрения для принятия по нему государственных решений, а без этого нельзя говорить о новой модернизации.

Премьер-министр В. Путин и возглавляемая им партия «Единая Россия», рассмотрев на партсъезде обращение президента о модернизации страны, призвали российское общество к консерватизму. Такая позиция также вызывает вопросы. Ведь дальнейшая консервация нынешнего кризисного состояния российского общества – это тупик, ведущий к катастрофе, так считает абсолютное большинство отечест-

венных экспертов. Правящая элита опять демонстрирует противоречия своего сознания. По истечении двадцати лет она так и не смогла предложить российскому обществу идеологию, стратегию, конкретную программу модернизации страны, которая бы была вынесена на общественное обсуждение. Все это еще более дезориентирует общество, которому в такой ситуации трудно сделать выбор о будущем развитии России. Элита и общество должны максимально точно определить нынешнее состояние и статус России, чтобы сформировать проект ее желаемого будущего. Без элиты обществу трудно справиться с этой задачей. Нынешняя правящая элита России включена в Западный проект, который оказался для страны чужеродным. По итогам исследования Аналитического центра Юрия Левады по заказу брюссельского центра "ЕС-Россия" (17.10.2007 г.), 71 % граждан России не считают себя европейцами. Каждый второй респондент уверен, что Европейский союз угрожает независимости России. Более 40 % считают, что Россия не должна ориентироваться на европейские ценности. Число тех, кто в западной модели демократии видит для России образец, составило 16 % – с 1998 года этот показатель снизился наполовину [6].

Либеральная политическая элита затеяла перестройку и слом советского строя, чтобы встроиться в цивилизованный западный мир, а ее представители стали бы глобальными игроками. Хотя элите было известно, что в цивилизованном капиталистическом обществе все места давно распределены, а представителям периферии указывают на их место. В Россию, несмотря на частые призывы ее руководителей к иностранным инвесторам, так и не потекли западные инвестиции и технологии. Западу нужна сырьевая Россия, с немногочисленным населением для обслуживания экономики трубы, а также Россия, которая во всем сверяет свои шаги с сильными мира – США и ЕС. По этому поводу не раз откровенно высказывались представители официальных кругов Запада [7]. По прошествии двадцати лет безуспешного встраивания, правящая элита продолжает следовать ложной цели, что свидетельствует об утопичности ее сознания. Политолог С. Кара-Мурза отмечает, что у элиты произошел сдвиг сознания от реализма к аутизму, то есть от правильного представления о действительности к приятному [8]. Российской правящей элите удалось приобрести некоторые доступные ей

черты элиты глобального общества: она выбирает себе для жительства страну с более благоприятными условиями, рождает и учит своих детей за рубежом, покупает недвижимость и бизнес в других странах. А по темпам роста своего богатства и направлению капитала на приобретение роскоши российская элита даже опережает мировую элиту. Можно предположить, что по этим признакам российская элита вписалась в ряды космополитической элиты глобализованного мира. И ее мышление и мировоззрение весьма существенно оторвано от интересов российского общества. Можно сказать, правящая элита и российское общество живут в разных мирах, говорят на разных языках и исповедуют разные ценности.

Кажущееся, на первый взгляд, не логичным поведение правящей элиты России, однако имеет свою логику, если учитывать, что ее частнособственнические интересы давно преобладают над общегосударственными. Элита озабочена своим личным бытием, своим личным бизнесом, и за этими целями она забывает о национальных интересах. В думках о своей безопасности, она забывает о безопасности вверенной ей страны. Президент Академии геополитических проблем Л. Г. Ивашов конкретизирует причины такого нелогичного для общества поведения правящей элиты: «внешняя политика обслуживает интересы крупного бизнеса, и только его», «чиновничий класс стал одновременно и бизнес-классом», «и те и другие хранят и прячут свои, нажитые «непомерным» трудом, капиталы на Западе, спецслужбы которого, естественно, не дремлют и держат служебную и коммерческую деятельность российской «элиты» под неусыпным контролем» [9].

Спрашивается, а нужна ли российскому обществу такая непатриотичная, безответственная, не выполняющая своих функций по эффективному управлению, оторванная от народа правящая элита, которая дискредитировала себя своим поведением и принципы провозглашенного ею демократического общества?

Но большинство дезориентированного российского общества пока не определилось однозначно с ответом на этот вопрос, многие граждане еще живут иллюзиями и надеждами. Одна часть общества думает, что нам удастся построить капитализм, как в Швеции. Другая часть ищет спасение в религии, даже задумывается о возвращении в Россию монархии. Третья часть считает, что не надо было рушить социа-

лизм, примером для нее служит быстро развивающийся социалистический Китай. В обществе постоянно идет дискуссия между левыми и правыми патриотами, у каждой из этих сил свой проект будущей России, и пока они не найдут компромисс, не возникнет новый проект страны. И еще большая часть общества пока не задумывается по поводу желаемого будущего России. Можно сказать, общество на распутье, куда идти? Но времени для раздумий у российского общества немного, решение за него могут принять и внешние силы.

Российское общество, находясь в духовном кризисе, молчаливо терпит поведение своей правящей элиты. Более того, руководители страны, как показывают социологические замеры, имеют стабильно высокую общественную оценку. По опросу ВЦИОМ уровень доверия россиян к Д. Медведеву и В. Путину в марте 2010 года составил 73 и 74 % соответственно, год назад этот показатель составлял 69 и 74 %. Стабильным выглядит не только рейтинг президента и премьера, но и всей правящей партии «Единая Россия», на протяжении текущего года этот показатель колебался в рамках 52–54 % [10]. Такие высокие общественные оценки, выставленные правящей элите, говорят о том, что общество не осознает причины своего бедственного положения, оно пока еще далеко от понимания своих коренных интересов и путей их достижения.

Результаты социологического исследования, предпринятого Фондом «Общественное мнение» в конце октября-начале ноября 2009 года, показывают, что сознание российского общества может быть определено как кризисное: почти две трети опрошенных (67 %) сочли сегодняшнее состояние отечественной экономики плохим и только менее пятой части – хорошим (18 %), затруднились ответить только 15 %. Пессимизм этих оценок видимым образом снижается при характеристике динамики экономических процессов: только 40 % респондентов убеждены в том, что состояние нашей экономики ухудшается, а 32 % склонны полагать, что оно улучшается, для 27 % респондентов этот вопрос оказался затруднительным [11].

Политическая элита пользуется кризисным состоянием общественного сознания, в котором царит хаос, преобладают эмоции над разумом, что позволяет ей манипулировать им в своих целях. Общественное сознание стало полем идеологической и политической борьбы в со-

временной России. И особую роль играет в этой борьбе телевидение, которое специалисты называют «оружием массового поражения», способным повлиять на сознание миллионов человек одновременно [12]. Но манипуляции с общественным сознанием невозможно проводить бесконечно. Массы, как правило, получают уроки истории и учатся мыслить разумно, и в этом им поможет кризис. Начавшийся глобальный кризис восстанавливает субъектность в политике отдельных стран и народов, способность их защищать свои национальные интересы, ускоряет процесс осознания массами своих коренных интересов. Именно кризис дает российскому обществу шанс осознать необходимость приведения к власти элиты национальных интересов, способной спасти российское общество от краха. Ведь путь к спасению всегда в истории лежит через осознание гражданами своей ответственности за судьбу страны, а также при наличии их готовности к мобилизации, к преодолению разногласий ради спасения Отечества. Как показывают исследования Фонда «Общественное мнение» в феврале 2010 года, протестные настроения разделяет примерно треть респондентов (30 %), и только менее половины (14 %) из числа протестантов заявляют о своей готовности к протестным действиям [13]. Это говорит пока о низком уровне протеста граждан в связи с существующим положением в российском обществе. Но в период кризиса ситуация может меняться в зависимости от обстоятельств. Наглядным примером служит почти единодушное одобрение респондентами действий жителей Пикалево (93 %), зафиксированное ВЦИОМ в январе 2010 года [14].

Кризис должен заставить российскую политическую элиту сделать выбор в пользу прорывной модернизации, а не консервации нынешнего кризисного положения страны. Правящему классу России необходимо осознать, что насущные интересы большинства российского общества не чужды ему, если он заинтересован в своем самосохранении. Если ныне правящая элита России не поднимется до осознания национальных интересов и путей их реализации, то это придется делать уже новой элите. Представители созревающей контрэлиты уже заявили о себе многими предложенными обществу проектами вывода страны из кризиса, описали образы будущего России и мира. Об этом издано много книг, в сети Интернет идет дискуссия и накопление самых разных проектов

модернизации России. Представители контрэлиты принадлежат к разным политическим силам, в основном оппозиционным, а также независимые эксперты, ученые, специалисты. Вот некоторые из них: К. Бакулев, И. М. Братищев, А. В. Бузгалин, С. Ю. Глазьев, М. Г. Делягин, Г. А. Зюганов, Л. Г. Ивашов, С. Г. Кара-Мурза, Р. Карев, А. Кобяков, А. И. Колганов, Ю. Крупнов, С. Е. Кургинян, В. Кучеренко, Д. С. Львов, А. Нагорный, И. Пономарев, А. А. Проханов, М. Ремизов, В. Рубанов, В. Симчера, О. Н. Смолин, М. Л. Хазин, В. В. Шапинов, В. С. Шевелуха, В. В. Шеянов и многие другие.

Кризис дает России шанс встать на путь восстановления разрушенной страны. В своих проектах прорывного развития представители контрэлиты видят будущее общество России в создании новой российской цивилизации как лидера глобального мира, одного из ведущих в технологическом, экономическом и гуманитарном отношении государств мира, в построении экономики и общества знаний, инновационного и креативного, сильного социального государства, общества колоссальной внутренней солидарности и справедливости. Готова ли Россия предложить миру образ желаемого будущего человечества, уже скоро будет известно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. См.: Главная книга о кризисе: сборник / ред.-сост. А. В. Бузгалин. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – С. 47–58, 74, 109–116; Делягин, М. Г. Реванш России / М. Г. Делягин. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – С. 82–84; Котц, Д. Текущий финансовый и экономический кризис: системный кризис неолиберального капитализма / Д. Котц // *Альтернативы*. – 2009. – № 4. – С. 130–150; Пороховский, А. А. Современ-

ный кризис: взгляд политэконома / А. А. Пороховский // *Альтернативы*. – 2009. – № 1. – С. 55; Российская газета. – 2008. – 16 декабря. – С. 1,9; Blanchard, O. Cracks in the system. (Repairing the damaged global economy) / O. Blanchard // *Finance & development*. – 2008. – December.

2. См.: Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы / под ред. С. В. Степашина. – 2-е изд., доп. – М.: Издательство «Олита», 2005. – С. 245–339; Делягин, М. Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России? / М. Делягин, В. Шеянов. – М.: ИД «Коммерсантъ»: Эксмо, 2009. – С. 55–84; Лемешев, М. Российская матрица / М. Лемешев // *Отечественные записки*. – 2009. – № 23. – С. 11–15; Попов, А. Финансовый кризис 2009. Как выжить? / А. Попов. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2009. – С. 194–219; Смолин, О. Н. Мировой экономический кризис: вызовы социальной политике / О. Н. Смолин // *Альтернативы*. – 2009. – № 1. – С. 45–54; Todd, Э. После империи Рах Америка – начало конца / Э. Тодд. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 173; Шутов, А. Д. Россия в жерновах истории / А. Д. Шутов. – М.: Вече, 2008. – С. 346–373.

3. www.rmh.ru.

4. Российская газета. – 2008. – 12 февраля.

5. Сайт: kremlin.ru, 2009, 12 ноября.

6. www.polit.nnov.ru

7. См.: Нагорный, А. Байки Байдена / А. Нагорный // *Завтра*. – 2009. – № 31; Волченко, А. В. Курильский вопрос / А. В. Волченко // *Советская Россия, Улики*. – 2009. – № 7. – С. 10–12; Паршев, А. П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь / А. П. Паршев. – М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2000. – С. 5.

8. Кара-Мурза, С. Г. Потерянный разум / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Изд-во «Эксмо»; Изд-во «Алгоритм», 2005. – С. 140–170.

9. Ивашов, Л. Г. Что ищет Джо Байден в Европе? / Л. Г. Ивашов // *Советская Россия*. – 2009. – 29 октября.

10. <http://wciom.ru>

11. www.fom.ru

12. Мишин, В. И. Наука и идеология / В. И. Мишин // *Политическое просвещение*. – 2009. – № 6. – С. 120.

13. www.fom.ru

14. <http://wciom.ru>

УДК 373
ББК Ч 41

Л. В. Вандышева

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФИЛАНТРОПИЧЕСКОГО ПОДХОДА
К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

Самарский государственный университет

E-mail: van-luda@yandex.ru

В статье выделены основные проблемы дошкольных образовательных учреждений. Возможности решения этих проблем на основе филантропического подхода недостаточно используются на практике, как показывают результаты исследования. Автор статьи предлагает рекомендации по совершенствованию работы дошкольных образовательных учреждений с учетом заявленного подхода.

Ключевые слова: благотворительность; волонтерская деятельность; дошкольное образовательное учреждение; специальная подготовка волонтеров; социальное партнерство; филантропический подход.

L. Vandysheva

**A PHILANTHROPICAL APPROACH TO KINDERGARTEN OPERATIONS:
PROBLEMS AND PROSPECTS**

Samara State University

The core of the article is serious financing problem of municipal kindergartens at present. The author of the article underlines the lack of voluntary contribution, financial support from parents and other social partners. There are some practical recommendations and advices for kindergarten operational system development and policy improvement.

Charity, volunteering, sponsorship, kindergarten, special volunteer training, social partnership, philanthropical approach.

В Самарской области общая численность детей, посещающих дошкольные образовательные учреждения (ДОУ), имеет тенденцию постоянного роста. Так, если в 2007 г. это было 106,4 тысячи человек, то в настоящее время – 110,3 тысячи человек.

В связи с этим особую актуальность приобретает создание и восстановление ДОУ, поскольку с 1997 г. (период демографического спада) имело место значительное сокращение их количества: с 420 до 206 дошкольных учреждений (2007 г.). Здания передавались в долгосрочную аренду либо использовались не по назначению.

Решение актуальной задачи, по мнению автора, возможно на основе филантропического подхода к деятельности ДОУ, предполагающего работу со спонсорами, благотворителями, привлечение волонтеров, то есть осуществление социального партнерства.

Было обращено внимание к качественной методологии исследования, построенной на анализе профессиональной деятельности информантов, их окружения и жизненного пространства. Эта методология позволила выявить перспективу использования филантропического подхода к деятельности ДОУ. В статье представлены результаты исследования с целью вы-

явления проблем современных ДОУ и практики социального партнерства. Проведены стандартизованные интервью с экспертами – заведующими ДОУ Самарской области (37 человек). Также использовался метод анализа документов – портфолио участников (30 человек) Областного конкурса профессионального мастерства «Воспитатель года».

Среди проблем, с которыми сталкиваются современные ДОУ, можно выделить проблемы оборудования территории и обеспечения игрушками. Данные проблемы во многом связаны с тем, что ДОУ строились в прошлом веке и в настоящее время здания и прилегающие территории, оборудование устарели, а средств на восстановление и приобретение нового недостаточно.

Проблема оборудования территории заключается в необходимости реконструкции и оформления участка в соответствии с современными требованиями, озеленения территории и оснащения ее малыми архитектурными формами. Решение проблемы оборудования территории ДОУ может быть найдено, согласно информантам, при организации социального партнерства ДОУ с представителями власти, бизнеса, общественности.

Заявленная выше проблема во многом связана с проблемой охраны территории ДОУ. К чи-

слу основных причин существования этой проблемы отнесли недостаточное финансирование. Кроме этого проблема является следствием отсутствия должной организации работы с подрастающим поколением, в частности, организации его свободного времени и обучения правилам поведения в общественных местах; неблагоустроенности дворов (жители прогуливаются на территории ДОО).

Проблема обеспечения игрушками и спортивным инвентарем связана с отсутствием финансирования, дороговизной и низким качеством игрушек, большим количеством детей в группе, а также низким контролем работников ДОО за сохранностью игрушек, инвентаря.

С позиции филантропического подхода данная проблема, по мнению информантов, решается в следующих формах: акции среди родителей и жителей микрорайона (например, «Подари игрушку ДОО»), ярмарка-продажа поделок, сделанных руками детей, воспитателей, родителей с последующим приобретением (на вырученные деньги) необходимого.

Среди проблем, с которыми сталкиваются современные ДОО, информанты также выделили проблему организации праздников, в том числе массовых (Масленица, День защиты детей, День знаний, Новый год и др.). В качестве основной причины существования проблемы указано недостаточное финансирование ДОО. Решение обозначенной проблемы информанты находят в организации работы с представителями власти, родителями, волонтерами. При этом отмечается, что эта работа может вестись нетрадиционно, то есть в таких формах, как чаепитие, диспут, брейн-ринг.

Таким образом, решение актуальных проблем ДОО во многом зависит от финансирования. Поскольку государственного обеспечения оказывается недостаточно, заведующие ДОО обращаются за поддержкой к бизнес-структурам, общественности. Поддержка со стороны бизнеса частично или полностью позволяет решить многие задачи.

Поддержка со стороны общественности (родителей, жителей микрорайона, представителей учреждений и организаций) не сводится лишь к обеспечению финансированием. Данная поддержка проявляется в различных формах социальной активности граждан, что в немалой степени способствует решению обозначенных выше проблем.

Иными словами, спонсорство и благотворительность характерны как для бизнеса, так и

для общественности. Однако волонтерская деятельность преимущественно осуществляется среди представителей некоммерческого сектора (общественности).

Опыт привлечения волонтеров к деятельности ДОО имели 25 информантов, что нашло отражение в очищении территории от снега, уборке территории, завозе песка, озеленении участка, оформлении экологической тропы, покраске оборудования, ремонте, изготовлении кукольного театра, сборе игрушек, организации тематических праздников, оказании транспортных услуг.

Из ответов следует, что в большинстве случаев волонтерская деятельность рассматривается как мало специализированный труд, направленный на благоустройство территории ДОО: *«Чаще в летний период подростки помогают обустроить прилегающую территорию: прополка, полив, подметание аллеи, делают мелкий ремонт в помещениях. В течение года помогают изготавливать дидактические пособия»* (информант 15).

Воспитанники ДОО также выступают в качестве волонтеров при организации концертов для детей с ограниченными возможностями здоровья: *«... и чаепитие с пирогами, испеченными в детском саду, с вареньем, принесенным сотрудниками»* (информант 17).

К волонтерской деятельности привлекают подростков из молодежной организации: *«... оказывают помощь в уборке территории, проводят праздники и развлечения»* (информант 34).

Таким образом, к волонтерской деятельности в ДОО привлекают представителей подрастающего поколения. При этом в качестве волонтеров выступают родители, а также родственники, знакомые воспитателей, сами воспитатели.

В качестве волонтеров указали спонсоров ДОО: *«Эта компания укрепляет материальную базу ДОО»* (информант 5).

Однако отождествление волонтерства и спонсорства не верно. Безвозмездный характер очевиден для волонтерства, но не для спонсорства.

Также характерно, что имевшие опыт привлечения волонтеров в дальнейшем планируют его повторить.

Осознают потребность в волонтерском труде 29 информантов; не нуждаются в таковом 4 информанта и затруднились с ответом 4 информанта.

Не имели опыта привлечения волонтеров к деятельности ДООУ 12 информантов. При этом 8 информантов планируют использовать волонтерскую деятельность в качестве ресурса развития своего учреждения; 2 из информантов – нет; 2 из информантов затруднились дать однозначный ответ.

По мнению информантов (не имевших опыта привлечения волонтеров), волонтерская деятельность может сводиться к уборке территории, оформлению участка, посадке растений, ремонту здания, организации культурно-досуговых мероприятий, оформлению стендов, изготовлению пособий, а также поделок. Так, направления деятельности волонтеров в ДООУ могут быть разнообразными.

Информанты выделили факторы, которые препятствуют привлечению волонтеров к деятельности ДООУ:

- непопулярность волонтерской деятельности в обществе;
- наличие специфики функционирования ДООУ;
- отсутствие финансовой основы для оказания поддержки волонтерам;
- недостаточное количество организаций, рекрутирующих волонтеров для работы в ДООУ;
- неподготовленность волонтеров к деятельности в ДООУ (несерьезное, безответственное отношение).

Таким образом, ответы информантов свидетельствуют о недостаточном развитии волонтерской деятельности в ДООУ Самарской области.

По мнению информантов – жителей городов, волонтерская деятельность – это тот вид деятельности, который хорошо развит в городах, где у населения другое мышление. В городах социальные контакты часто не основаны на непосредственном знакомстве. Отношения с представителями власти официальные. В связи с этим одним из эффективных способов воздействия на власть и оказания помощи нуждающимся выступают институты гражданского общества в виде некоммерческих организаций, инициативных групп волонтеров.

Информанты – жители сельских районов в той или иной степени используют волонтерскую деятельность в ДООУ. При этом часто не идентифицируют, не называют ее как волонтерство.

Действительно, в сельских поселениях социальная жизнь организована по принципу тес-

ного сообщества и построена на непосредственном знании друг друга большинством жителей, тесных личных связях, наличии неформальных фигур влияния и т. п. Жизнь в сообществе обуславливает интенсивное движение информации внутри территориального сообщества, высокую развитость и значимость общественного мнения, эффективный внутренний социальный контроль (все друг друга знают). Жизнь в сообществе особым образом организует взаимодействие с властью: представитель официальных структур воспринимается не только как должностное лицо, но и как близкий, доступный человек, включенный в дружеские, родственные связи, а, значит, и решение проблем.

Развитию волонтерской деятельности препятствует недостаточная информированность о данной деятельности. Так, лишь 10 информантам известен опыт привлечения волонтеров к деятельности ДООУ (помимо собственного опыта). Упомянулся опыт городских ДООУ, одной из школ района, деятельность американских волонтеров. Остальные информанты дали ответ «нет» на вопрос: «Известен ли вам опыт привлечения волонтеров к деятельности ДООУ?».

Итак, нельзя признать наличия волонтерского движения в отношении ДООУ; волонтерство имеет несистемный, непоследовательный характер.

При организации волонтерской деятельности нельзя не учитывать специфику деятельности ДООУ, которая заключается в ее особой подконтрольности различным органам власти (администрации, прокуратуры и др.), поскольку работники ДООУ несут определенную ответственность за жизнь и здоровье детей не только перед родителями, но и перед обществом. В современных условиях, когда актуально соблюдение безопасности, проявление бдительности с целью недопущения террористических актов, контроль со стороны соответствующих органов власти является вполне обоснованным. Следовательно, организация волонтерской деятельности должна осуществляться в соответствии с законодательством РФ при обязательном соблюдении прав человека. Однако законодательная база, регламентирующая организацию волонтерской деятельности, несовершенна.

О необходимости совершенствования законодательства в отношении организации волонтерской деятельности свидетельствует и тот факт, что в современных экономических усло-

виях, как показывает практика, волонтеры нуждаются в определенной финансовой поддержке, которая может проявляться, например, в оплате их труда, но в размерах, значительно меньших реальной стоимости услуг; оплате расходов на транспорт и т. п. Разумеется, обозначенный факт не исключает соблюдения базовых принципов волонтерской деятельности: безвозмездный характер деятельности, альтруизм и др.

Кроме этого следует особое внимание уделить процессу организации волонтерской деятельности. Этот процесс должен иметь системный и последовательный характер, обеспечивать который призваны специальные организации, а также подготовленные специалисты, в частности, работники ДООУ.

Для расширения спектра своей деятельности этим организациям следует разработать методы поощрения, стимулирования волонтеров. Это позволит ДООУ в перспективе сформировать штат не только реальных волонтеров, но и потенциальных; не только эпизодических, но и потенциальных волонтеров, позволит исключить ситуации, когда к волонтерской деятельности «*привлекаем одних и тех же, они уже нас бояться начинают*» (информант 11).

Специальная организация волонтерской деятельности позволит исключить из практики ситуации, когда к оказанию помощи ДООУ привлекаются волонтеры-сектанты, осуществляющие вербовку новых адептов из числа родителей. Кроме этого волонтерская деятельность могла бы стать ресурсом в организации свободного времени граждан.

Представляется актуальным осуществление специальной подготовки специалистов ДООУ к организации волонтерской деятельности. При опросе выяснилось, что для организации волонтерской деятельности работникам ДООУ не хватает теоретических основ волонтерской деятельности, а также практических навыков убеждения и аргументации, командообразования.

Кроме этого информанты (27 человек) отметили, что необходимо осуществлять специальную подготовку волонтеров: «*люди должны быть компетентны в своем деле. Если это очень трудоемкая помощь, например, оказание помощи в обустройстве детской игровой площадки*» (информант 9), «*проводить беседы о бескорытной помощи, приводить положительные примеры*» (информант 10), «*разумеется, их нужно специально подготавливать,*

чтобы мы не тратили время на объяснения и убеждения, что к чему» (информант 23), «*для волонтеров нужно проводить специальный инструктаж*» (информант 31), «*не всех можно подпускать к детскому саду, поэтому людей нужно подготавливать, а как же*» (информант 34).

Учитывая опыт взаимодействия с зарубежными волонтерами, информант указывает следующее: «*скорее всего их готовят, так как они постоянно просят еще с какой-то помощью. И они всегда нравственно воспитаны, и благодарят, что им даем работу*» (информант 14).

Выделяя специфику подготовки волонтеров к деятельности в ДООУ, информанты предположили, что волонтерам следует преподавать детскую педагогику и психологию; подготавливать к общению с детьми дошкольного возраста; знакомить с программами, по которым работает ДООУ; развивать прикладные способности по оформлению игровых зон, изготовлению и ремонту игрушек; знакомить с правилами охраны труда и пожарной безопасности.

Наряду с этим информантами (10 человек) признавалась неважность специальной подготовки: «*...сколотить, подбить – это любой родитель может, что его учить? Тут только уговорить его на помощь саду и инструментом обеспечить*» (информант 8); «*...если готовить их, то это средства какие-то нужны, а где их взять? Да и кто их готовить-то будет? У меня и так каждый человек на счету...*» (информант 11), «*если человек уже согласился на эту деятельность, значит, он готов выполнять определенную работу для оказания помощи*» (информант 21), «*волонтеры, как правило, не выполняют работу, требующую какой-то специальной подготовки, сложной. Обо всем можно договориться и все обговорить непосредственно на месте*» (информант 40).

Информанты выделили следующие качества личности волонтера, работающего в ДООУ: добросовестность, ответственность, серьезность, отзывчивость, доброта («*помощь должна исходить от сердца каждого, даже специально подготовленные, но черствые люди не смогут осуществлять эту деятельность*» (информант 28)), коммуникабельность, уважение, желание помочь («*это должно быть в человеке заложено изначально: безвозмездно помогать людям и видеть ситуации, когда твоя помощь нужна людям*» (информант 17)), вос-

питанность («... волонтеры должны быть ненавязчивы к тем людям, где они хотят оказать помощь» (информант 9)).

Итак, по мнению информантов, волонтером может стать не всякий человек, а лишь обладающий определенными личностными качествами, знакомый со спецификой деятельности ДООУ, обладающий психолого-педагогическими знаниями для работы с детьми и умениями, навыками для творческой деятельности. Исходя из этого, волонтерская деятельность перестает быть лишь мало специализированным видом деятельности, поскольку требует дополнительной подготовки для осуществления различных направлений деятельности ДООУ.

Анализ портфолио позволил сделать следующие выводы:

– отмечается важность сотрудничества воспитателей и родителей: «...привлечь родителей к продуктивной деятельности в группе... именно сегодня сотрудничество воспитателей и родителей необходимо» (Х. О. А., г. Самара); «только сотрудничество с нами, педагогами, огромный труд по воспитанию и обучению ребенка принесут положительные результаты» (П. С. А., г. Новокуйбышевск);

– эффективность решения проблем ДООУ зависит от атмосферы в коллективе работников: «... работаем одной дружной командой» (С. Г. В., г. Отрадный);

– филантропический аспект занимает важное место в процессе воспитания детей и работе с родителями: «... смогу помочь ребенку познать мир, вступить в правильные взаимоотношения с окружающими, научить откликаться на переживания людей, приходить на помощь...» (С. И. Ю., г. Тольятти); «считаю необходимым, чтобы и взрослые, и дети понимали важность участия в решении актуальных

вопросов жизни поселка, района, города, региона и пытались найти и предложить свои варианты решения экологических проблем. Очень хотелось бы, чтобы и дети, и взрослые приняли участие в конкретном деле» (Я. С. В., г. Кинель); «Хорошо, если дошкольники осознали значимость слов «мы» и «наше». Значит, они приобрели опыт проявления отзывчивости, сочувствия, сопереживания, научились ценить поддержку друзей» (Р. Г. Б., г. Тольятти); «Моя мечта – видеть своих воспитанников... субъектами процесса. И в основе их деятельности лежит освоение материальной и духовной культуры... Субъектную позицию нельзя передать путем объяснения, заучивания, приказа, строгого контроля. Она формируется образом жизни, сознательным житнетворчеством, моим и моих воспитанников» (К. Т. В., г. Тольятти);

– филантропический подход реализуется проектной деятельности: «организация учебных занятий с созданием проблемных ситуаций под руководством педагога и самостоятельную деятельность детей по их разрешению, в результате чего ребенок получает знания, внедрение системы обучения по методу» (К. Е. В., п. Суходол).

Вместе с тем в портфолио недостаточно отражен опыт воспитателей в работе с родителями, иными гражданами с целью развития их социальной активности в отношении ДООУ.

Таким образом, использование филантропического подхода к деятельности ДООУ представляется важным, поскольку в современных экономических условиях позволяет решать возникающие в ДООУ проблемы. Кроме этого филантропический подход является основанием для утверждения социального партнерства, а, следовательно, социальной активности граждан, подрастающего поколения.

УДК 159.92: 316.628: 614.23/25

А. А. Фитьмова

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ

Северо-Кавказский государственный технический университет

E-mail: nyufa@yandex.ru

В статье рассматривается мотивация как предмет научной рефлексии и анализируются результаты экспериментального исследования учебной и профессиональной мотивации будущих врачей.

Ключевые слова: мотивация; учебная, профессиональная мотивация, диагностика мотивационной структуры будущих врачей, корреляционный анализ.

A. A. Fitmova

RESEARCH OF MOTIVATIONAL STRUCTURES OF THE PERSON OF THE FUTURE DOCTORS

North Caucasus State Technical University

In the article the motivation as the object of a scientific reflection is considered and the results of an experimental research of educational and professional motivation of the future doctors are analyzed.

Keywords: motivation, educational, professional motivation, diagnostics of motivational structure of the future doctors, the correlation analysis.

Формирование необходимого уровня профессиональной пригодности и, как следствие, достижение высокого уровня профессионализма предполагает развитие как оперециональной стороны профессиональной деятельности, так и личности в целом. При этом особая роль отводится мотивационным факторам. Так, Л. М. Митина подчеркивает определяющую роль мотивации в выборе профессии, ее овладении и дальнейшей эффективной самореализации человека в трудовой деятельности [1]. Учебная деятельность отличается большей успешностью в случае наличия у студентов устойчивой и сильной мотивации. В работах ряда авторов (Л. А. Коростылева, В. А. Меньшов, А. А. Реан, В. А. Якунин и др.) показана роль мотивации в успешности обучения студентов.

Автором был проведен сравнительный анализ особенностей мотивационной структуры студентов медицинских специальностей в зависимости от курса обучения, а также наличия опыта работы в медицинском учреждении. В качестве испытуемых выступили студенты 1-го и 4-го курсов Ставропольской государственной медицинской академии в количестве 72 человек. При этом для определения влияния профессиональной деятельности на особенности мотивации обучения студентов – будущих врачей в экспериментальном исследовании приняли участие студенты 5-го и 6-го курсов Ставропольской государственной медицинской академии, работающие в Муниципальном учреждении здравоохранения «Городская клиническая больница № 3» г. Ставрополя (36 чело-

век) в качестве среднего и младшего медицинского персонала. При исследовании особенностей мотивационной сферы будущих врачей был использован «Вопросник мотивационных объектов» [2]. Вопросник состоит из списка 105 позитивных и 55 негативных конкретных мотивационных объектов, названных студентами университета и выбранных с помощью контент-анализа из различных основных категорий и подкатегорий мотивации. Вопросник направлен на измерение субъективной интенсивности мотивов разных типов: мотивационные объекты, относящиеся к аспектам личности самого субъекта; стремление к саморазвитию; общая активность личности; активность в профессиональной деятельности; полноценная учеба, подготовка к будущей профессиональной деятельности; мотивация социального взаимодействия; социальная реципрокность; познавательная активность; экзистенциальная мотивация; досуговая активность.

Полученные в результате диагностики данные позволяют говорить о том, что у студентов первого года обучения в мотивационной структуре преобладают мотивы, связанные с активной профессиональной жизнью (5,36) и учебной деятельностью в академии (5,3), мотивы активности (5,10) и мотивы, касающиеся собственной личности, своих способностей, возможностей (4,85). В то время как для студентов четвертого курса наибольшей побудительной активностью обладают мотивы, связанные с обеспечением успешной учебы в академии (5,18); профессиональные мотивы (5); стремление к

саморазвитию (4,77); мотивы, связанные с активностью личности (4,66). При этом наименее значимыми являются мотивы социального взаимодействия (4,19); мотивы, связанные с досуговой активностью (3,53), мотивы познавательной активности (3,55).

Мотивационная структура студентов старших курсов, работающих младшим и средним медицинским персоналом в больнице, в целом аналогична мотивационной структуре учащихся первого курса. Наиболее значимыми являются мотивы, связанные с профессиональной деятельностью (5,63); учебной деятельностью (5,36); стремление к саморазвитию (5,10); мотивы, связанные с активностью личности (5,10).

Меньшее значение для студентов имеют экзистенциальные (3,36) и познавательные мотивы (3,03). Однако данные особенности обусловлены адаптацией к выполняемой профессиональной деятельности, в отличие от студентов первого курса, которые ориентированы на адаптацию к системе образовательного процесса в медицинской академии

Определение различий в мотивационной структуре студентов осуществлялось посредством сравнения значений групповых средних студентов 1-го и 4-го курсов, а также студентов 5–6-го курсов, работающих в больнице. Значения t-критерия Стьюдента представлены в табл. 1.

Таблица 1

Значения t-критерия Стьюдента по основным мотивам будущих врачей

Мотивы	Значение t-критерия Стьюдента		
	между 1–4 курсами	между 1–5; 6 курсами	между 4–5; 6 курсами
1. Мотивационные объекты, относящиеся к аспектам личности самого субъекта	1,47	1,30	2,47*
2. Стремление к саморазвитию	0,10	2,51*	2,1*
3. Активность личности	2,53*	0,03	2,55*
4. Активность в профессиональной деятельности	2,29*	0	2,22*
5. Полноценная учеба, подготовка к будущей профессиональной деятельности	0,78	2,56*	3,27**
6. Мотивация социального взаимодействия	2,36*	0,43	2,66**
7. Социальная реципрокность	1,22	0,89	2,03*
8. Познавательная активность	2,45*	3,13**	0,87
9. Экзистенциальная мотивация	2,44*	3,26**	1,23
10. Досуговая активность	5,66**	1,47	6,52**

Примечание. * – значения различий в групповых средних статистически значимых с вероятностью допустимой ошибки – 0,05 ($t_{критич.} = 2$); ** – с вероятностью допустимой ошибки – 0,01 ($t_{критич.} = 2,66$)

На основании полученных данных можно говорить о том, что для студентов 1-го курса и студентов 5–6-го курсов, работающих в больнице, мотивы, связанные с характеристиками субъекта, имеют достоверно большее значения, нежели для студентов 4-го курса обучения. Так, для студентов первого курса актуальным является вопрос формирования качеств, способностей, необходимых для успешной учебной деятельности. Помимо этого особенностями данного возраста является формирование устойчивой «Я-концепции», представления о собственных характерологических особенностях. Четвертый курс является наиболее стабильным: процесс адаптации к обучению в академии завершен, сформирован индивидуальный стиль

обучения, социальные связи являются достаточно стабильными, в связи с чем вопросы формирования собственной личности не являются для студентов столь значимыми. В противоположность им студенты 5–6-го курсов обучения, работающие в больнице, сталкиваются с реалиями медицинской деятельности, предъявляющей достаточно высокие требования к индивидуально-психологическим особенностям личности врача, необходимому уровню знаний и квалификации, что провоцирует конфликт между идеальным и реальным образами себя как врача. Этот процесс сопровождается глубокой внутриличностной перестройкой, пересмотром своих личностных особенностей. Поэтому для студентов данной группы в наи-

большей степени актуальны мотивы, связанные с вопросами интеллекта, способностей, специальных знаний и умений. Как отмечает В. И. Ораховский, готовность к медицинскому труду «может быть обеспечена не только наличием интереса и приобретением определенных практических навыков в процессе обучения, а и наличием профессионально значимых для медицинского работника личностных качеств: нравственных... моральных... деловых» [3, с. 49–50]. Стремление к саморазвитию и самосовершенствованию в большей степени свойственно работающим студентам, что также определяется необходимостью адаптации к работе в медицинском учреждении, осознанием несоответствия собственных профессионально важных качеств требуемым. В отличие от неработающих студентов, они имеют возможность на практике оказывать помощь пациентам, применять имеющиеся знания и навыки, что способствует удовлетворению потребности в самоактуализации. Достоверно значимые различия также получены по шкале активности. Так, студенты первого курса и работающие студенты характеризуются более высоким уровнем общей активности. Для группы студентов первого курса это связано, прежде всего, с интенсивным обучением, процессами адаптации к обучению в академии, для работающих студентов – с осуществлением профессиональной деятельности. Более подробный анализ направленности активности показал, что уровень мотивов, связанных с учебной деятельностью, находится на одинаковом уровне у студентов начальных курсов и студентов последних курсов. Профессиональная мотивация у представителей данных групп также выше, нежели у студентов четвертого курса. Однако высокое значение мотивов профессионального становления студентов первого курса обусловлено тем, что представление о выбранной профессии на данном этапе обучения во многом является иллюзорным. Не имея возможности сопоставления идеального образа профессиональной деятельности с реальными ее аспектами, студенты идеализируют будущую профессиональную деятельность, и как следствие, представление о своем профессиональном соответствии (у них отсутствует четкое представление о том, какие качества необходимо формировать для успешности в профессиональной деятельности, какую дополнительную информацию надо получать, чему необходимо самостоятельно учиться). В отличие

от них, работающие студенты имеют возможность на практике оценить специфику профессиональной деятельности врачей. Работа в медицинском учреждении инициирует процессы профессиональной идентификации, детерминирует выбор профессиональной специализации.

Достоверно значимые различия также были получены по мотивам социального взаимодействия. Так, на начальных курсах обучения формируется учебная группа, студенты адаптируются к требованиям преподавателей академии, в связи с чем значительно расширяется круг социальных контактов, актуальной становится интеграция в профессиональное окружение. При поступлении на работу студенты контактируют не только с медицинским персоналом, но и пациентами, их родственниками, что требует от данной группы студентов формирования навыков эффективной коммуникации. Более высокие показатели по социальной реципрокности связаны с тем, что медицинская деятельность предполагает воздействие на пациента. Однако, несмотря на достаточно высокие значения мотивов саморазвития, профессиональных мотивов работающих студентов, познавательная активность имеет тенденцию к снижению в процессе обучения в академии. С одной стороны, данный факт объясняется завершением процессов адаптации, формированием индивидуального стиля обучения. Снижение познавательных мотивов у работающих студентов, возможно, обусловлено тем, что к моменту 5–6-го курсов студенты имеют некоторую устойчивую систему знаний, в связи с чем снижается потребность в их активном приобретении. На данном этапе активизируются процессы профессиональной специализации, в связи с чем профессиональные и познавательные интересы концентрируются в рамках конкретного медицинского направления. Работая в медицинском учреждении, студенты приобретают навыки ухода за больными, взаимодействия с пациентами и их родственниками; знакомятся со схемой лечения того или иного заболевания. В итоге создается некоторое иллюзорное представление о достаточности имеющихся знаний для будущей профессиональной деятельности. В дальнейшем, при работе данных студентов с пациентом, наблюдается некоторая поверхностность, шаблонность при постановке диагноза, назначении и коррекции лечения. Не возникает потребности в более глубоком анализе этиологии и патогенеза заболевания конкретного больного.

Аналогичная ситуация динамики наблюдается при исследовании экзистенциальных потребностей. Так, наиболее актуальными данные потребности являются для студентов первого курса, что обусловлено их возрастными особенностями и социальной ситуацией развития. На этом этапе происходит формирование жизненной позиции, поиск смысла жизни, разрешение нравственных проблем и т. д. Для студентов первого года обучения большое значение имеет возможность оказывать помощь пациенту, спасать жизнь. Однако знакомство с практической медициной способствует развенчанию образа врача, дарящего жизнь: «Иллюзия могущественности врача теряется, как только ты впервые сталкиваешься с истинной беспомощностью перед тяжелым недугом. С годами это чувство становится хронической болью профессионала, осознающего, как многообразны человеческие страдания, и как слаб еще врач в борьбе с ними» [4, с. 154–155]. Достоверно значимые различия были получены при сравнении значения мотива досуговой активности. Наибольшее значение данный мотив имеет для студентов первого курса и работающих студентов. Полученные данные обусловлены высокой учебной активностью студентов первого курса и совмещением учебной и профессиональной деятельности работающими студентами. Так, на первом курсе медицинской академии студент в течении одного семестра выполняет более пятидесяти итоговых контрольных работ. Данный метод внешнего контроля учебного процесса применяется при изучении естественно-научных, морфологических и пропедевтических дисциплин. Что позволяет говорить о высокой степени нагрузок на мнемические, аттенционные процессы и репродуктивное мышление студентов. Работающие студенты вынуждены учиться после ночных дежурств, что отрицательно сказывается на их работоспособности и актуализирует потребность в отдыхе.

Для определения влияния мотивов на успешность обучения студентов в медицинской академии был проведен корреляционный анализ. Результаты проведенного анализа представлены в табл. 2.

Анализ полученных в ходе проведения корреляционного анализа данных позволяет говорить о том, что мотивами, детерминирующими успешную учебную деятельность будущих врачей, являются ориентация на полноценную

Таблица 2

Значения коэффициентов корреляции мотивов и учебной успеваемости будущих врачей

Мотивы	Коэффициент корреляции
1. Мотивационные объекты, относящиеся к аспектам личности самого субъекта	0,2331
2. Стремление к саморазвитию	0,3113*
3. Активность личности	0,2832
4. Активность в профессиональной деятельности	0,4421*
5. Полноценная учеба, подготовка к будущей профессиональной деятельности	0,4552*
6. Мотивация социального взаимодействия	0,1656
7. Социальная реципрокность	-0,2576
8. Познавательная активность	0,3375*
9. Экзистенциальная мотивация	0,1144
10. Досуговая активность	0,1335

Примечание. * – значения коэффициентов корреляции, статистически значимых на уровне достоверности $p < 0,05$; ** – для $p < 0,01$.

учебную деятельность, стремление к успешной профессиональной деятельности и максимальной самореализации, высокий уровень познавательной активности. Поскольку сравнительный анализ мотивационной структуры будущих врачей показал, что в процессе обучения в академии отмечается снижение мотивов познавательной активности; начальный уровень потребности в саморазвитии, и профессиональная мотивация ниже, нежели у работающих студентов, то представляется необходимым разработка программы формирования мотивационной структуры личности студентов – будущих врачей, на различных этапах их обучения в медицинской академии.

Таким образом, профессиональная деятельность врача рассматривается как сложная, многофункциональная система, требующая высокого уровня профессиональной подготовки, сформированности мотивационной сферы, ориентированной на постоянное самосовершенствование и творческое развитие личности специалиста. Проведенное экспериментальное исследование динамики мотивации студентов медицинских специальностей позволяет говорить о том, что в процессе профессиональной подготовки отмечается снижение общей, учебной, познавательной активности, значения экзистенциальных, социальных мотивов. В то время как опыт работы в больнице способствует увеличению значимости в мотивационной струк-

туре будущих врачей мотивов саморазвития, профессиональных и социальных мотивов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Личность и профессия: психологическая поддержка и сопровождение: учеб. пособие для студентов / под ред. Л. М. Митиной. – М.: Академия, 2005.

2. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004.

3. Ораховский, В. И. Формирование психологической готовности молодежи к медицинскому труду / В. И. Ораховский. – Киев: Выша школа, 1989.

4. Ясько, Б. А. Психология личности и труда врача: курс лекций / Б. А. Ясько. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 304 с.

УДК 355.01

ББК Ц 01

А. Н. Гулевский*, *Н. А. Гулевская***

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ВОЙНЫ

*Волгоградская Академия МВД РФ

**Волгоградский государственный технический университет

E-mail: gulewski@rambler.ru

В данном исследовании представлены и проанализированы основные теоретические подходы к пониманию войны. Среди подходов выделены следующие: структурно-функциональный, стадийный, социокультурный, культурологический, психологический, биологический, географический. Сделан вывод, что наиболее перспективным и разработанным теоретически является стадийный подход Э. Тоффлера, который может быть использован как концептуальная основа дальнейшего исследования войны.

Ключевые слова: война, структура, функция, цивилизация, культура, социализация, конфликт, формация.

A. N. Gulevsky*, *N.A Gulevskay***

THE ANALYSIS OF THEORETICAL APPROACHES TO UNDERSTANDING OF WAR

*Volgograd academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**Volgograd State Technical University

The summary: In the given research, the basic theoretical approaches to understanding of war are presented and analyzed. Among approaches, the following is allocated: structurally functional, stadial, sociocultural, culturological, psychological, biological, and geographical. The conclusion is drawn that the most perspective and developed theoretically is E. Toffler's stadial approach, which can be used as a conceptual basis of the further research of war.

Keywords: war, structure, function, a civilisation, culture, socialisation, the conflict, a formation.

Как самостоятельная научная проблема, война начинает активно изучаться с середины XX века. Можно выделить несколько наиболее значимых для данного исследования подходов. Особого внимания в этом ряду заслуживает подход, который можно обозначить как *структурно-функциональный* (Г. Бутуль, Р. Арон, П. Аснер, В. Шнирельман). Он предполагает рассмотрение войны как некоторой целостности, обладающей сложной структурой, каждый элемент которой имеет определенное значение и выполняет специфические функции, направленные на удовлетворение соответствующих потребностей системы. Французский социолог Г. Бутуль исходит из того, что, во-первых, именно война породила историю, поскольку последняя началась исключительно как история вооруженных конфликтов. Во-вторых, война играет значительную роль в социальных изменениях, являясь главным фактором диалога и заимствования культур. Война – наиболее энер-

гичная и наиболее эффективная форма контакта цивилизаций, она не позволяет государствам и народам замыкаться в самоизоляции. Кроме того, народы страстно заимствуют друг у друга виды вооружений, способы ведения войн и тому подобное вплоть до моды на военную униформу. В-третьих, войны являются двигателем технического прогресса. В-четвертых, война представляет собой самую заметную из всех переходных форм в социальной жизни. Она нередко служила фактором, стимулирующим социальные изменения, смену старого социального порядка новым. Таким образом, война является источником, как нарушения, так и восстановления социального равновесия во взаимоотношениях стран. Следовательно, не может быть и речи о ликвидации войны, пока не будет найдена замена функции, выполняемой войной.

По мнению Г. Бутуля, невозможно объяснить войну чисто экономическими причинами без учета человеческих страстей, стремления к

власти, коллективных импульсов и т. п., задолго предшествующих экономическому интересу [1, с. 126]. В силу того, что война тесно связана с большим числом социальных факторов, объективно можно говорить только о результатах ее воздействия на общество, поскольку настоящие причины войны остаются пока неизвестными или предполагаемыми.

Несколько иную линию в понимании войны представляет Р. Арон. Он рассматривает войну с позиций политического реализма – как естественное состояние международных отношений. По мнению Р. Арона, война – совершенно не есть отношение человека к человеку, она есть отношение государства к государству, где частные лица оказываются врагами случайно и притом не как обыкновенные люди и даже не как граждане, а как солдаты [2, с. 12].

Всякая война в пределах какой-либо цивилизационной зоны (или до тех пор, пока противники еще не утратили осознания своей родственности) есть социальная институция, и она имеет то значение, которое придают ей сами общества, т. е. она регламентирована, а не произвольна. Определяя войну как специфическое социальное явление, которое означает организацию насильственных действий противостоящими друг другу сообществами, Р. Арон выделяет два основных типа войн: социальную и политико-экономическую. В зависимости от типа война может иметь стабилизирующую функцию, функцию крайнего способа решения межгосударственных проблем, цементирующую и разграничительную функцию общества.

В рамках *стадиального подхода* к изучению войны можно выделить формационный подход, сложившийся под влиянием работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, и цивилизационный подход, сложившийся в работах Э. Тоффлера, Дж. Белла, М. Маклюэна. Согласно *формационному подходу*, война рассматривается как общественно-политическое явление, присущее только классовым общественно-экономическим формациям. Происхождение войны неразрывно связано с появлением частной собственности. Частная собственность порождает стремление господствующих классов к умножению своих богатств за счет повышения нормы эксплуатации трудящихся и расширения ее сферы путем порабощения народов других стран. Таким образом, марксистская теория обнаруживает экономические причины войны. Социальная сущность войны, ее классовое

содержание, с точки зрения представителей этого подхода, определяются характером той политики, во имя которой ведется война. При первобытном строе не было частной собственности и, соответственно, деления на классы, не было и войны в современном смысле слова. В период разложения первобытнообщинного строя и перехода к классовому обществу происходит, как отмечал Ф. Энгельс, превращение войны в регулярный промысел [3, с. 108].

Последователи К. Маркса считали, что войн между социалистическими государствами быть не может. Обобщая подход к классификации войн с точки зрения материалистического понимания истории, можно выделить три типа войн: войны между государствами различных общественных систем; войны между государствами одной и той же общественной системы; внутренние войны между социальными группами [4, с. 20].

Согласно *цивилизационному подходу*, типология общественной организации в большинстве случаев строится с учетом того, на какой стадии освоения передовых научно-технических достижений находится общество. Э. Тоффлер выделил три волны цивилизации: аграрную, индустриальную, информационную. По его мнению, войны возникают из определенного способа создания богатств. Он утверждает, что «полтора века назад Карл Маркс говорил о различных «способах производства». Мы теперь можем говорить о различных способах уничтожения, или разрушения, каждый из которых свойственен конкретной цивилизации. В отличие от формационной теории К. Маркса, Э. Тоффлер не считает классовую борьбу существенной причиной войны. Главным конфликтом, порождающим войны, является конфликт цивилизаций.

Социокультурный подход характеризуется тем, что рассматривает войну в тесной связи с развитием социальных и культурных отношений между социальными группами, цивилизациями, религиозными сообществами и т. п. (К. Райт, С. Хантингтон, А. Тойнби). Несколько слов о других принципах анализа войны.

Несоответствие ценностей различных культур как причина войн рассматривается также в работе С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка». Автор указывает, что в новом мире основные различия между людьми носят не идеологический, не политический, не экономиче-

ский, а культурный характер [5, с. 532]. По мнению С. Хантингтона, люди стремятся идентифицировать себя с такими культурными сообществами, как племена, этнические группы, религиозные общины, нации и цивилизации. Но решить проблему идентификации можно зачастую лишь тогда, когда нам известно, против кого мы выступаем. Таким образом, политические средства (и война в том числе) нужны не только для того, чтобы отстаивать какие-либо интересы, но и чтобы определить свое «Я». С. Хантингтон подчеркивает, что насилие, осуществляемое в отношении друг друга государствами и группами, принадлежащими к разным цивилизациям, чревато своей эскалацией по мере того, как эти государства и группы станут находить поддержку родственных стран [5, с. 533].

Американский социолог К. Райт также уделяет особое внимание цивилизационным войнам. Проанализировав 278 войн, которые произошли между 1480 г. и 1941 г., исследователь приходит к выводу, что одни государства могут быть более склонными к использованию силы как средства внешней политики, чем другие. По мнению ученого, вновь созданные государства прибегают к силе более охотно, чем большинство стран, имеющих за собою длительную историю [6, с. 230]. Вместе с тем одной из самых значительных причин войн К. Райт считает историческую вражду между государствами, которую каждое новое поколение воспринимает как естественное и неизбежное состояние через определенные версии истории. К. Райт выделяет пять типов войн: животную, примитивную, цивилизационную, современную и новейшую.

Наряду со структурно-функциональным, формационным и социокультурным подходами, следует отметить *культурологический подход* (Л. Уайт, И. Хейзинга, Т. Шеллинг, Х. Хофмайстер), который предполагает взгляд на явление войны как феномена культуры. С позиций культурологического подхода, война предстает как важное средство социализации, выработки новых моделей поведения, трансформации культурных ориентиров и, таким образом, продолжает оказывать устойчивое влияние на человека и общество в мирное время.

Большую роль в развитии культурологического подхода сыграли взгляды Л. Уайта, который резко выступил против теории инстинкта агрессии и индивидуально-психологических концепций. Он отмечал, что войны ведутся между обществами, а не между индивидами, и понять их можно только в широком культурологическом контексте. Индивидуальные мо-

тивации нисколько не помогают понять, почему общество ведет войну [7, с. 56].

В этой связи Й. Хейзинга отмечал, что понятие война вступает только тогда в силу, когда становится явным различие между особым, торжественным состоянием всеобщей вражды и личной враждой, а до некоторой степени и межродовой кровной мстостью. В понимании Й. Хейзинга, подобное различие переводит войну в особую сакральную сферу. Он указывает: война поднимается тем самым до святого дела, до всеобщей меры сил, до испытания судьбы, вовлекается в такую сферу, где право, жребий и престиж существуют еще в нерасторгнутом единстве, тем самым война попадает в сферу чести [8, с. 112]. В работе «Человек играющий» Й. Хейзинга проводит мысль, что игра есть основа культуры. Война же, по его мнению, как одна из функций культуры всегда предполагает наличие ограничительных правил, а, следовательно, требует, до известной степени, признания за собой некоторых качеств игры. Всякая схватка, если она ограничена определенными правилами, имеет – уже в силу самого этого ограничения – формальные признаки игры [8, с. 94]. Несмотря на то, что грубая сила властвует в полной мере, война, рассматриваемая в свете священного долга и чести, до некоторой степени разыгрывается в присутствии им форм. По мнению Й. Хейзинга, все крупные наступательные войны с древности и до наших дней объясняются понятным каждому термином «слава» гораздо существеннее, нежели какой-либо рациональной теорией экономических сил и расчетами политического характера [8, с. 94].

Представители *географического подхода* также формулируют причины войн, среди которых основное место принадлежит геополитике. К. Хаусхофер и Д. Киффер утверждали, что причина войн в особенностях географического положения различных стран, борьбе стесненных наций за жизненное пространство.

Биологический подход утверждает, что причины войны кроются в биологических условиях существования человечества. Неомальтузианство видит причину войны в перенаселенности Земли. Теория «социального дарвинизма» считает, что война порождается вечным законом развития природы и общества – законом борьбы за существование. Ее создатели (Н. Спикмен и Д. Бернхем) считают, что в борьбе наций и государств за выживание первостепенная цель – наращивание военной силы, ко-

торая дает возможность диктовать свои условия слабым.

Сторонники *психологического подхода* (З. Фрейд, К. Лоренц, Г. Зиммель) усматривали источник войны в человеческой психике, в агрессивности человеческого интеллекта и массовых психозах, которые возникают в результате подавления обществом человеческих инстинктов. Ряд важных для данного исследования аспектов рассматривается в рамках социологии войны в работах И. Образцова, Л. Бургановой, П. Корнилова, В. Ксенофонтова, А. Соловьева, А. Беляева, В. Коньшева, Н.Тимашева.

Проводя анализ теоретических подходов, необходимо отметить, что все перечисленные подходы с разных сторон охватывают феномен войны, показывая его сложность и многогранность. Чтобы правильно понять сущность войны, необходимо учитывать свойства социально-психологической природы человека, комплекс социальных, социокультурных, экономических, политических, биологических, географических и иных факторов существования человеческих сообществ.

По мнению авторов, структурно-функциональный подход имеет существенный недостаток. Будучи описательной концепцией, он не пытается определить сущность и причины войны.

Социокультурный подход явно переоценивает роль культурных различий в понимании причин войны. Культурные различия обостряют конфликт, но далеко не всегда являются его причиной.

Биологические теории преувеличивают роль природного начала в жизни человека. Да и саму войну вряд ли можно напрямую отождествлять с борьбой за существование. Война человека с человеком, скорее противоречит законам природы, чем вытекает из них.

Геополитические теории слишком завышают роль географического детерминизма. В его рамках остается не вполне ясным, почему одни маленькие государства, например, Швейцария, не ведут войн, а другие, например, Германия, недовольны своей небольшой территорией. Хотя географическими факторами можно пытаться оправдывать политику некоторых государств, в целом их вряд ли можно считать достаточными для объяснения природы войны.

Следуя психологическому подходу нельзя сводить причины войн к одной лишь человеческой агрессивности. Кроме того, в условиях цивилизации открытая агрессия как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях в значительной мере сублимируется. Природная

агрессивность отходит на второй план, а определяющую значимость приобретают целенаправленный расчет и рациональный выбор.

Культурологический подход ставит карету впереди лошади, ведь слава и честь сопутствуют как раз тем, кто приобретает в ходе войны экономические преимущества, тем, кто руководствуется рациональным расчетом. Ради чистой славы воюют, пожалуй, лишь солдаты бедных армий, имеющих слишком маленькое жалование, но ведь не они иницируют войны.

Наиболее интересным и перспективным в понимании войны можно считать стадиальный подход, особенно в цивилизационной трактовке Э. Тоффлера. Следуя его логике, война – это организованное вооруженное столкновение политико-экономических субъектов с привлечением экономических, политических, идеологических средств. Главным конфликтом современности необходимо признать конфликт цивилизаций. Эти конфликты могут происходить внутри государств и между государствами. Самые глубокие конфликты возникают не между религиозными и этническими группами, а между тремя различными цивилизациями – аграрной, индустриальной и информационной. Каждая новая волна цивилизации приводит к дестабилизации в жизни общества и к войнам. Аграрная революция запустила первую волну перемен в человеческой истории и послужила «для войны вынашивающим чревом по двум причинам: оно дало общинам возможность производить и накапливать добавочный экономический продукт, ради которого стоило воевать» [9, с. 64].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соловьев, А. В. Полемиология – французская социология войны / А. В. Соловьев // Социс. – 1993. – № 12. – С. 44–53.
2. Арон, Р. Мир и война между народами / Р. Арон. – М., 2000. – 880 с.
3. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1980. – Т. 21. – 487 с.
4. Серебрянников, В. В. Войны России / В. В. Серебрянников. – М., 1998. – 377 с.
5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. – С. 528–557.
6. Райт, К. Некоторые размышления о войне и мире / К. Райт // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 3. – С. 231–248.
7. Шнирельман, В. А. У истоков войны и мира / В. А. Шнирельман // Война и мир в ранней истории человечества. – М., 1994. – Т. 1. – 180 с.
8. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М., 1992. – 464 с.
9. Тоффлер, Э. Война и антивойна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2005. – 412 с.

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2) 622

М. Н. Опалев

ВКЛАД СТАЛИНГРАДСКОЙ ПАРОМНОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ПЕРЕПРАВЫ В ПОБЕДУ 1945 г.

**Волжский политехнический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета**

E-mail: opalev-erz@mail.ru

В настоящей статье раскрывается вопрос функционирования и материального оснащения железнодорожной паромной переправы через Волгу в районе Сталинграда. Выявляется роль и значение переправы в общей системе железных дорог СССР в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: паромная железнодорожная переправа, строительство железной дороги Владимировка–Сталинград, Сталинградская битва, Заволжье, судоподъемные работы.

М. N. Opalev

THE CONTRIBUTION OF THE STALINGRAD RAILWAY FERRY TO THE VICTORY OF 1945

Volzhsky Polytechnical Institute (branch) of VSTU

The article is devoted to the railway ferry across the Volga, its working (functioning) and material equipment. It is determined the great role and value of the Stalingrad railway ferry in the whole system of the USSR railways during the World War II.

Keywords: the railway ferry, the construction of Vladimirovka-Stalingrad railway, Stalingrad Battle, the left bench of the Volga, the skipraising.

Россия – великая страна! Она поражает всех своим величием как самая обширная, сильная и богатая страна в мире. Естественно, чтобы создать нормальную инфраструктуру для такой огромной страны, приходилось строить обширное количество населенных пунктов и путей сообщения.

Особой гордостью в России являются железнодорожные пути. Одна только Транссибирская магистраль пролегает почти через всю страну. В Сталинградской битве исключительную роль сыграли новые железнодорожные линии Сталинград – Владимировка, Иловля – Саратов, Кизляр – Астрахань. Именно эти пути стали «дорогами жизни», основными артериями, питавшими людскими ресурсами, боевой техникой, оружием и боеприпасами, продовольствием три фронта, боровшихся в между-речье Волги и Дона – Сталинградский, Донской, Юго-Западный. Так, например, с сентября по декабрь 1941 г. на восточном берегу Волги была построена дорога Гумрак – Владимировка протяженностью 200 км с сооружением железнодорожной переправы выше тракторного завода.

Главной задачей магистрали с территорией тяготения 12,8 тыс. км², с населением, насчитывавшем 148 тыс. человек в мирное время, планировалось обеспечение кратчайшей связи металлургических и машиностроительных за-

водов Сталинграда с сырьевой базой Урала и Сибири. Дорога связывала Сталинград с Заволжьем, с Рязано-Уральской железной дорогой, идущей по левому берегу Волги на удалении от нее в 150 км (перегон Баскунчак – Урбах), и позволяла направить поток нефти, идущий из Баку, в центральные и западные районы СССР [17].

Однако моста между правым и левым берегом Волги не было, так как строительство в этой области только начиналось. Поэтому чтобы как-то решить проблему с переправой поездов, нужно было срочно принять рациональное решение.

12 сентября 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение о начале строительства железной дороги Сталинград–Владимировка, которое было доверено проводить строительному управлению № 10 во главе с М. Л. Бондаренко [22]. К строительству железной дороги были привлечены лучшие специалисты страны с целью построить ее качественно и в кратчайшие сроки [5].

Профессиональные строители-железнодорожники составили лишь основное ядро, занимающееся проектировкой и конструированием железной дороги. Решающей силой являлись многие тысячи стариков, женщин, подростков Сталинграда, колхозников Средней Ахтубы, Ленинска, Владимировки, Заплавного [23].

Дорога была построена за 72 дня без засыпки под рельсовую колею подушки балласта, эту работу делали весной 1942 г. [11]. Ход работ резко осложнился с приходом холодов. Сильные морозы 1941 года сковали землю, нередко были случаи обморожения [1]. Несмотря ни на какие трудности, линия вошла в строй 27 декабря 1941 года. В январе 1942-го первую очередь с паромной ледокольной переправой через Волгу чуть выше Спартановки приняли в эксплуатацию. Для переправы через Волгу было решено использовать паромы, способные перевезти на себе вагоны поезда.

Всего на переправе были задействованы два мощных самоходных парома: «Переправа Вторая» и «Иосиф Сталин» с приданным ледоколом «Саратовский» и баркасом «Рутка». Паром «Иосиф Сталин» был зарубежного производства. Его привезли из Англии еще в XIX веке. Паром «Переправа Вторая» был построен на Сормовском заводе. Паромы и ледокол должны были работать на жидком топливе, и в среднем расход в сутки должен был составить 4,8 тонны. Потребность в топливе на 4,5 месяца зимы определялась 243 тоннами мазута. По тем временам это был большой расход топлива, тем более, что основные его запасы отправлялись на фронт. Глубина под причалами должна была поддерживаться на отметке 9 м, так как осадка у ледоколов и парома составляла 5,5 метра [15]. Вместимость паромов насчитывала 32 вагона каждый в двухосном исчислении [9].

Подача вагонов с погрузочно-выгрузочной операцией осуществлялась следующим образом: паром причаливал к берегу и стыковался с железнодорожным путем так, чтобы паромные рельсы и рельсы железной дороги полностью стыковались. По этим рельсам на паром загонялся состав и паром отчаливал. Штат работников переправы в 1943 г. составил 376 человек [15].

Два парома круглосуточно перевозили в Заволжье до 600 вагонов с эвакуационными грузами и машинами, ранеными и эвакуированным гражданским населением. Всего за время существования паромной переправы с зимы 1941/42 гг. по 23 августа 1942 г. по ней перевезено в обоих направлениях 53 тысячи вагонов. Фашистская авиация совершила на переправу в июле-августе 1942 г. 150 налетов, однако она продолжала работать даже тогда, когда к Волге прорвались немецкие танки [6]. Таким образом, паромная переправа стала своеобразной

«дорогой жизни» для Сталинграда и заволжских районов.

К 16 часам 23 августа 1942 г. войска ударной группировки (16-я танковая дивизия фашистов) пересекли все Волго-Донское междуречье и вырвались к Волге близ северной окраины Сталинграда в районе поселков Латошинка, Рынок, Спартановка, создав угрозу тракторному заводу и водной железнодорожной переправе, которая поддерживала связь между заволжскими путями сообщения и правым берегом реки.

В тот момент, когда суда были обстреляны из минометов и погиб крановщик Копылов, начальник переправы И. Г. Фетисов отдал распоряжение, погрузив имевшиеся на станции Причальная вагоны и эвакуированное население, отойти к левому берегу. Однако наступление немцев не повлияло на работу паромов. В ночь на 24 августа команда парома «Сталин» во главе с капитаном Н. Я. Самойловым и начальником переправы успешно осуществила беспрецедентную операцию по вывозке вагонов с материальными ценностями с уже контролировавшейся противником станции Причальная [10].

Теперь перед моряками стояла задача спасти плавсредства. Иначе они были бы затоплены немцами или, что более неприятно, использовались бы для перевозки немецких танков на другой берег с целью окружения Сталинграда. Оба парома и катер «Рутка» встали на якоря и замаскировались в Шадринском затоне в районе села Погромное. Но несмотря на меры строгой маскировки, место стоянки паромов в затоне стало быстро известно противнику, что подтверждалось ежедневной воздушной разведкой, непрерывным артиллерийским обстрелом и минированием волжского фарватера.

Командование 27-й железнодорожной бригады в донесении в штаб Сталинградского фронта от 11 сентября 1942 г. рассматривало возможность спасти переправу путем вывода ее на север в безопасное неизвестное противнику место новой стоянки. Но этот вариант спасения судов был отвергнут [12].

Заместитель командующего Юго-Восточным фронтом по тылу генерал-майор Н. П. Анисимов приказал 16 сентября 1942 г. законсервировать оба парома путем открытия кингстонов на месте стоянки с расчетом опрокидывания судов на борт в сторону наибольшей глубины акватории (предварительно сняв с судов механизмы и точные приборы). Это было ре-

шено сделать для того, чтобы сохранить паромы, но в то же время не отдать их немецкой армии. Поэтому с целью обмана противника была создана видимость гибели судов. Чтобы выдать это за настоящий подрыв, ее устроили во время очередного немецкого огневого налета [12].

17 сентября 1942 г. в 13 часов немецкая артиллерия при корректировке с воздуха начала обстрел судов железнодорожной переправы [12]. За полчаса было выпущено около сотни снарядов. Пароходы «Сталин» и «Переправа Вторая» получили по 10–12 прямых попаданий фугасных и зажигательных снарядов. Однако не это послужило причиной их возгорания. Судна были подожжены снаружи и внутри, загорелись машинное отделение, каюты, нефть.

Красноармейцы 22-й отдельной эксплуатационной роты (ОЭР) 27-й железнодорожной бригады Родштейн и Захаров выносили раненых и имущество с горящих судов до тех пор, пока не стали рушиться палубы [13]. Механики Горбачев и Шишенок по приказанию начальника службы ограждения 27-й бригады капитана Фролова в 14 часов открыли кингстоны. Чтобы дезориентировать противника и создать видимость гибели судов в процессе погружения, начальник переправы И. Г. Фетисов приказал развесить на металлических ограждениях паромов старые канаты и зажечь их, что создало завесу дыма. Паром «Переправа Вторая» затонул только правым бортом, так как стоял на мели [12]. Таким образом, разыграв гибель паромов, русские войска не дали немцам завладеть переправой и перебросить подкрепление через Волгу. Однако история паромов на этом не закончилась.

2 декабря 1942 г. военный совет Сталинградского фронта отдал приказ по тылу за № 052 об организации операции по подъёмке затопленных 17 сентября железнодорожных паромов в срок с 25 ноября по 25 декабря [4]. Срок проведения работ диктовался тем, что 24 ноября войска Донского фронта, соединившись в районе Спартановки с группой полковника С. Ф. Горохова Сталинградского фронта, освободили район переправы от противника, обстреливавшего фарватер Волги. Кроме того, начальник переправы И. Г. Фетисов в докладной секретарю обкома И. В. Сидорову от 13 ноября настаивал на проведении подъема паромов зимой, так как Шадринский затон весной превращался в рукав Волги с большими скоростя-

ми течения воды, что грозило замыванием затопленных судов песком и илом, усложняло подъем и введение паромов в строй [19].

Судоподъем кораблей из-под льда осуществляли водолазы аварийно-спасательной группы подводно-технических работ под командованием старшего лейтенанта Ф. Г. Зелинского. Трудиться судоподъемным командам пришлось в условиях острой нехватки тяговых механических и моторизованных средств (один деревянный плавкран грузоподъемностью 5 т и две ручных водолазных станции без телефонов на группу). Однако это не остановило судоподъема. Умельцы-водолазы создавали механизмы собственной конструкции. 13 декабря 1942 г. паром «Сталин» был поставлен на плав [7].

Паром «Переправа Вторая» после зимнего спада воды оказался на берегу Шадринского затона. Чтобы стащить его на воду, на противоположном берегу установили лебедки и с их помощью стали стаскивать паром. Так как движению мешал ледяной панцирь, то его пришлось колоть ломом, самодельными воротами оттягивать куски от берега. В таких неблагоприятных условиях уже 22 декабря оба судна были подняты, а 26 декабря паром «Переправа Вторая» был поставлен на воду [20].

Ремонт железнодорожных паромов приобрел затяжной характер. О готовности паромов к эксплуатации начальник переправы И. Г. Фетисов доложил секретарю обкома А. И. Старцеву только 11 апреля 1943 г. 24 апреля завершилась очистка русла Волги от мин, проведенная тральщиками Волжской военной флотилии, и в этот же день первый поезд был перевезен на правый берег [21].

Сталинградская паромная железнодорожная переправа исправно работала еще и в послевоенное время, вплоть до 1960-х годов, когда была построена Волжская ГЭС. На этих паромах доставлялись вагоны с продовольствием, оборудованием и стройматериалами для строительства гидроэлектростанции и молодого спутника Сталинграда – города Волжский. Однако после строительства ГЭС о судьбе паромов и ледокола никто не позаботился. Они были сняты с эксплуатации, распилены на металлолом и проданы за небольшую цену.

Также уже не осталось моряков, работавших на этих паромах. Словом, некогда спасавшая людей дорога жизни за ненадобностью канула в лету после строительства моста через Волгу. Хотя эту паромную переправу можно

считать памятником эпохи Великой Отечественной войны, о ее существовании сегодня свидетельствуют только архивы и музеи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волгоградский государственный музей-панорама «Сталинградская битва» (ВГМП), П. 655, № 3618 н/вф, Л. 2. Воспоминания Ключника И.Д.
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО), Ф. 2115, Оп. 3, Д. 21, Л. 31.
3. ГАВО, Ф. 3296, Оп.1, Д. 11.
4. ГАВО, Ф. 4011, Оп. 1, Д. 1, Л. 4.
5. Железнодорожники в Великой Отечественной войне. – М.: 1985. – С. 161–162.
6. Железнодорожные войска России. – М., 2002. – Т. 3. – С. 90.
7. Козлов, В. Аварийно-судоподъемная служба на Волге (1942–1945 гг.) / В. Козлов, И. Данилин // Военно-исторический журнал. – 1978. – № 12.
8. Опалев, М. Н. Линия Царицын – Владимировка – первое железнодорожное строительство Советской России / М. Н. Опалев, Н. А. Болотов // Традиции патриотизма в культуре и истории России: материалы научно-практич. конф. 2003–2005 гг. – Волгоград, 2005. – С. 197–201.
9. Павловский, И. Г. Перегон длиной в сто лет / И. Г. Павловский. – Саратов, 1970. – С. 83–84.
10. Плехов, И. И. В огне сталинградских переправ / И. И. Плехов, С. П. Хватов, Г. И. Захаров. – Волгоград, 1996. – С. 74–76.
11. Сталинградский городской комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. – Волгоград, 2003. – С. 244, 277–278, 351.
12. Центральный архив Министерства Обороны РФ (ЦАМО), Ф. 27 ождбр, Оп. 14246сс, Д. 6, Л. 337, 363–365.
13. ЦАМО Ф. 27 ождбр, Оп. 40041, Д. 44, Л. 220 об.
14. ЦАМО, Ф. 47 ждбр, Оп. 40067, Д. 7, Л. 6.
15. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО), Ф.71, Оп. 2, Д. 129, Л. 3–4, 9 об.
16. ЦДНИВО, Ф. 71, Оп. 4, Д. 78, Л. 82–83.
17. ЦДНИВО, Ф. 113, Оп. 11, Д. 23, Л. 31.
18. ЦДНИВО, Ф.113, Оп. 12, Д.7, Л. 282–283.
19. ЦДНИВО, Ф. 113, Оп. 12, Д. 127, Л. 12.
20. ЦДНИВО, Ф. 113, Оп. 14, Д. 162, Л. 2.
21. ЦДНИВО, Ф. 113, Оп. 14, Д. 168, Л. 137–137 об.
22. Чуянов, А. С. На стремнине века / А. С. Чуянов. – М., 1976. – С. 77.
23. Шилин, Н. К. На главном ходу. Волгоградские железнодорожники / Н. К. Шилин. – Волгоград, 1993. – С. 118.

ББК-ТЗ(2)52-42

С. Е. Прошечкин

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. (на материалах Саратовской и Самарской губерний)

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: Seper53@mail.ru

В статье, на основе еще не вводившихся в научный оборот архивных данных, рассматривается влияние пропагандистской деятельности социалистических партий на организацию антиправительственных выступлений земледельческих рабочих в Поволжье на рубеже XIX–XX вв. Показываются формы, методы и особенности движения сельскохозяйственного пролетариата, рост его классового самосознания.

Ключевые слова: агитация, губерния, заработок, пропаганда, сельскохозяйственные рабочие, стачки, эсеры, уезд.

S. E. Proshechkin

THE MAIN FORMS OF THE VOLGA TERRITORY AGRICULTURAL PROLETARIAT CLASS STRUGGLE ON THE TURN OF XIX-XX CENTURIES (BASED ON THE MATERIAL OF SARATOV AND SAMARA PROVINCES)

Volgograd State Technical University

The article is devoted to archive not analyzed data dealing with influence of the socialist parties propaganda on the organization of the anti-government activity of the Volga territory agricultural workers on the turn of the XIX-XX centuries. Forms, methods and peculiarities of the agricultural proletariat movement and its class consciousness rise are discussed.

Keywords: agitation, propaganda, province, wages, agricultural workers, strikes, SR (social revolutionaries), uyezd (district).

Вопрос о росте классового самосознания сельскохозяйственного пролетариата Поволжья на рубеже XIX–XX вв. тесно связан с пропагандистской деятельностью социалистических

групп в деревне. Саратовская и Самарская губернии издавна являлись важными очагами народнической пропаганды, а в рассматриваемый период Саратов становится одним из центров

партии эсеров. Ведут пропаганду здесь и социал-демократы, в большей степени все же ориентированные на деятельность среди городских рабочих. До революции 1905–1907 гг. у РСДРП отсутствовало представление, из-за чего и как должна была развернуться борьба в деревне. Не было ясно, с какими требованиями выступит беднейшее крестьянство, превалируют у него пролетарские или мелкособственнические черты, способно ли оно выступить с общекрестьянским требованием земли, став в таком случае левым крылом буржуазной демократии, на что очень рассчитывал В. И. Ленин. Да и сил тогда у социал-демократов для организации полномасштабной работы в деревне, по сравнению с эсерами, было недостаточно. Архивные данные свидетельствуют, что полномасштабная целенаправленная работа среди сельского населения велась неонародниками в этот период в большинстве уездов Самарской и особенно Саратовской губерний [1; Ф. 124. Оп.6. Д.289. Л. 17–20; Оп.3. Д.163. Л.10–11; Ф. 1263. Оп.2. Д.5552. Л.199.]

Большую часть сельскохозяйственных рабочих России в этот период составляли сезонные и поденные рабочие, перемещавшиеся в течение непродолжительного времени в пределах достаточно обширной территории – уезда, губернии или даже региона, что затрудняло, а в некоторых случаях делало почти невозможной систематическую, целенаправленную работу среди них.

К началу XX в. не только сельскохозяйственные рабочие, но и значительная часть промышленных рабочих еще не порвали полностью связей с землей, и им близки были общекрестьянские интересы. Большое влияние на рост политического сознания сельскохозяйственных рабочих и крестьян оказали выступления городского пролетариата в Самаре, Саратове и Царицыне, а также движение деревенской бедноты в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. Особенно активно эсеровская пропаганда в эти годы велась в Аткарском, Балашовском, Петровском и Саратовском уездах Саратовской губернии и Новоузенском и Николаевском уездах Самарской губернии.[1; Ф.124.Оп.8. Д. 427. Л.14–16]. В селе Шепелевке Балашовского уезда Саратовской губернии в 1903 г. действовал кружок, в состав которого входили местные крестьяне и батраки. В рапорте от 23 сентября 1903 г. на имя министра юстиции прокурор Саратовской судебной палаты,

касаясь деятельности этого кружка, отмечал, что крестьяне «устраивают тайные сборища и читают на них книжки, согласно которым «государство наше надо разрушить. Государя нам не надо, а для управления будем избирать из своей среды, как старшин, по очереди; землю же надо у помещиков отобрать и делить между собой, а их жечь ...Волков (один из руководителей кружка. – С. П.) неоднократно высказывал эти мысли работавшим у Борисовых (местные землевладельцы. – С. П.) крестьянам деревни Новой Родионовки ...» [1; Ф.124. Оп.43. 1905. Д.3004. Л.1].

В условиях начавшейся русско-японской войны усилилась революционная пропаганда среди сельского населения. В слободе Покровской Новоузенского уезда, являвшейся крупным рынком найма сельскохозяйственных рабочих, в ночь на 1 мая 1904 г. полицией было обнаружено 43 экземпляра прокламации РСДРП «Первое мая!» с призывом ко всему российскому пролетариату усилить борьбу против правительства [1; Ф. 102 ДП ОО. Оп.1904. Д. 54. Ч.17. Л. 43]. Пропаганда революционных партий приносила свои плоды, способствовала росту оппозиционных настроений среди аграрных рабочих: полицейский осведомитель сообщал уряднику Аткарского уезда о том, что 12 января 1904 г. вернувшийся вместе с женой с сельскохозяйственных заработков крестьянин деревни Б.Осиновки Кологриво-Слепцовской волости Иван Степанович Пронин «произносил ... оскорбления имени его Императорского Величества и всего правительства, говорил, что какой там черт помазанник Божий Государь, – будет республика, тогда будет лучше, а губернатора нужно повесить» [2; Ф.54. Оп.1. Д.113. Л.37,39].

Формы и методы борьбы сельскохозяйственного пролетариата непосредственно зависели от уровня развития капитализма в той или иной местности. Первостепенную роль при этом играло то, насколько рабочие сформировались как класс буржуазного общества, насколько оторвались от земли, собственного хозяйства. К началу XX в. процесс формирования пролетариата как класса был не завершен, рабочих связывали с крестьянством многочисленные нити, его нужды были близки сельским рабочим. Сильное влияние крестьянской идеологии у аграрных рабочих проявилось, например, в том, что они, подобно крестьянам, надевшимся на утопические проекты передачи им

помещицкой земли «сверху», верили слухам о готовящемся законе о повышении заработной платы и сокращении продолжительности рабочего дня. В Балашовском уезде в 1880-е гг. среди сельскохозяйственных рабочих получили распространение слухи о вышедшем указе, запрещающем наниматься на сельскохозяйственные работы «дешевле 25 руб. за десятину, а изъявившим согласие работать по обычной цене угрожали насилием» [3, с. 33].

С конца XIX в. и до начала первой русской революции выступления аграрных рабочих в Поволжье носили стихийный характер, отличались преобладанием пассивных форм борьбы. Обычными средствами за улучшение своего положения являлись уход с работы или угрозы перейти к другому хозяину. В отдельные, особенно урожайные годы, когда испытывался недостаток рабочих рук, такие действия являлись весьма эффективными: предприниматели, под угрозой потери урожая, нередко вынуждены были идти на уступки.

Борьба сельскохозяйственных рабочих против предпринимателей начиналась с момента первого соприкосновения противоположных классов уже на местах найма и выражалась в стремлении рабочих наняться на как можно более приемлемых условиях, что далеко не всегда удавалось. Рабочие в период наиболее интенсивного ведения полевых работ (сенокос, жатва), в условиях постоянного колебания цен на рабочие руки, не желали связывать себя долговременными договорными обязательствами. Один из предпринимателей в Новоузенском уезде Самарской губернии отмечал: «Проработает артель 2–3 дня, а после прибавки требует, грозит уходом – ну и прибавляешь» [4, с. 21].

В Поволжье издавна существовала артельная форма организации рабочего люда при найме на работы, которая прижилась и среди сельского пролетариата, организовывавшегося в артели еще по пути к местам найма, или даже в районах выхода. Главная цель таких артелей состояла во взаимной поддержке их членов в борьбе за более выгодные условия продажи своей рабочей силы. Как правило, нарушение прав членов артели – плохая пища, непосильная работа, недобросовестный расчет за выполненную работу вызывали совместный протест артельщиков.

К первоначальным формам борьбы относятся поджоги, умышленная порча инвентаря и скота предпринимателей. Сельскохозяйствен-

ные машины значительно сокращали потребность хозяйств в рабочей силе и резко снижали заработную плату. В силу этого, по примеру промышленного пролетариата, сельскохозяйственные рабочие один из первых ударов нанесли «по имуществу врага – сельскохозяйственным машинам» [5, с. 20].

Выступления против сельскохозяйственных машин были нередким явлением в рассматриваемом районе [6; 11, с. 19]. Конечно, такие действия свидетельствовали о недостаточном политическом сознании, проявлении скорее отчаяния и мести и не могли улучшить положение рабочих. Но уже в первые пореформенные годы сельские рабочие пользовались типично пролетарскими методами борьбы – забастовками и стачками. Стачки в руках сельских рабочих явились действенным оружием, так как нередко от остановки работы, промышленность несет меньшие убытки, чем сельское хозяйство, где на карту поставлена судьба урожая.

В первых дошедших до нас сведениях о выступлениях сельскохозяйственных рабочих встречается упоминание о стачках в Петровском уезде Саратовской губернии в 1880-х гг. [7; 11, с. 145]. Только летом 1884 г. в губернии состоялось не менее пяти сельскохозяйственных забастовок [8, с. 9]. В 1886 г. мощная стачка пришлых сельскохозяйственных рабочих прошла на рынке найма в с. Александров Гай Новоузенского уезда Самарской губернии [9, с. 312]. Вообще в 80–90-е гг. XIX в. в заволжских Николаевском и Новоузенском уездах Самарской губернии неоднократно проходили сельскохозяйственные стачки на местах найма, наиболее крупными из которых были в Перелюбе, Семёновке, Таловом [10, с. 107].

В 1890-е гг. прошло несколько выступлений аграрных рабочих в Саратовской губернии. В 1891–1892 гг. в результате падения заработной платы волнения рабочих состоялись в имениях княгини Гагариной, князя Прозоровского, помещицы Орловой [2; Ф.421. Оп.1. Д.2989. Л.228].

В 1896 г. в с. Аркадак, являвшемся крупным рынком найма сельскохозяйственных рабочих не только Балашовского уезда, но и региона в целом, во время производства расчета за выполненные работы произошло столкновение рабочих с предпринимателями, закончившееся избиением помещика Поленова, вынужденного впоследствии вообще ликвидировать хо-

зайство и покинуть губернию [2; Ф.53. Оп.1. Д.112. Л.13].

В 1898 г. рабочими был осуществлен бойкот расположенной в Вольском уезде Черкасской экономии князя Уварова, администрация которой после этого вынуждена была привлекать для полевых работ солдат из Саратова [2; Ф.55. оп.1. Д.59. Л.6].

Все эти выступления отличались упорством и решимостью добиться улучшения своего положения.

Одним из наиболее крупных выступлений сельскохозяйственного пролетариата в рассматриваемый период не только в Саратовской губернии, но и в России вообще явилась забастовка в имении Котельниковой при с. Алексеевке Балашовского уезда в конце июля 1900 г., в которой приняло участие более 500 человек. Одиннадцать наиболее активных участников забастовки впоследствии были арестованы [1; Ф.102 ДП-3, Оп. 1900. Д.1.Ч.33. Лит.В. Л.32].

Власти были обеспокоены ростом противоправных выступлений среди аграрных рабочих. Начальник Саратовского губернского жандармского управления в рапорте в департамент полиции, датированном 1900 г., отмечает, что за последние пять-шесть лет в Саратовской губернии произошло немало волнений рабочих и крестьян, направленных против землевладельцев. «Общей чертой всех этих беспорядков является наглая дерзость крестьян, сознающих свою грубую массовую силу при абсолютной слабости и беззащитности земельных собственников в момент возникновения беспорядков» [1; Ф.102 ДП-3. Оп.1900. Д.1. Ч.33. Лит. В. Л.32].

Необходимо заметить, что подобных выступлений сельскохозяйственного пролетариата на рубеже XIX–XX вв. было немного, но они оказывали огромное влияние на рабочих и крестьян, способствуя их организации и сплочению, распространению в деревне пролетарских форм борьбы.

Встревоженное усилением борьбы сельскохозяйственных рабочих правительство 18 июля 1898 г. направило земским начальникам и уездным исправникам ряда южных и юго-восточных губерний страны секретный циркуляр с предписанием: «...усилить наблюдение на ярмарках, базарах и вообще всякого рода местах скопления крестьянского и рабочего люда..., внимательно следить за отношением крестьян к владельцам и арендаторам и своевре-

менно принимать меры к устранению поводов к недоразумениям и столкновениям в тех местностях, где по особенностям экономических условий такие недоразумения могут возникнуть» [11; Ф.3. Оп.233. Д.1760. Л.11].

Большое влияние на борьбу сельскохозяйственного пролетариата Поволжья оказывали выступления земледельческих рабочих и крестьян других районов России, особенно крестьянское движение в Харьковской и Полтавской губерниях в 1902 г., под воздействием которого весной-осенью этого года в деревнях Саратовской и Самарской губерний развернулось мощное движение деревенской бедноты. Петровский уездный исправник отмечал в рапорте на имя саратовского губернатора, что после волнений 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях крестьяне стали более активными, «употребляют много слов, совсем крестьянину не присущих, соединяясь группами, они выписывают «Самарскую газету», «Сельский Вестник», «Журнал для всех», «Мир божий» и прочие» [2; Ф.1. Оп.1, Д.6412. Л.20–21]. Далее в этом же документе отмечается, что на ярмарках, проводимых в Петровском уезде, ежегодно ... участились столкновения при найме на сельские работы как между рабочими, так и между рабочими и нанимателями. Ввиду этого он обратился к губернатору с просьбой оставить в Петровске до окончания полевых работ роту солдат специально для предотвращения беспорядков сельскохозяйственных рабочих [2; Ф.1. Оп.1. Д.6412. Л.46, 62].

Использование войск для предотвращения или подавления волнений земледельческих рабочих в 1902 г. происходило также в Аткарском, Балашовском и Сердобском уездах Саратовской губернии [12; Ф.400. Оп.3. Д.2472. Л.106; 13; Ф.1263. Оп.2. Д.5714. Л.180].

Обеспокоенный размахом революционного движения в 1902 г. саратовский губернатор обратился в министерство внутренних дел с просьбой перед началом полевых работ в 1903 г. «...расквартировать в Саратовской губернии две сотни строевых казаков по линии Саратов, Аткарск, Балашов, Сердобск отрядами по 50 человек в каждом пункте» [12; Ф.400. Оп.3. Д.1324. Л.7].

В мае 1903 г. правительство издало закон об учреждении в 46 губерниях страны полицейской стражи в помощь сельской полиции для борьбы с революционным движением. К одной из первых закон был применен к Сара-

товской губернии, которая еще в 1902 г. была объявлена на положении усиленной охраны.

Опасения властей оказались не напрасны. Революционная активность земледельческих рабочих и крестьян в 1903 г. продолжала оставаться на высоком уровне. 17 мая 1903 г. в имении князя Волконского при с. Апраксине Сердобского уезда произошло столкновение рабочих, недовольных ростом эксплуатации, с администрацией экономии. Были случаи выступлений против сельскохозяйственных машин и орудий [1; Ф.102 ДП-3, 1903 г. Д.1.Ч.74. Л.3,7].

При организации стачек на рынках найма, рабочие обычно выбирали уполномоченных, строго следивших за соблюдением ее условий и не позволявших землевладельцам нанять работников на стороне. Во время стачки на рынке найма в с. Аркадак в августе 1903 г. попытки приказчиков экономий нанять рабочих на стороне и таким путем сорвать забастовку закончились избиением бастующими штрейкбрехеров и столкновением с местными властями, использовавшими значительные полицейские силы для подавления стачки.

В 1904 г. там же состоялась мощная стачка пришлых земледельческих рабочих, явившаяся самым крупным выступлением сельскохозяйственного пролетариата в Поволжье в предреволюционный период. 25 июля 3 тыс. собравшихся в с. Аркадак рабочих договорились не наниматься дешевле установленной ими платы. Забастовщики разогнали пытавшуюся им противодействовать полицию. После чего местные власти вызвали казаков, принявшихся избивать рабочих, оказавших ожесточенное сопротивление. Вооружившись камнями, кирпичами, оглоблями рабочие заставили казаков отступить, отбивая атаки в течение целого дня [14, с. 7].

Стачки представляли собой качественно новую форму борьбы в деревне, свидетельствующую о росте классового сознания сельскохозяйственного пролетариата. Стачка и бойкот требуют большой выдержки и продолжаются в течение определенного, иногда значительного, промежутка времени. Соотношение различных форм борьбы сельских рабочих Самарской и Саратовской губерний в предреволюционный период показывают материалы таблицы.

Соотношение различных форм борьбы сельских рабочих Самарской и Саратовской губерний в предреволюционный период

Годы	Забастовки в хозяйствах предпринимателей	Стачки перед наймом на рынках труда	Выступления против машин	Отказ от работ, бойкот	Волнения, столкновения с хозяевами	Всего
1884–1890	5	5	4	1	2	17
1891–1895	5	3	3	6	4	21
1896–1900	8	3	4	6	9	30
1901–1904	8	7	5	8	11	39
Всего	26	18	16	21	26	107

Источник: Составлено автором по данным: ГАРФ. Ф. 102 ДП-3. Оп.98. Д.1. Л.32; Оп. 1903. Д.1, Л.3; Оп.1901, Д.1. Л.37; РГВИА. Ф. 400. Оп.3. Д.2472. Л.106; ГАСО. Ф.1. Оп.2. Д.6412. Л.2, 5, 20-21, 46, 62; Д.6472. Л.49; Ф.53. Оп.1. Д.112. Л.2-3, 9-13, 21.

Эти данные свидетельствуют, что уже на рубеже XIX–XX вв. движение сельскохозяйственных рабочих в Поволжье получило значительный размах. Наиболее организованные и действенные формы борьбы забастовки и стачки перед наймом составляли 41,1 % от общего количества выступлений, 24,3 % выступлений носили характер волнений или столкновений с предпринимателями. На остальные формы борьбы приходилось 34,6 %.

В целом движение сельских рабочих было развито еще недостаточно. Лишь в редких случаях, сталкиваясь с открытым произволом со стороны предпринимателей, они проявляли от-

крытое недовольство, приводившее к открытому столкновению с властями. Большинство аграрных рабочих еще не понимали причин своего тяжелого положения, видели своих врагов в машинах или в рабочих – выходцев из других районов, что нередко приводило к столкновениям между ними. Сельскохозяйственный пролетариат был еще молод, распылен по отдельным экономиям и хозяйствам, малоорганизован и находился под влиянием крестьянской идеологии. Социалистические партии не видели в движении земледельческих рабочих самостоятельной силы и рассматривали их как часть крестьянства. Специальной программы дейст-

вий среди сельскохозяйственного пролетариата не имели ни эсеры, ни социал-демократы. В тоже время отчетливо прослеживается тенденция к росту числа волнений, стачек и забастовок. И уже в годы первой русской революции движение сельскохозяйственных рабочих поднимется на новый уровень, примет широкий размах и станет важной составляющей общедемократической борьбы в деревне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 124: Министерство юстиции, Ф. 102: Департамент полиции особый отдел, Ф. 102: Департамент полиции 3-й отдел.
2. Государственный архив Саратовской области. Ф.1: Канцелярия Саратовского губернатора, Ф. 53: Саратовское губернское жандармское управление, Ф.54: Помощник начальника Саратовского губернского управления в Саратовском и Аткарском уездах, Ф. 55: Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Вольском, Хвалынском и Кузнецком уездах, Ф.421: Саратовский губернский статистический комитет Министерства внутренних дел.
3. Варб, Е. Ф. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и законодательстве. Общественно-юридические очерки / Е. Ф. Варб. – М.: Книжное дело, 1899. – 234 с.

4. Полферов, Я. Я. Сельскохозяйственные рабочие руки. Статистико-экономический очерк / Я. Я. Полферов. – СПб.: Вестник финансов, 1913. – 53 с.
5. Клейнборт, Л. М. Сельскохозяйственный рабочий в России / Л. М. Клейнборт. – Пг.: Муравей, 1917. – 32 с.
6. Революционная Россия // Центральный орган партии социалистов-революционеров. – Женева, 1902. – 11 с.
7. Северный Вестник. – СПб., 1888. – 11 с.
8. Кривский, П. А. К рабочему вопросу: Возражения П. А. Кривского на заметку Д. К. Глинки. – Изд-во Каткова, 1886. – 25 с.
9. Шаховской, Н. В. Земледельческий отход крестьян / Н. В. Шаховской. – СПб.: типография В. Ф. Киршбаума, 1903. – 464 с.
10. Шаховской, Н. В. Сельскохозяйственные отхожие промыслы / Н. В. Шаховской. – М.: типография И. Д. Сытина, 1896. – 254 с.
11. Государственный архив Самарской области. Ф.3: Канцелярия Самарского губернатора.
12. Российский Государственный Военно-Исторический архив. Ф. 400: Главный штаб.
13. Российский Государственный Исторический архив. Ф.1263: Комитет министров.
14. Отчет о деятельности лечебно-продовольственного пункта в с. Аркадаке Балашовского у. летом 1904 г. заведующих пунктом М. В. Ивановой и Л. А. Катаевой // Лечебно-продовольственные пункты на рынках найма сельскохозяйственных рабочих в Саратовской губернии. – Саратов: Саратовская губернская земская управа, 1904. – С. 1–24 с.

УДК 316. 354: 351/354
ББК С 55. 37

В. В. Токарев*, Н. В. Дулина**

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО МОНИТОРИНГА В ГОРОДЕ

*Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик»

**Волгоградский государственный технический университет

E-mail: chief@socio-research.ru, dulina@vstu.ru

В статье описывается опыт проведения мониторингового исследования «Волгоградский омнибус», приводятся конкретные данные, характеризующие социальное самочувствие горожан.

Ключевые слова: социальный мониторинг, социальное самочувствие, социальная политика, общественное мнение.

V. V. Tokarev*, N. V. Dulina**

EXPERIENCE OF SOCIAL MONITORING IN THE CITY

*Center of sociological and marketing research «Analytic»

**Volgograd State Technical University

The article is devoted to the analysis of the findings of the sociological research «Volgograd Omnibus», which characterize the social well-being of citizens.

Keywords: social monitoring, social well-being, social policy, public opinion.

Мировой экономический кризис, достигший территории России осенью 2008 года и о возможности второй волны которого все чаще напоминают исследователи, лишней раз заставил задуматься о необходимости эффективного и грамотного управления. Принятие грамотных управленческих решений требует от властей

поиска научно обоснованных подходов, позволяющих, кроме всего прочего, при минимуме затрат получать оперативную и достаточно полную информацию о динамике изменений в управляемом объекте и, что очень важно, соответствующим образом реагировать на эти изменения. В качестве источника такой опера-

тивной информации могут рассматриваться мониторинговые социологические исследования, одним из которых является проект под названием «Волгоградский Омнибус».

«Волгоградский Омнибус» – синдикативный исследовательский проект, который проводится Центром социологических и маркетинговых исследований (ЦСМИ) «Аналитик», начиная с 2004 года. Проект сочетает в себе черты прикладного социологического и маркетингового исследования. Термином «омнибус» в прикладной социологии и маркетинге определяется регулярно проводящиеся инициативные исследования, которые включают в себя блоки вопросов, направленных на изучение самых различных областей жизни людей – исследования массовых рынков, политических и потребительских предпочтений, социальных проблем и т. д.

Понятно, что с 2004 года до настоящего времени методика «Волгоградского Омнибуса» претерпела определенные изменения. Но, наиболее важные моменты следующие: начиная с 2007 г., в течение календарного года проводится восемь волн проекта «Волгоградский Омнибус». Такая периодичность, с одной стороны, обеспечивает возможность анализа динамики поведения жителей региона (в том числе проводить анализ проявления сезонности в закономерностях поведения), а с другой стороны, дает достаточно времени для донесения до потребителя результатов каждой из волн исследования (по итогам проведения очередной волны издается бюллетень социологических сообщений «Вестник Волгограда»). С начала 2009 года в инструментарий исследования был введен блок вопросов, связанных с оценкой деятельности органов власти, а как следствие, были расширены ворота выборки – в настоящее время в качестве объекта исследования рассматривается население Волгограда в возрасте 16 лет и старше. Расширение объекта исследования повлекло за собой изменение объема выборки – с января 2009 года минимальный объем выборки проекта «Волгоградский Омнибус» для Волгограда составляет 450 респондентов. В бланке интервью «Волгоградского Омнибуса» есть обязательные вопросы (вопросы социального самочувствия населения, отношения к власти городского и регионального уровня, социально-демографические вопросы и др.) и блоки вопросов, которые меняются от волны к волне.

Представленная методика является компромиссом между точностью результатов и се-

бестоимостью проведения исследования и позволяет изучать поведение населения с достаточной степенью точности.

Понятно, что при такой достаточно длительной истории проекта уже накоплена обширная база данных, и в рамках одной статьи невозможно представить не только все данные, но даже данные, полученные в ходе одной волны проекта. Проиллюстрируем возможности мониторингового социологического исследования, например, таким общим показателем как социальное самочувствие населения, поскольку именно этот показатель является интегральным выражением материального благосостояния населения и его изменения, уровня социально-психологической напряженности, отношения населения к власти и т. д.

В рамках данной статьи анализируются данные, полученные в ходе последней выполненной волны проекта (10/05), полевой этап которой проходил с 24 мая по 11 июня 2010 года. Объектом исследования, как уже было отмечено выше, являются жители Волгограда в возрасте 16 лет и старше. Однако, начиная с апреля 2010 года, выборка исследования была расширена за счет проведения опроса в Волжском и Камышине. Общее число жителей Волгограда, Волжского и Камышина составляет около 1415 тыс. человек (около 54,5 % от населения области), в том числе около 1222 тыс. человек в возрасте 16 лет и старше. Именно эти люди и стали объектом последней волны исследования.

Общий объем выборки составил 753 интервью: 451 интервью в Волгограде, 202 интервью в Волжском и 100 интервью в Камышине. Максимальная статистическая погрешность выборки такого объема при уровне значимости 0,05 составляет 3,6 %. В качестве метода исследования был использован метод телефонного интервью.

Блок вопросов, посвященных оценке показателей социального самочувствия и потребительских настроений населения, традиционно включается в инструментарий проекта «Волгоградский Омнибус». Данные, полученные в ходе исследования, используются для расчета ряда частных индексов, которые агрегируются в интегральный показатель – индекс потребительских настроений населения.

Вариант индекса РИПН (региональный индекс потребительских настроений, вариант ИПН) разработан Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89» для

применения в межрегиональных исследованиях. Компоненты РИПН рассчитываются на основе результатов обработки ответов респондентов на шесть вопросов интервью, которые предлагаются респондентам в следующих формулировках:

С11. «Как Вы полагаете, нынешние условия жизни в нашей области лучше, хуже или примерно такие же, как и в целом по стране?»

С12. «Как Вы полагаете, Ваше нынешнее материальное положение (вашей семьи), лучше, хуже или примерно такое же, каким оно было год назад?»

С13. «Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?»

С14. «Как, по Вашему мнению, за это время изменится жизнь большинства россиян: улучшится, ухудшится или останется примерно такой же, как сейчас?»

С15. «Как Вы думаете, в ближайшие 5 лет материальное положение россиян в целом улучшится, ухудшится или останется прежним?»

С16. «Если говорить о крупных покупках для дома, таких как мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор, то, как Вы полагаете, сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы делать такие покупки?»

Общая логика расчета регионального индекса потребительских настроений сводится к следующему:

1. По каждому из вопросов, характеризующих различные аспекты жизни респондента и ожидания (вопросы С11–С16), рассчитываются распределения ответов респондентов (доли ответов, приходящихся на каждую из категорий представленной шкалы).

2. Каждое из полученных распределений используется для построения частного индекса, который рассчитывается следующим образом: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных (средние и несодержательные варианты ответов не учитываются) и к этой разнице прибавляется 100, чтобы исключить появление отрицательных величин.

3. Совокупный индекс рассчитывается как среднее арифметическое частных индексов. Значения индекса могут изменяться в пределах от 0 до 200. Индекс равен 200, когда все население положительно оценивает экономическую ситуацию. Индекс равен 100, когда доля положительных и отрицательных оценок одинакова.

Значения индекса ниже 100 означают преобладание в обществе негативных оценок.

Как правило, при анализе данных используются следующие частные индексы: индекс положения семьи (вопросы С12–С13), индекс межрегиональных сравнений (вопрос С11), индекс ожиданий (вопросы С13–С15), индекс покупательской активности (вопрос С16) и ряд иных показателей. Еще раз необходимо подчеркнуть общее правило интерпретации результатов: чем выше значения индекса, тем выше общая оценка ситуации. Если значения больше 100, то доля положительных оценок превышает долю отрицательных. Если индекс меньше 100, то относительное большинство опрошенных дали негативные оценки ситуации по тому или иному признаку.

В табл. 1 представлены результаты обработки ответов респондентов на вопросы, входящие в индекс РИПН, за период исследования (с полугодовым интервалом). На рис. 1–3 приведены диаграммы, иллюстрирующие динамику потребительских настроений жителей Волгограда в возрасте от 16 до 60 лет, которые позволяют оценить колебания индексов, входящих в РИПН, за весь период наблюдений (более трех лет). Полученные данные весьма наглядны и красноречивы, вряд ли нуждаются в развернутой интерпретации. Поэтому, основываясь на анализе данных, представленных в таблицах и на диаграммах, необходимо сделать некоторые выводы:

1. Диаграмма, приведенная на рис. 1, и табл. 2 позволяют увидеть, что в июне 2010 года общий индекс потребительских настроений волгоградцев впервые в этом году превысил 100 баллов. В последнем замере его величина составляет 102 балла, в апрельском замере – 92 балла, в февральском – 98 баллов. Последний раз превышающее 100 баллов значение индекса ИПН наблюдалось в декабре 2009 года, но тогда некоторый его подъем объяснялся традиционным предновогодним ростом показателей социального самочувствия.

2. По сравнению с прошлым замером весьма значительно (с 37 до 63 баллов) возрос индексный показатель, связанный с оценкой изменения положения семьи. Если в апреле 2010 года 46 % волгоградцев говорили о том, что материальное положение их семьи за последний год ухудшилось, то в мае-июне доля подобных ответов снизилась до 38 %. Доля тех, кто считает, что положение семьи улучшилось, напротив, возросла с 11 до 17 %.

3. Также несколько возросли (с 83 до 94 баллов) показатели краткосрочного социального оптимизма населения. Если в апреле 2010 года 26 % опрошенных считали, что жизнь основной части россиян в течение ближайшего года ухудшится, то в мае-июне доля подобных ответов сократилась до 19 %.

4. Более явными стали различия между городами исследования в оценке ситуации в нашем регионе (табл. 3). Если оценка ситуации жителями Волгограда по сравнению с прошлой

волной практически не изменилась (снижение индекса межрегиональных сравнений с 42 до 38 баллов является статистически незначимым), то ситуация в Волжском и Камышине изменилась весьма заметно. Так, в апрельской волне исследования 44 % волжан и 48 % жителей Камышина указали, что условия жизни в нашей области хуже, чем в целом по стране. В мае 2010 года доля подобных ответов заметно снизилась – до 29 % в Волжском и 31 % в Камышине.

Таблица 1

Распределения ответов респондентов на вопросы, связанные с оценкой социального самочувствия и потребительских настроений населения

Варианты ответов	Волна 706 (июнь 2007г.)	Волна 712 (декабрь 2007г.)	Волна 806 (июнь 2008г.)	Волна 812 (ноябрь-декабрь 2008г.)	Волна 906 (июнь 2009г.)	Волна 912 (ноябрь-декабрь 2009г.)	Волна 1005 (май-июнь 2010г.)
Как вы полагаете, ваше нынешнее материальное положение (вашей семьи), лучше, хуже или примерно такое же, каким оно было год назад?							
Материальное положение семьи хуже, чем было год назад	18 %	24 %	24 %	36 %	53 %	49 %	38 %
Материальное положение семьи такое же, как год назад	51 %	47 %	43 %	45 %	36 %	39 %	45 %
Материальное положение семьи лучше, чем год назад	31 %	30 %	33 %	19 %	11 %	12 %	17 %
Индекс оценки положения семьи	128	111	116	69	33	40	63
Как вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?							
Материальное положение за ближайший год ухудшится	8 %	16 %	9 %	29 %	19 %	13 %	12 %
Материальное положение за ближайший год не изменится	53 %	56 %	62 %	57 %	56 %	63 %	66 %
Материальное положение за ближайший год улучшится	39 %	29 %	29 %	14 %	26 %	24 %	22 %
Индекс краткосрочного индивидуального оптимизма	167	129	152	66	116	129	128
Как, по вашему мнению, за это время изменится жизнь большинства россиян: улучшится, ухудшится или останется примерно такой же, как сейчас?							
Жизнь большинства россиян за ближайший год ухудшится	8 %	14 %	13 %	45 %	29 %	24 %	19 %
Жизнь большинства россиян за ближайший год не изменится	55 %	55 %	56 %	42 %	45 %	58 %	65 %
Жизнь большинства россиян за ближайший год улучшится	38 %	31 %	31 %	12 %	25 %	18 %	17 %
Индекс краткосрочного социального оптимизма	166	136	139	43	93	86	94
Как вы думаете, в ближайшие 5 лет материальное положение россиян в целом улучшится, ухудшится или останется прежним?							
Жизнь большинства россиян за 5 лет ухудшится	6 %	11 %	9 %	20 %	15 %	11 %	13 %
Жизнь большинства россиян за 5 лет не изменится	46 %	47 %	49 %	53 %	41 %	49 %	58 %
Жизнь большинства россиян за 5 лет улучшится	49 %	42 %	42 %	27 %	45 %	40 %	28 %
Индекс долгосрочного социального оптимизма	179	158	165	116	150	157	136

Окончание табл. 1

Варианты ответов	Волна 706 (июнь 2007г.)	Волна 712 (декабрь 2007г.)	Волна 806 (июнь 2008г.)	Волна 812 (ноябрь-декабрь 2008г.)	Волна 906 (июнь 2009г.)	Волна 912 (ноябрь-декабрь 2009г.)	Волна 1005 (май-июнь 2010г.)
Как вы полагаете, нынешние условия жизни в нашей области лучше, хуже или примерно такие же, как и в целом по стране?							
Условия жизни в нашей области хуже, чем в целом по стране	35 %	33 %	33 %	39 %	32 %	41 %	41 %
Условия жизни в нашей области такие же, как в целом по стране	49 %	51 %	51 %	51 %	63 %	53 %	50 %
Условия жизни в нашей области лучше, чем в целом по стране	16 %	17 %	16 %	9 %	5 %	6 %	9 %
Индекс межрегиональных сравнений	63	67	67	39	28	28	34
Если говорить о крупных покупках для дома, таких как мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор, то, как вы полагаете, сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы делать такие покупки?							
Плохое время для совершения крупных покупок	9 %	9 %	15 %	30 %	48 %	29 %	32 %
Ни хорошее, ни плохое время для совершения крупных покупок	40 %	38 %	44 %	37 %	34 %	43 %	43 %
Хорошее время для совершения крупных покупок	51 %	54 %	41 %	34 %	18 %	28 %	25 %
Индекс покупательской активности	170	172	147	107	55	98	89

Таблица 2

Результаты расчета индексов социального самочувствия и потребительских настроений населения

Индексные показатели	Волна 706 (июнь 2007г.)	Волна 712 (декабрь 2007г.)	Волна 806 (июнь 2008г.)	Волна 812 (ноябрь-декабрь 2008г.)	Волна 906 (июнь 2009г.)	Волна 912 (ноябрь-декабрь 2009г.)	Волна 1005 (май-июнь 2010г.)
Индекс межрегиональных сравнений	63	67	67	39	28	28	34
Индекс положения семьи	147	120	134	68	74	84	95
Индекс ожиданий	171	141	152	75	120	124	119
Индекс покупательской активности	170	172	147	107	55	98	89
Оценка изменений положения семьи	128	111	116	69	33	40	63
Краткосрочный индивидуальный оптимизм	167	129	152	66	116	129	128
Краткосрочный социальный оптимизм	166	136	139	43	93	86	94
Долгосрочный социальный оптимизм	179	158	165	116	150	157	136
Индекс потребительских настроений	162	141	144	80	89	102	102

Нетрудно заметить, что доля тех, кто считает, что жить в нашей области лучше, чем в других регионах страны, увеличилась по сравнению с прошлой волной исследования – с 8 до 16 % в Волжском и с 10 до 20 % в Камышине.

Вполне возможно, что изменение отношения к условиям жизни в регионе вызвано информационной активностью, связанной с празднованием юбилея Победы в Великой Отечественной войне.

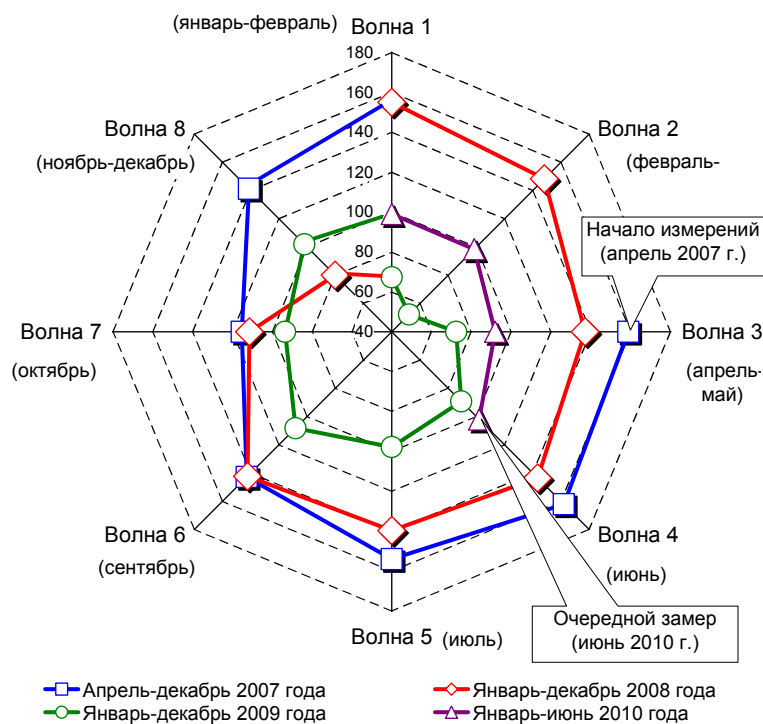
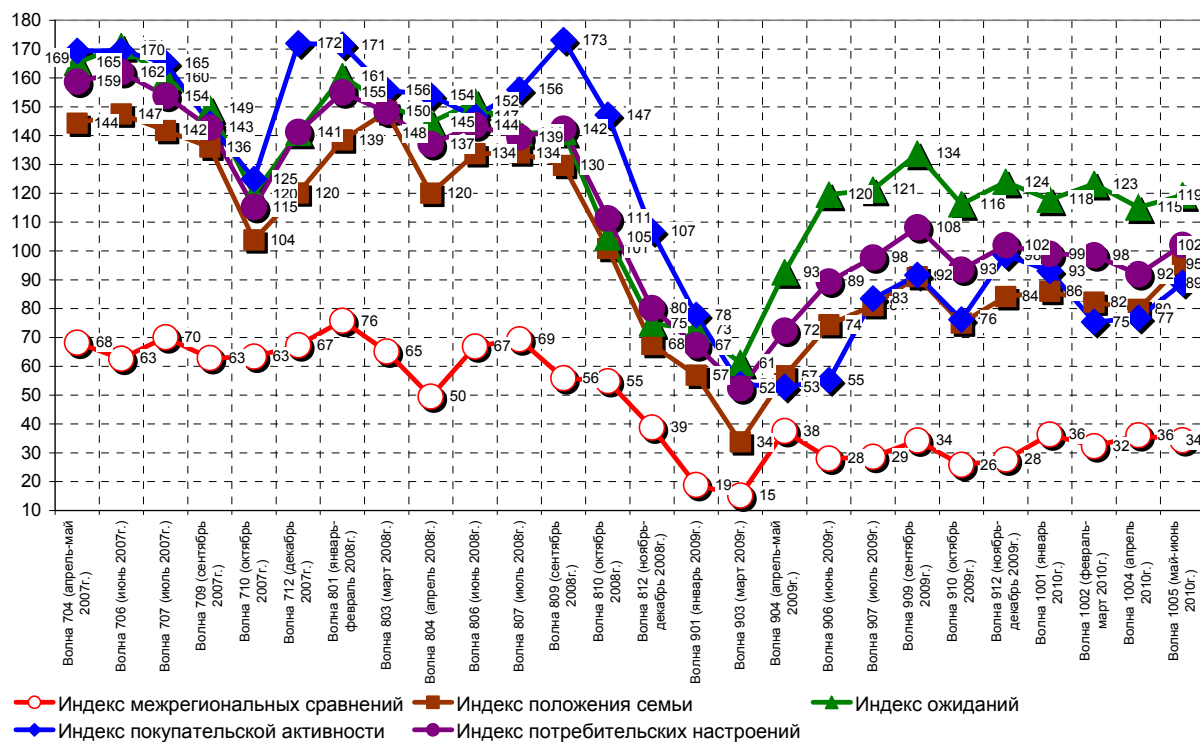

Рис. 1. Изменение показателя индекса потребительских настроений жителей Волгограда за период с апреля 2007 по июнь 2010 года

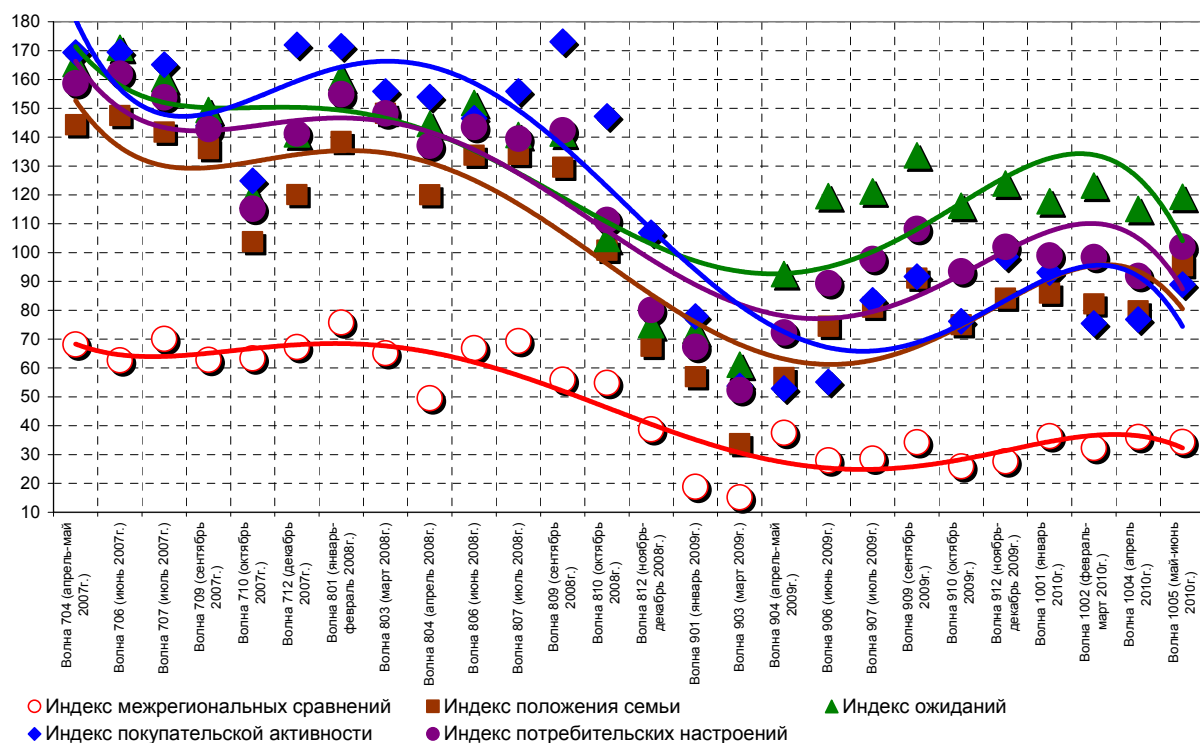
Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос об оценке условий жизни в нашем регионе

Как Вы полагаете, нынешние условия жизни в нашей области лучше, хуже или примерно такие же, как и в целом по стране?	Волна 1004 (апрель 2010г.)	Волна 1005 (май-июнь 2010г.)	Общий итог
Волгоград			
Условия жизни в нашей области хуже, чем в целом по стране	40 %	39 %	39 %
Условия жизни в нашей области такие же, как в целом по стране	50 %	52 %	51 %
Условия жизни в нашей области лучше, чем в целом по стране	10 %	9 %	10 %
Индекс межрегиональных сравнений	42	38	40
Волжский			
Условия жизни в нашей области хуже, чем в целом по стране	44 %	29 %	37 %
Условия жизни в нашей области такие же, как в целом по стране	48 %	54 %	51 %
Условия жизни в нашей области лучше, чем в целом по стране	8 %	16 %	12 %
Индекс межрегиональных сравнений	32	71	50
Камышин			
Условия жизни в нашей области хуже, чем в целом по стране	48 %	31 %	39 %
Условия жизни в нашей области такие же, как в целом по стране	42 %	50 %	46 %
Условия жизни в нашей области лучше, чем в целом по стране	10 %	20 %	15 %
Индекс межрегиональных сравнений	34	78	54

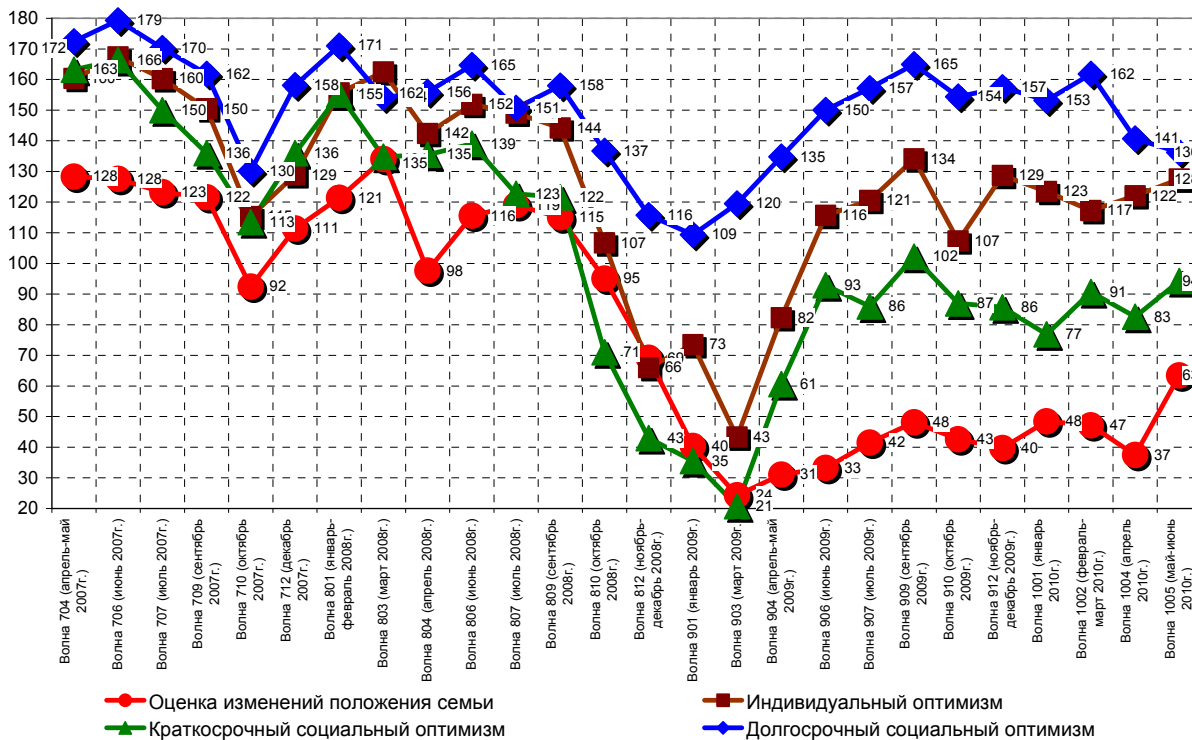

а

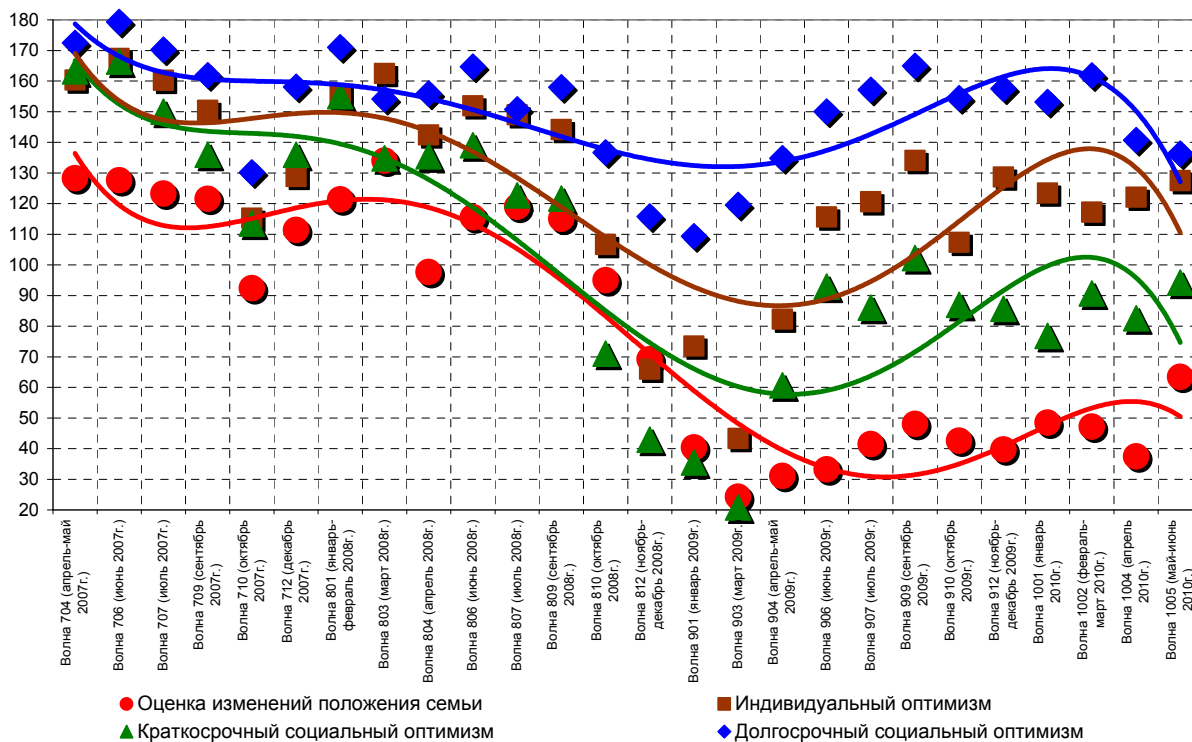

б

Рис. 2. Динамика показателей социального самочувствия жителей Волгограда (компонентов индекса РИПН): а – результаты расчета показателей социального самочувствия; б – тенденции изменения показателей социального самочувствия

а

б

Рис. 3. Динамика показателей индексов индивидуального и социального оптимизма жителей Волгограда:
а – результаты расчета индексов оптимизма; б – тенденции изменения индексов оптимизма

Следует напомнить, что социальное самочувствие как понятие в научной литературе определяется как объективно-субъективная ха-

рактеристика, которая отражает уровень удовлетворения социальных потребностей, а также собственного положения в сравнении с други-

ми индивидами и социальными группами. Основываясь на данных выполненного исследования, можно заключить, что уровень социального самочувствия в регионе свидетельствует о наличии ряда нерешенных серьезных проблем, которые имеют внешнее по отношению к человеку происхождение и обусловлены социально-экономическими, политическими, культурными

отношениями, которые сложились в регионе и современной России в целом. Данный тезис подтверждается значением индекса межрегиональных сравнений (рис. 2), который за все время наблюдений ни разу не перешел границу в 100 баллов, что свидетельствует о явно негативных оценках ситуации в регионе по данному признаку.

УДК: 323.232

Е. А. Каменская

ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Волгоградская академия государственной службы

E-mail: volgoric@bk.ru

Статья посвящена необходимости модернизировать существующую систему организационного и информационного обеспечения органов власти: провести системный анализ структур, призванных работать над информационными потребностями органов исполнительной власти, определить состав показателей, создать четко действующий механизм информационного обеспечения.

Ключевые слова: органы государственной власти, средства массовой информации, информационная политика, административная реформа.

E. A. Kamenskaya

ORGANIZATIONAL-STRUCTURAL COMPONENT OF REALISATION OF THE STATE INFORMATION POLICY IN THE RUSSIAN REGIONS

Volgograd academy of public administration

The article is devoted to necessity to modernize existing system organizational and a supply with information of authorities: to carry out the system analysis of the structures, called to work over information requirements of enforcement authorities, to define structure of indicators, to create accurately operating the supply with information mechanism.

Keywords: public authorities, mass media, the information policy, administrative reform.

Административная реформа предполагает совершенствование всей системы государственного управления в России. Это одно из важнейших условий ускорения социально-экономического развития страны и достижения целей, стоящих перед органами власти. В рамках реформы необходимо провести мероприятия, направленные на повышение эффективности органов власти всех уровней. В их числе анализ и классификация функций, осуществляемых структурами власти, исключение дублирования функций, оптимизация сети подведомственных учреждений. В числе приоритетов и модернизация системы информационного обеспечения органов власти [1]. Следовательно, структурам, реализующим государственную информационную политику, в административной реформе России отведена ведущая роль.

Государственные структуры, обладающие специальными информационно-правовыми пол-

номочиями, стали появляться в России в начале 90-х годов XX века как адекватная институциональная реакция на информационную революцию. В этом аспекте наша страна значительно отстает от других цивилизованных стран мира, где спектр структур, занимающихся информационной политикой и средствами массовой информации, достаточно широк и разнообразен.

В ходе исследования во всех регионах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов автором выявлены различные организационно-структурные модели с совпадением организационных и функциональных связей, реализующие информационную политику органов власти. Во многих случаях данные структуры не связаны организационной целесообразностью, а зачастую и открыто конфликтуют между собой. И, самое главное, отсутствует система в организационно-структурной составляющей

щей реализации открытой государственной информационной политики.

Дублирование функций нередко ведет к бюрократизации информационного процесса. Так, в администрации Волгоградской области распространением информации занимались пресс-служба и комитет по печати и информации. По сложившейся практике одни и те же задания спускались обеим структурам: по подготовке публикаций от имени главы администрации области, приветственных и поздравительных адресов, стратегических тем, информации о том или ином мероприятии. Подобные нестыковки вносили диссонанс в работу этих подразделений и негативно влияли на их эффективность.

В апреле 2010 года в администрации Волгоградской области произошли структурные изменения, в результате которых комитет по печати и информации переименовали в комитет по печати и массовым коммуникациям. Из него был выделен информационно-аналитический отдел – в управление по информационной политике. Пресс-служба администрации стала структурным подразделением нового управления. В результате реорганизации функции исполнителей не стали, по мнению автора, более совершенными. Неясны задачи комитета по печати и массовым коммуникациям, лишившегося информационных и аналитических функций. С учетом реалий этот комитет представляется целесообразным реорганизовать, к примеру, в комитет по информационной политике и массовым коммуникациям. В настоящее время, когда электронные масс-медиа значительно опережают печатные СМИ по степени популярности и воздействию на население, само понятие «комитет по печати» теряет актуальность. Соответственно, нет необходимости в содержании заместителей председателя комитета – и по печатным, и по электронным СМИ. Достаточно одного заместителя – по средствам массовой информации. Следует также пересмотреть громоздкое экономическое направление деятельности комитета с целью увеличения штатных единиц для работы непосредственно с массовыми коммуникациями.

Однако, с точки зрения оптимизации организационной составляющей, существуют и другие более эффективные варианты реформации структур, связанных с реализацией информационной политики региона. Предлагается создать в администрации Волгоградской области

управление по информационной политике и связям с общественностью. В качестве подразделений в него могут войти: управление по связям с общественностью, комитет по печати и информации, комитет по информационным технологиям и пресс-служба. Работая по единому плану и под единым началом, эти структуры будут демонстрировать более высокий качественный профессиональный уровень, более четко распределять функциональные обязанности. Унификация структур позволит также избавиться от дублирования и лишних организационных звеньев, а также сэкономить значительные бюджетные средства в результате реорганизации аппарата госслужащих.

В 2002 году автор стал инициатором создания и организатором в Волгоградской областной Думе управления по информации и связям с общественностью. Депутаты увидели в числе социально значимых приоритетов максимально открытую информационную политику. Это было время активного перераспределения властных полномочий из центра в регионы. И поскольку региональное управление обладает свойством социальной конкретности, укрепление структур по связям с общественностью было не данью моде, а жизненно важной потребностью и в законодательных, и в исполнительных органах власти. При создании управления не пришлось принимать новых сотрудников. В его состав вошли действующие структурные подразделения, так или иначе связанные с реализацией информационной политики: пресс-служба, информационно-издательский центр и сектор по работе с органами местного самоуправления и общественностью. Тем самым в областном законодательном собрании появился единый орган, вырабатывающий стратегию государственной информационной политики.

Постановлением Думы был создан политический консультативный совет, куда вошли представители региональных отделений партий. Его целью стал поиск единой, взвешенной, отвечающей интересам населения позиции, привлечение по разному ориентированных политических сил к законотворческому процессу в качестве экспертов и политконсультантов. Члены совета имели возможность ежемесячно размещать информацию о деятельности своей партии в специальном разделе думского сайта без цензуры и официальных комментариев.

В дальнейшем на базе управления был создан клуб парламентских корреспондентов, об-

щественный совет по культуре и искусству, Совет по местному самоуправлению.

Таким образом, волгоградские законодатели взяли на себя объединяющую роль в реализации на территории области открытой информационной политики. Ориентируясь на информационную открытость, депутаты с помощью управления по информации и связям с общественностью максимально использовали законотворческий потенциал региона на благо его жителей. Свободный обмен мнениями общественности и власти давал возможность позитивно влиять на ситуацию в области. Дума нашла эффективные формы предоставления достоверной информации о результатах своей деятельности, реализуя тем самым и просветительскую функцию. Объединение информационных ресурсов позволило законодательному органу региона унифицировать информационные потоки о деятельности Думы, придать ей системный, научно обоснованный характер [2]. Депутаты учредили свою парламентскую газету, быстро ставшую достойным конкурентом общественно-политическим изданиям региона. В результате впервые в истории региона уровень доверия населения к деятельности областной Думы возрос до 10 процентов (против 0,2 процента по сравнению с 1999 годом) [3].

Через три года работы опыт Волгоградской областной Думы по реализации информационной политики был признан одним из лучших в России. Нарботки управления по информации и связям с общественностью брали на вооружение не только другие регионы, но и аналогичные управления Госдумы и Совета Федерации. Была налажена аналитическая и прогностическая деятельность, что давало возможность продвигаться вперед – к расширению информационного и электорального пространства, создать эффективный механизм обратной связи в системе «власть – СМИ – общество» [3].

В 2003 году аналогичная структура – информационно-аналитическое управление – была создана в администрации Волгоградской области с привлечением дополнительных кадров. Время показало, что организация этого управления функционально было связано с предстоящими выборами главы администрации области в конце 2004 года. Вскоре после выборов управление было реорганизовано в информационно-аналитический отдел при комитете по печати и информации.

В 2005 году было расформировано и управление по информации и связям с общественностью Волгоградской областной Думы – решением избранного тогда депутатского корпуса. Новый состав депутатов счел также необходимым закрытие парламентской газеты «Первое чтение», клуба парламентских корреспондентов и других общественных консультативных советов, действующих в предыдущем депутатском созыве. Системная работа с общественностью и средствами массовой информации в Думе в прежнем объеме была прекращена. В итоге, по данным центра социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» на конец 2009 года, несмотря на значительно возросшие затраты на СМИ, о деятельности Волгоградской областной Думы не осведомлены до 71 процента населения города Волгограда [4], значительно снизился уровень доверия к этому региональному органу власти.

А как занимаются унификацией государственного аппарата в других регионах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов? Еще в 2001 году губернатором Ставропольского края принято постановление «О мерах по совершенствованию государственного управления в Ставропольском крае» [5]. С этого времени один только комитет по печати трансформировался: в комитет по печати информации, министерство массовых коммуникаций, информационных технологий и связи. В 2008 году после реорганизации министерство преобразовали в комитет по информационной политике и массовым коммуникациям. В штатном расписании комитета 25 сотрудников. Из них всего 2 специалиста ведают экономическим блоком (в комитете по печати администрации Волгоградской области – 8).

В Краснодарском крае информационной политикой занимаются: департамент по делам СМИ, печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, информационно-аналитическое управление и пресс-служба. В отличие от комитета по печати и массовым коммуникациям администрации Волгоградской области департамент Краснодарского края обеспечивает взаимодействие с руководителями пресс-служб органов местного самоуправления муниципальных образований края, определяет формы и порядок предоставления муниципальными образованиями края оперативной информации о социально значимых событиях на их территории [6].

В крае создана система подведомственных департаменту предприятий, которые обеспечивают выполнение функций государства по информированию населения и доведению до граждан решений федеральной и региональной законодательной и исполнительной властей. Наличие такой системы позволяет максимально оперативно реагировать на социально-политические, экономические процессы в обществе и отражать интересы государственной власти, что соответствует практике экономически развитых демократических государств.

Перечисленные функции департамент совмещает с деятельностью пресс-службы, что нехарактерно для других схожих структур органов государственной власти Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. По мнению автора, совмещение данных функций ведет к оптимизации управленческих процессов, связанных с единой государственной информационной политикой. Такая организационно-структурная модель представляется наиболее современной и эффективной.

Идентичные по названию службы функционируют в администрации Ростовской области. Информационную политику здесь осуществляют также департамент по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации, управление информации и мониторинга и пресс-служба. Все названные структуры дублируют функцию – «обеспечение информационного взаимодействия со средствами массовой информации всех уровней (федеральными, областными, муниципальными, негосударственными)». В остальном же их обязанности распределены более четко, чем в других регионах. Если управление информации и мониторинга занимается изучением тенденций изменения общественного мнения по вопросам деятельности администрации области и оценкой влияния на него средств массовой информации, сбором информации и аналитической работой по оценке и прогнозированию социально-политической ситуации в области [7], то департамент по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации работает напрямую со СМИ, организует формирование и размещение заказов для государственных нужд области на производство социально значимой литературы, формирует и ведет областной реестр средств массовой информации [8].

В 2009 году при правительстве Астраханской области создано агентство связи и массо-

вых коммуникаций как правопреемник агентства по печати и информационным коммуникациям, действовавшего в регионе с 2005 года. Помимо агентства вопросами информационной политики в регионе ведает управление пресс-службы и информации администрации губернатора.

В положении об агентстве отмечено, что оно осуществляет разработку и координацию реализации целевых программ и проектов в сфере информационной политики; вносит в правительство области, а также представляет губернатору проекты законов, нормативных правовых актов и других документов по вопросам, относящимся к информационной политике региона; выступает учредителем (соучредителем) СМИ [9].

Агентство также организует прием граждан, обеспечивает своевременное и полное рассмотрение устных и письменных обращений граждан, принятие по ним решений и направление ответов заявителям в установленный законодательством Российской Федерации срок. Данная функция документально зафиксирована в Краснодарском крае и в Ставрополье, отсутствует в Ростовской и Волгоградской областях.

Таким образом, видно стремление органов государственной власти к совершенствованию организационно-структурной составляющей реализации государственной информационной политики. На смену утратившим актуальность комитетам по печати в большинстве регионов приходят более современные структуры, способные стать полноправными участниками построения информационного общества.

Однако на сегодняшний день в регионах отсутствуют современные методологические и методические разработки, обеспечивающие единое информационное пространство органов власти. Во всех исследуемых регионах государственные органы, реализующие информационную политику, работают в функциональном отрыве от структур, занимающихся связями с общественностью. Опрос руководителей данных структур позволяет сделать вывод о том, что в своей практической деятельности они, как правило, не используют наработки аналитических управлений и комитетов, так как эти данные предоставляются в основном первым лицам регионов и используются ими по личному усмотрению. В результате отсутствие скоординированной информационной политики не дает возможности осуществлять качественную оценку

хода административной реформы, получать актуальную, систематизированную и комплексную информацию, позволяющую отслеживать происходящие преобразования, принимать взвешенные управленческие решения и информировать общественность о достигнутых результатах.

В этой связи чрезвычайно важно не только модернизировать организационно-структурную составляющую органов государственной власти в сфере информационной политики. Необходимо стимулировать развитие общественных структур, которые бы не только принимали участие в формировании и реализации государственной информационной политики, но и занимались проблемами социальной ответственности СМИ, без чего невозможно формирование культуры свободы масс-медиа и информационного общества в целом. У органов власти и средств массовой информации должна быть обоюдная ответственность перед обществом. Ведь польза от информационной деятельности будет только в том случае, «если при этом возрастет общественная осведомленность и станет больше вовлеченность людей в демократических и социальных последствиях изменений. Без истинной и глубокой информированности гражданина нет» [10].

Мировой опыт подтверждает, что в демократическом правовом государстве развитое медийное саморегулирование является принципиально важным дополнением законодательного регулирования в сфере массовой информации. Оно в значительной степени минимизирует негативное влияние рыночных отношений на содержание СМИ, способствует сохранению отношения к журналистике как разновидности публичной службы, базирующейся на высоких профессиональных и этических стандартах.

Общенациональные структуры медийного саморегулирования, зародившиеся еще в XIX веке и обобщенно именуемые советами по делам прессы, действуют в настоящее время на всех континентах, более чем в 70 странах мира. Включение России в общемировую практику медийного саморегулирования может дать реальный эффект как в плане формирования в нашей стране культуры качественной независимой, высокопрофессиональной журналисти-

ки, так и в контексте улучшения образа России за рубежом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (электронный ресурс). – Электрон. дан. – Юридический виртуальный клуб. – Режим доступа: www.ex-jure.ru свободный. – Загл. с экрана.
2. Каменская, Е. А. От противостояния – к противоречиям / Е. А. Каменская // Советник. – 2002. – № 10.
3. Ушаков, А. Мы – посредники между властью и обществом» / А. Ушаков // Первое чтение. – 2005. – № 3.
4. Венчур, А. Информирован – не значит доволен (электронный ресурс) – электрон. дан. / А. Венчур // Правда Волгограда. – 2010. – Режим доступа: www.pravda34.info свободный. – Загл. с экрана.
5. Постановление губернатора Ставропольского края «О мерах по совершенствованию государственного управления в Ставропольском крае» от 8 июня 2001 г. № 304 (электронный ресурс). – Электрон. дан. // Нормативно-правовые акты РФ. – Режим доступа: www.scli.ru свободный. – Загл. с экрана.
6. Положение о департаменте по делам СМИ, печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций Краснодарского края (электронный ресурс). – Электрон. дан. // Департамент по делам СМИ, печати, телерадиовещания и СМК Краснодарского края. – Режим доступа: www.depsmi.ru свободный. – Загл. с экрана.
7. Положение об управлении информации и мониторинга администрации Ростовской области (электронный ресурс). – Электрон. дан. // Официальный сайт администрации Ростовской области. – Режим доступа: www.donland.ru свободный. – Загл. с экрана.
8. Положение о департаменте по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации Ростовской области (электронный ресурс). – Электрон. дан. // Официальный сайт администрации Ростовской области. – Режим доступа: www.donland.ru свободный. – Загл. с экрана.
9. Положение об агентстве связи и массовых коммуникаций Астраханской области (электронный ресурс). – Электрон. дан. // Официальный сайт администрации Астраханской области. – Режим доступа: www.astrobl.ru свободный. – Загл. с экрана.
10. Прохоров, Е. Должны ли журналисты думать о формировании гражданского общества / Е. Прохоров // Мы – сограждане (СМИ и власть) / под общ. ред. И. Дзялошинского. – М. 2002. – С. 128.
11. Рекомендации Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации по проблемам развития саморегулирования в сфере массовой информации (электронный ресурс). – Электрон. дан. // Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. – 2008. – Режим доступа: www.farnc.ru свободный. – Загл. с экрана.

УДК 351.81
ББК 67.401

Ю. И. Перцева, И. Н. Наумов

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: politika@vstu.ru

Статья посвящена рассмотрению понятия «культурная политика». Авторы приводят основные определения данного термина наиболее известных российских и зарубежных экспертов в области культурной политики.

Ключевые слова: культура, культурная политика, региональная культурная политика, культурное развитие, культурное наследие.

Y. I. Pertseva, I. N. Naumov

THE CULTURAL POLICY: TO DEFINITION OF CONCEPT

Volgograd state technical university

Article is devoted concept consideration «the cultural policy». Authors result the basic definitions of the given term of the most known Russian and foreign experts in the field of a cultural policy.

Keywords: culture, the cultural policy, the regional cultural policy, cultural development, a cultural heritage.

Современное понимание проблемы культурной политики формировалось постепенно, сначала в форме размышлений о культуре вообще, и только со временем культурная политика вычленяется в качестве самостоятельного объекта исследования.

В XX веке отчетливо проявилась взаимосвязь и взаимообусловленность культуры и политики. Общество осознало, что развитие экономики, технический прогресс, преодоление политических и социальных кризисов и катаклизмов, потрясающих общество, невозможно в отсутствие культуры. Именно культура как социальный институт способна обеспечить общественную стабильность, консолидировать государство и общество на решение важнейших национальных задач, способствовать модернизации России во всех областях общественной жизни.

К самому определению «культурная политика» не существует единого подхода. Одно из первых определений понятия «культурная политика» было введено в оборот на «круглом столе» ЮНЕСКО в Монако в 1967 г. В докладе «Политика в сфере культуры – предварительные соображения» под политикой в сфере культуры понимался «комплекс операциональ-

ных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры». В этом контексте реализация политики в сфере культуры представляет собой «всю сумму сознательных и обдуманных действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей, посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время» [1].

Заслугой Всемирной конференции по политике в области культуры было то, что она сформулировала основные принципы культурной политики, привлекла внимание международной общественности к сложным проблемам мирового культурного развития и призвала к поиску решений.

Определение культурной политики сербской исследовательницы Милены Драгичевич-Шешич: «Термин “политика» обозначает сознательную деятельность, направленную на достижение востребованных обществом целей. Каждая сторона общественной жизни имеет свою цель, поэтому мы говорим о целях в области экономики, здравоохранения, образова-

ния. Когда речь идет об осуществлении востребованных обществом целей в области культуры, появляется понятие культурной политики. Зная, что нет человеческого общества без культуры, можно было бы прийти к выводу, что нет и общества без культурной политики. Этот вывод, однако, не соответствует действительности, так как само по себе существование культуры не означает, что направление ее развития определено рядом целей и задач, которые необходимо осуществить с помощью соответствующих мер, механизмов и действий, а именно в этом и заключается понятие «культурная политика».... Итак, культурная политика является сознательным регулированием в области культуры при принятии необходимых решений по всем вопросам, относящимся к культурному развитию общества в целом» [2, с. 26].

В Федеральном законе «Основы законодательства РФ о культуре» от 9 октября 1992 г. уточняется, что государственная культурная политика – это совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры [3]. В России за последние годы принималось достаточно много политических деклараций по проблемам сохранения и развития культуры, ее роли в современном обществе.

Проблемы культурной политики, построение и развитие универсальной ее модели, а также результаты их воздействия на общество всегда интересовали не только зарубежных, но и отечественных исследователей.

Весьма распространенным является определение культурной политики как политики в области культуры, духовной жизни, рассчитанной на создание, поддержание и улучшение условий деятельности представителей культуры и искусства, пропаганду и распространение культурных достижений, приобщение к культуре широких слоев населения, особенно молодежи [4].

В популярном культурологическом словаре культурная политика определяется как «система практических мероприятий, финансируемых, регулируемых и в значительной мере осуществляемых государством..., направленных на сохранение, развитие и приумножение культурного наследия нации» [5, с. 275].

Эксперт в области культурной политики С. Э. Зуев считает, что «культурная политика

возникает в тот момент, когда реально существуют общественные группы (а не только государственные), по-разному видящие культурный процесс на одной территории. Вот если эти разные мнения имеют право на высказывание и установлена определенная процедура обсуждения – вот это и есть культурная политика» [6].

А. Я. Флиер определяет культурную политику как совокупность научно-обоснованных взглядов и мероприятий по всесторонней социокультурной модернизации общества и структурным реформам по всей системе культуропроизводящих институтов; как систему новых принципов сочетания государственной и общественной составляющих в социальной и культурной жизни; как комплекс мер по заблаговременному налаживанию научного и образовательного обеспечения этих принципов, по целенаправленной подготовке кадров для квалифицированного регулирования социокультурных процессов завтрашнего дня, а главное – как осмысленную корректировку общего содержания отечественной культуры [7].

Управление же текущими культуротворческими процессами представляет собой комплекс оперативных действий по решению животрепещущих проблем, существующих культуропроизводящих институтов, призванных обеспечить расширенное воспроизводство актуальных культурных форм в пределах финансовых средств, кадров, инструментария и технологий, имеющихся на сегодняшний день [7].

При этом А. Я. Флиер указывает на то, что «государственная культурная политика должна в основном моделировать механизмы естественно протекающего цивилизационного процесса, действовать в рамках его социально-синергетических законов и лишь стимулировать ускоренное развитие общества в том направлении, в котором оно и само по себе объективно движется. Опыт истории показывает, что попытки искусственно переменить это естественное направление развития, навязать обществу умозрительные модели его эволюции ничем хорошим для общества не закончились» [8, с. 411].

Таким образом, А. Я. Флиер считает, что государство не должно вмешиваться в естественный процесс цивилизационного развития общества. Воздействие на культуру со стороны государства должно пониматься как развитие творческого потенциала личности, противодействие негативным процессам разрушения куль-

туры, защита единого культурного пространства, сохранение национальных традиций, ценностных ориентаций и идентичности нашего общества.

В. Н. Дмитриевский определяет культурную политику как: «...совокупную направленность мероприятий, способствующих развитию культуры, общества и страны в ее самых широких и разнообразных формах и проявлениях, поддерживаемых государством, его ведомствами, общественными и частными организациями» [9, с. 144].

О. И. Генисаретский дает следующее определение культурной политике: «Культурная политика – это основанная на общественном согласии система представлений о должном состоянии культурной жизни, создание возможностей для реализации собственных законов культурного развития в соответствии с некими критериями ресурсных возможностей общества на каждом историческом этапе» [10, с. 46].

Ряд авторов в своих работах использует понятие «региональная культурная политика». Попытки осмысления региональной культурной политики предпринимаются с 1990-х годов, когда началась децентрализация управления.

А. Голышев считает, что термин «региональная культурная политика» в его наиболее распространенном варианте обозначает совокупность концепций, принципов, целей, методов регулирования культурного развития на региональном уровне и выработку соответствующих институциональных форм организации социально-культурной деятельности. Главной ее целью является сохранение, освоение и передача будущим поколениям культурного наследия, поддержка профессионального искусства и самодеятельного художественного творчества, распространение всех форм культуры среди максимально широкой аудитории» [11, с. 7].

Большое внимание вопросам реализации региональной культурной политики уделяется в работах Л. Е. Вострякова, где отечественный специалист выделяет пять моделей защиты сферы культуры на региональном уровне:

– политическая модель защиты – предусматривает принятие на региональном уровне закона о политике в сфере культуры и других документов, регламентирующих деятельность властной и политической элиты относительно сферы культуры в своих регионах;

– экономическая модель защиты – предполагает переход на режим жесткой экономии ре-

сурсов, рационализации использования материально-технической базы культуры, борьбу за условия, облегчающие спонсорство и меценатство, поиск нетрадиционных ресурсов культуры, строгий учет и контроль целесообразности расходования средств. Таким образом, значимым направлением экономической защиты региональной сферы культуры в условиях кризиса остается обеспечение контроля за использованием финансовых ресурсов;

– управленческая модель защиты – самой системе управления сферой культуры для эффективного функционирования более соответствуют партнерские отношения между субъектом и объектом управления. Управляющий субъект должен принять на себя функции посредника, организатора, координатора, спонсора. Целостность управления в этом случае достигается не через иерархию и централизацию, а как результат процессов формирования консенсуса, переговоров и преодоления конфликтов путем взаимных уступок. Это позволяет, с одной стороны, индивидуализировать работу центра с регионами, с другой – обеспечить сохранение единого культурного пространства страны;

– кадровая модель защиты – предполагает вложение усилий и финансовых средств в подготовку работников для деятельности в области культуры своих регионов. Они смогут выработать для культуры слой защиты, который позволит выжить ей в условиях кризиса;

– информационная модель защиты – предполагает формирование банка информации о позитивных мерах по выходу из кризиса, принимаемых в ряде российских регионов [12].

Таким образом, автор показывает, что выживание региональной культуры в условиях кризиса возможно при условии консолидации разнонаправленных усилий.

Необходимо отметить важнейшую роль государства в развитии культуры и формировании культурной политики, которое призвано вносить наибольший вклад в регуляцию всей ее сферы. Государство должно быть заинтересовано в сохранении культурного наследия страны, на нем должны по-прежнему лежать обязанности по созданию условий и ответственность за формирование новых основ культуры.

Таким образом, главный ориентир государственной культурной политики должен заключаться в совершенствовании технологического, кадрового, организационного и материального обеспечения сферы культуры. Должна быть

сформирована современная культурная политика, обеспечивающая массовую аудиторию качественной культурной информацией; поднятие статуса и профессионализма работников культуры и искусства; создание новых технологий в сфере культуры; формирование единого социокультурного пространства страны; сохранение, освоение и передача будущим поколениям культурного наследия; поддержка профессионального искусства и самодеятельного художественного творчества, распространение всех форм культуры среди максимально широкой аудитории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Востряков, Л.* Культурная политика: основные концепции и модели / Л. Востряков // Экология культуры: информационный бюллетень / Комитет по культуре администрации Архангельской области. – Архангельск, 2004. – С. 81.
2. *Драгичевич-Шешич, М.* Культура: менеджмент, анимация, маркетинг / М. Драгичевич-Шешич, Б. Стойкович. – Новосибирск: Изд. дом «Тигра», 2000.
3. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон РФ от 09.10.1992 г., № 3612 - 1. – М., 1992.
4. *Халипов, В. Ф.* Власть. Основы кратологии / В. Ф. Халипов. – М.: Луч, 1995. – 271 с.
5. *Кравченко, А. И.* Культурология: словарь / А. И. Кравченко. – М.: Академический проект, 2000. – 671 с.
6. *Зуев, С. Э.* Комментарий к докладу Г. А. Никича-Криличевского «Культурная политика как инструмент регионального развития» // Культура: политика модернизации: сб. по итогам проектн. семинара «Стратегии модернизации культурной политики в Псковском регионе». – Псков, 1999. – С. 33–34.
7. *Флиер, А. Я.* О новой культурной политике России / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 14.
8. *Флиер, А. Я.* Культурология для культурологов: уч. пособ. для высш. шк. / А. Я. Флиер. – М.: Академический проект, 2000. – 496 с.
9. *Дмитриевский, В. И.* Культурная политика: между прошлым и будущим / В. И. Дмитриевский // Искусство и социальная психология: сб. ст. – М., 1996. – С. 144.
10. *Генисаретский, О. И.* Культурная политика: не сегодня, скорее, завтра / О. И. Генисаретский // Российское экспертное обозрение. – 2007. – № 6. – С. 46.
11. Гольшев, А. Региональная культурная политика: история, опыт, перспективы / А. Гольшев // Экология культуры: информационный бюллетень. – 1999. – № 4. – С. 7.
12. *Востряков, Л. Е.* Региональная культурная политика в условиях финансового кризиса: модели защиты сферы культуры / Л. Е. Востряков // Наука о культуре: итоги и перспективы: научн. - информ. сб. – М., 1999. – Вып. 1. – С. 14–22.

УДК 115.4
ББК Ю87

Е. А. Приходько

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Волжский политехнический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета
E-mail: fei@volpi.ru

В статье представлено соотношение исторической памяти и исторического сознания через проблему восприятия и осмысления времени. Автор раскрывает особенности исторического времени, которые задают определенное отношение к реальной действительности.

Ключевые слова: время, длительность, историческое время, энтропия, историческая память, историческое сознание.

Y. A. Prikhodko

HISTORICAL MEMORY AND HISTORICAL CONSCIOUSNESS

Volzhsy Polytechnical Institute (branch) of Volgograd State Technical University

The article determines the relationship between historical memory and historical consciousness. The author elucidates the specific features of historical time which predetermine a certain attitude to reality.

Keywords: time, duration, entropy, historical time, historical memory, historical consciousness

Хорошо известно стремление людей извлечь определенный опыт из прошлого, как и противоречивость, неоднозначность таких попыток. Это дало возможность Г. В. Ф. Гегелю утверждать, что история ничему не учит, так как государственным лицам, для которых такой опыт был бы особо полезным, в действительности

приходится принимать решения в ситуациях, редко повторяющих историческое прошлое. Например, историк В. Ключевский по этому поводу замечал, что история действительно не учит тех, кто у нее не учится, а проучивает их за невежество и пренебрежение: ведь не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Кто

действует вопреки истории, тот всегда, в конце концов, жалеет о своем отношении к ней, поскольку история учит не тому, как жить по ней, а как учиться у нее. Этим история схожа с властью: когда людям хорошо, они забывают о ней, приписывая свое благоденствие самим себе; но когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость.

Во всяком случае, скепсис XIX века в отношении истории как праздной забавы или пропаганды (политики), обращенной в прошлое, вряд ли оправдан. Столь же важно видеть, что история также не сводится к функции времени, выделяющему в своем течении энергию, необходимую для исторических свершений. Исторические процессы действительно движутся во времени, но по своей природе они энтропийны и инерционны, следовательно, возникают не благодаря времени, а вопреки ему. Если это так, то история – это борьба со временем, антиэнтропийный процесс, противостоящий энтропии Вселенной. Энергия, аккумулированная в силовых импульсах, ускоряющих движение жизни, спасает Космос от превращения в Хаос. Рост упорядоченности, воплощаемый в многообразных формах (в том числе и личностях, каждая из которых неповторима), ведет к отделению пространства от времени, что на уровне сознания воспринимается как смерть. В известном смысле победа энтропии – исчезновение времени. Но поскольку все организмы биосферы связаны друг с другом, частичная потеря перекрывается возникновением памяти. Это уже преграда энтропии сознания, а не бытия, ибо память делит время на прошлое, настоящее и будущее.

Концептуально данный процесс отражен в учении А. Бергсона о длительности [1]. Взаимобусловленность длительности и памяти помогает снять односторонность предшествующих и взаимоисключающих определений памяти. Так, механицисты определяли память как всеобщую функцию организованной материи, между тем как трансценденталисты – как «воспроизведение образа со знаком прошлого», то есть одни сводили ее к настоящему, а другие – игнорировали ее актуальность. Во всем многообразии проявлений памяти А. Бергсон выделил три ее вида:

– «память материи» – такова геологическая летопись Земли, распрямление сжатой пружины и т. п.;

– «память-след» – материальные следы дей-

ствия стихийных или сознательных сил, памятники культур и др.;

– «память-длительность» – последовательность и обратная связь актов и образов сознания в ее взаимодействии с реальностью.

В отношении последнего вида А. Бергсон подчеркивал, что применительно к культурно-историческим изменениям длительность модифицируется в память. В этом смысле память – это такое сущностное свойство изменения, которое связывает моменты «перед» и «после», не позволяя им быть только чистыми мгновениями, появляющимися и исчезающими в виде постоянно возобновляющегося настоящего.

Это значит, что время не проходит бесследно ни для объективного, ни для субъективного мира, тем более что последний связан с активностью живого сознательного существа. Следы времени обнаруживаются не только во внешних проявлениях, но и продвигаясь в глубину вещи, погружаясь в ее длительность (таковы в истории социума – письменные источники, в истории сознания – архетипы). Таким образом, двигаясь постоянно во времени, сознание испытывает воздействие памяти, которая выталкивает что-то из прошлого в настоящее. Вследствие этого сознание как бы разрастается длительностью наподобие катящегося снежного кома. Такое сохранение прошлого в настоящем обуславливает постоянные изменения, усиливающие и актуализирующие значение памяти и ее влияние на время.

А. Бергсон акцентировал свое внимание на выделении двух типов воспоминания – привычки и собственно воспоминания [2]. Привычка или механическое запоминание (например, заучивание стихов) делает само обращение к прошлому стандартизированным и лишенным эмоциональной оценки. Живое воспоминание отсылает к единичному событию, оно способно вызывать неповторимые чувства и мысли, связанные именно с этим воспоминанием, а не как-нибудь другим.

Наличие двух принципиально различных типов служит, по А. Бергсону, свидетельством того, что «прошлое ... может накапливаться в двух крайних формах: с одной стороны, в виде утилизирующих его двигательных механизмов, с другой стороны, в виде индивидуальных образов-воспоминаний, которые зарисовывают все события, сохраняя их собственные очертания, их собственные краски, их место во времени» [3].

В непосредственном смысле понятие «историческая память» означает, что определенная группа сохраняет присутствующие в ее сознании и в культурных памятниках воспоминания о некоторых явлениях – событиях, которые являются носителями ее идентичности и ее судьбы [4]. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях [5].

Необходимо видеть, что историческая память (как и всякая память) выборочна: она оперирует иерархией фактов, выделяя одни и передавая забвению другие. Потому говорить об исторической памяти, значит говорить и о забвении. Но в целом народ без исторической памяти утратил бы свою идентичность. А интегральная память породила бы бесформенную массу воспоминаний, которая стала бы препятствием к осознанию идентичности. Таким образом, отбор в каком-то смысле есть всегда естественный процесс памяти. Но это, конечно, не оправдание любого забвения. Причины забвения могут быть различны: ввиду невыносимости их для исторического сознания, вследствие чрезмерной их оскорбительности, вследствие чувства вины. Но то, что отвергается, в конечном счете возвращается и зачастую резко и грубо. Принять свое прошлое, но так, чтобы оно не парализовало – трудная, но необходимая задача для исторического сознания. Конечно, искажение прошлого может быть результатом решений политической власти, но такое искажение равносильно лжи, и со временем правда неизбежно всплывает.

Хорошо известно, насколько исторические реминисценции зависят от интерпретации: прошлое как источник осмысления присутствует и живет в нас в той мере, в какой мы ее принимаем, понимаем и усваиваем. На уровне же общности обычно наблюдается постепенное складывание консенсуса в отношении смысла нашего прошлого, обусловленного современной идентичностью.

Дело тут в том, что историческое время связано с культурно-исторической памятью человечества посредством процесса переработки и усвоения информации. Связь энтропии, памяти, человечества и времени имеет следующую особенность: с возрастанием плотности информа-

ции изменяется и характер протекания времени. В ходе познания в памяти откладывается и конденсируется все больше информации, для получения которой в дальнейшем человечеству уже не требуется время. Поэтому вследствие изменения временных характеристик энтропия убывает. Если календарное время благодаря природным циклам и ритмам течет равномерно, то время познания, наоборот, движется неравномерно благодаря памяти, конденсирующей информацию и этим сокращающей время, необходимое для ее добывания. Другими словами, по мере роста объема информации время замедляется. Значит, можно в одно и то же время воспроизвести в памяти все больше и больше информации. Следовательно, по мере конденсации информации время замедляется. С накоплением культурно-исторического опыта от эпохи к эпохе течение времени замедляется с точки зрения освоения и переработки этого опыта: за один и тот же отрезок календарного времени люди современной эпохи проживают гораздо больше, чем столетие назад.

Таким образом, историческое время не совпадает с физическим временем, выражающим величину длительности природных событий и измеряемым приборами. Историческое время также не тождественно простой хронологической последовательности исторических событий. Напротив, историческое время определяет характер восприятия и интерпретации природных ритмов, составляющих основу физических измерений времени.

Не только обеспечивая, но и ускоряя процесс преобладания исторического развития, историческая память обуславливает формирование, функционирование и интенсивность исторического сознания. Ведь только изучая прошлое, проверяя возможные варианты и уточняя прогнозы, можно предсказать черты будущего. Хорошее знание достаточно большого числа соответствующих ситуаций в прошлом позволяет строить наиболее вероятные, а потому практически верные прогнозы. Следовательно, познанное прошлое воплощается в настоящее.

В потоках информации, циркулирующей в системе общества, наряду с текущей функциональной информацией необходимо видеть также информацию долговременную (историческую), которая освещает экзистенциальный смысл общества, поскольку в этой исторической информации совмещены все три времен-

ные проекции социума: его родовое прошлое (генезис), видовое настоящее (современность), прозреваемое будущее (явное/неявное целеполагание). Очевидно, что ответы на эти вечные вопросы наполняют смыслом и текущую информацию, образующую общественную жизнь.

Возникновение и развитие исторического сознания отражает становление различия и связи времен в материальной и духовной культуре любой человеческой общности, обеспечивая в то же время историческую устойчивость носителя этой культуры.

Возникнув на заре цивилизации, это сознание со временем видоизменяется настолько, что его предельные значения внешне предстают как антиподы, то есть как сознание неисторическое (например, миф) и историческое. Но в своей глубинной подоснове эти формы экзистенциального сознания человека воплощают в действительности начальную и конечную ступени развития историзма.

Здесь, однако, скрыта реальная проблема восприятия и осмысления времени человеческим сознанием. Парадоксальный факт, но вплоть до Ренессанса человек европейской культуры, уже обладающей огромной историографической традицией, по сути, боялся оставаться с текущей историей наедине. Отсюда поразительная степень обращенности мифологической формы исторического сознания к первоначалам, которая сочеталась с отсутствием малейшего представления о генезисе как процессе возникновения и становления. Миф тут выступает в качестве «священной истории народов». Космические силы в лице божеств определяют сценарий событий и вмешиваются в течение дел человека, поэтому мифологическое время – это время одномоментное, не связанное ни с прошлым, ни с будущим, оно не из чего не вытекает и ни во что не выливается, то есть это время вне потока времени. Здесь архетипы (первозданный мир природы, первозданные люди, ситуации и т. д.) носят печать божественности, которая стирается, подвергается порче. Но чудесное вторжение свыше периодически снова возвращает творения в изначальное состояние.

Таким образом, в мифологическом мировосприятии все события вне и внутри «Я» причастны к вселенской драме, поэтому космизм такого сознания обуславливал циклическое восприятие времени, выраженное в идее «вечного возвращения». С одной стороны, в ней ут-

верждалось вечное повторение того, что однажды уже имело место, а с другой стороны, поскольку время – синоним порчи, Вселенная периодически освобождалась от накопившегося времени, то есть порчи, и снова и снова оказывалась только на пороге времени. Таким образом, еще на заре цивилизации человек ощущал острую необходимость в ретроспективе в историческом пространстве, обнаруживая этим свою, пусть еще совершенно неразвитую историческую природу. В результате такой потребности и возник универсальный миф о происхождении бытия, призванный ориентировать человека в круговороте природы.

Идея «вечного возвращения» долгое время служила спасательным психологическим убежищем человека от угрозы перемен к худшему, заключенному в потоке времени, ибо сакральное начало всегда находилось рядом, жило в мифе. Суть возможных ответов на вызов, бросаемый человеку все разрушаемым временем, сводилась в итоге к альтернативе: либо воспринимать текущее сквозь призму изначального прообраза (архетипа), либо осмысливать его в соотнесенности с видением грядущего – мистического или рационально-утопического (то есть эсхатологически или телеологически). Уйти от этого выбора человеку не было дано, пока окружающий его мир не признавался определенным образом организованным и, следовательно, предсказуемым.

Последнее стало реальностью только в Новое время с утверждением рационалистической парадигмы, выраженной в форме: все естественное имеет естественную причину. Только тогда стало возможным убрать из истории все надъисторическое и все внеисторические силы, ибо открылась возможность и необходимость поиска пружин и порядка в ходе истории и в ней самой. Только в XIX в. историзм (историческое сознание) становится определяющей чертой профессиональных историков, воплощенной в их научной практике.

Постиндустриальная эпоха, с ее переходом от плюралистической истины к конвенциональной, сразу же заявила, что о прошлом мы ничего достоверно не знаем и не можем судить, было ли оно хорошим или плохим. Все, что мы знаем, – это только слова. О прошлом мы знаем в основном сказки из слов, которые выдумали позднейшие интерпретаторы. Никакой Античности и Ренессанса на самом деле не было. Во всяком случае, Платон не подозревал о том,

что он живет в эпоху Античности, а Рафаэль не знал, что за окном Ренессанс. Это все позднейшие слова.

И потому прошлое перемещается из сферы рационального знания в область художественных образов и идеологических манипуляций. Массовое сознание с удовольствием верит в эти сказки, а серьезные люди используют прошлое сугубо утилитарно для достижения политических целей или обогащения. Ведь прошлое пользуется большим спросом у массы покупателей и рядового электората, оно стало выгодным товаром. Оказалось, что ничто так хорошо не продается, как слова, особенно слова о прошлом [6].

В заключении необходимо подчеркнуть, что прошлое становится историей для данной культуры лишь постольку, поскольку оно для нее объяснимо (предел горизонта), и поскольку прошлое выступает для нее как ее собственное прошлое (предел целесообразности). В результате историческое сознание является в одно и то же время и измерением типа культуры, и фактором самой истории. Поэтому историческое сознание не исчерпывается объяснением прошлого,

ведь прошлое только грань исторического сознания, концептуализирующего связь между всеми тремя модальностями времени: прошлым, настоящим, будущим. Стержнем исторического сознания во все времена являлось историческое настоящее как сущее, которое никогда не сможет быть познано без обращения к прошлому и в равной мере без обращения к будущему, то есть к элементам будущего в настоящем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бергсон, А. Материя и память / А. Бергсон // Собр. соч. в 4 т. – М.: Московский клуб, 1992. – Т. 1. – С. 94–95, 135.
2. Бергсон, А. Мышление и память / А. Бергсон // Собр. соч. в 4 т. – М.: Московский клуб, 1992. – Т. 2. – С. 138–149.
3. Бергсон, А. Две формы памяти / А. Бергсон // Хрестоматия по общей психологии: Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – С. 73.
4. Люббе, Т. Историческая идентичность / Т. Люббе // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 108–113.
5. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки): препринт WP6/2003/07. Серия WP6 Гуманитарные исследования ИГИТИ / Л. П. Репина. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С. 10.
6. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистров, аспирантов и соискателей, а также преподавателей культурологи / А. Я. Флиер. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: МГУКИ, 2009. – С. 530.

ББК 87.725 : 88.373

В. Р. Свечкарева

ПРИНЦИП КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО НАЧАЛ В МОРАЛИ

Астраханский государственный технический университет

E-mail: Svechckareva@yandex.ru

Необходимость выработки новой парадигмы мышления о соотношении мужского и женского начал в обществе актуализирует ориентацию современной науки на построение этической теории, основанной на принципе комплементарности культурных стереотипов личности, сочетающей в себе мужское и женское. Данный подход может служить альтернативой универсализму традиционных этических систем, сориентированных на мужской тип мышления, что находит свое подтверждение в гендерной психологии и брачной морали. Внесение в социокультурный диалог полов особенностей женских образов морали будет способствовать ее гуманизации, снятию антагонизма двух типов бытия, преодолению гендерных предрассудков и принципов поведения, стимулировать выход из глобального кризиса мира и человека, обусловленного техногенной цивилизацией и маскулинной культурой.

Ключевые слова: принцип комплементарности, бинарный анализ, гендерные стереотипы, брачная мораль, гендерная дифференциация, маскулинность, феминность.

V. R. Svechckareva

PRINCIPLE OF THE COMPLEMENTARY OF THE «MASCULINE» AND «FEMININE» IN ETHICS

Astrakhan State Technical University

Necessity of the elaboration of the new paradigm of thinking on correlation of the masculine and feminine principles (elements) in society to actual at the orientation of modern science to the construction (erection) of the ethical theory foundation at the principle (theoretically) of the complementary cultural stereotypes of a personality combine masculine and feminine. Present (given) approach can be by alternative of the universalism of traditional ethics systems with to masculine type of thinking. It is corroborate in gender psychology and conjugal morality. Entering in the social and cultural dialogue at peculiarity of feminine morality to be conducive of humanization, removal of antagonism of two different existence, overcoming gender prejudice and principles of a behavior, stimulate way out of the global crisis of world and person (humanity). It is conditioned by civilization and masculine culture.

Keywords: principle (theoretically) of the complementary, duality analysis, gender stereotypes, conjugal morality, gender difference, masculinity, feminine.

В современной философской науке возникла актуальная необходимость выработки новой парадигмы мышления о соотношении мужского и женского начал в обществе. По мнению автора, основой гуманизации морали может стать внесение в нее женского начала, то есть частичная феминизация. Нельзя не признать закономерности и необратимости переориентации культуры с андроцентричной (мужской) на бицентричную модель, соединяющую мужское и женское начала. В плане аксиологии эта тенденция проявляется через утверждение приоритета общечеловеческих ценностей. Можно сказать, что современная отечественная этика уже идет по пути взаимопроникновения смыслов. В центре научного интереса философов оказываются понятия и категории, которые в рамках гендерной схемы принято считать феминными.

Принцип комплементарности в дихотомическом анализе взаимодействия полярностей

Дихотомический анализ – разведение полярностей – является в философии общепризнанной методикой конструирования понятийных систем. Структурирование внешнего мира по методу оппозиций присуще обществу изначально, по самой его природе. Из частного приема в теории структурализма бинаризм превратился в фундаментальную категорию и сущностный принцип природы и культуры. В основе дихотомического (бинарного) анализа взаимодействия лежит принцип комплементарности. С точки зрения автора, комплементарность следует понимать как существование в рамках целого его невыявленной противоположности.

Согласно религиозной позиции, ответы на загадки полярности лежат в области религиозного опыта, который предполагает деление мира на сакральное и «профанное». О религиозном антагонизме свидетельствуют многочисленные мифы, связанные с представлениями о бинарном членении пространства, об оппозиции полов, «который следует рассматривать как отражение оккультной комплементарности, служащей моделью для человеческого поведения и институтов» [6, с. 208]. Сходные оппозиции можно обнаружить в архаических религиях. Разнообразие созданий человеческого духа, как считает М. Элиаде, вызвано к жизни попыткой прочесть природу и человеческое существование посредством кода полярности: «Пары противоположностей имеют характер

дополнительности. Принцип полярности выступает в качестве фундаментального закона природы и жизни» [6, с. 214].

Идея дихотомического устройства мира (принцип двоения мира) содержится в Торе и излагается религиозным языком в терминах «святого» и «будничного». В своей основе разделение на «святое» и «будничное» подчиняется брачной логике. Причем иудаизм видит эту логику лежащей в основании мира. В Талмуде говорится, что после того, как Всевышний создал мир, Он занят лишь тем, что сочетает супружеских, что Всевышний вообще сочетает противоположности. Но это значит лишь то, что Он сочетает их в соответствии с брачной логикой: мужское и женское не являются симметричными полюсами. Пара «мужское – женское» – заведомо асимметричная пара, причем одна из сторон исходно включает в себя обе. Так, мужчина всегда представляет собой результат сочетания мужского и женского начал (X- и Y-хромосомы), в то время как женщина – отдельная обособленная реальность (XX-хромосомы). Благодаря этой особенности, синтезируясь между собой, мужчины и женщины не создают третьей реальности – андрогена, а размножаются. Согласно именно этой брачной логике, осуществляется взаимодействие «святого» и «будничного». Эти противоположности («святое» и «будничное», «сакральное» и «профанное») предназначены не для того, чтобы сняться и раствориться в абсолюте, в «Едином – Всем», а для того, чтобы, обнаружив свою взаимообусловленность, свою взаимную дополнительную, совместно исправлять мир.

Наряду с утверждением двойственности, в гностицизме, как и в восточных учениях, провозглашается ее преодоление: «Когда вы делаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону, и верхнюю сторону как нижнюю сторону, и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной, когда вы сделаете глаза вместо глаза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, образ вместо образа, – тогда вы войдете в [царствие]» (Евангелие от Фомы 27) [1, с. 253].

Как бы то ни было, тот принцип двоения бытия, сводимый в конечном итоге к антагонизму двух типов бытия – (в качестве мужчины (Запад) и в качестве женщины (Восток)), который пронизывает всю Тору и в особенности книгу Бытие, хорошо известен и европейской

культуре. Именно в античной философии (у неоплатоников) общерелигиозная интуиция укорененности всего сущего в некоем Едином источке блестяще увязана с чисто рациональным анализом, с тем, что впоследствии европейцы прозвали «естественным светом разума». И вообще, трудно найти европейского мыслителя, который бы в той или иной степени не имел в виду какую-либо дополнительную и не исходил бы из того дихотомического разделения мира, которое в иудаизме именуется разделением на «святое» и «будничное».

Гендерная дифференциация и мораль.

Социокультурный диалог полов в контексте традиционных и современных этических систем

Модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины, что приводило к складыванию гендерных стереотипов, характеризующих мужскую и женскую природу. Практически во всех философских концепциях и школах мужское и женское начала рассматриваются как противоположные, хотя и взаимосвязанные онтологические и гносеологические принципы: маскулинность символизирует духовное, божественное, культурное, рациональное и универсальное, а феминность – природное, телесное, нерациональное и частное. Эти свойства отчетливо можно уже увидеть у пифагорейцев, Платона, и еще в большей степени у Аристотеля. Данные оппозиции (форма-бесформенность, дух-телесность, разум-чувственность) детерминированы самим типом западного философствования. Именно бинаризм мышления определял способы социального структурирования половых различий.

Кроме того, философский взгляд на гендерную дифференциацию формы и материи выражается в противопоставлении порядка и хаоса. Так, Н. А. Бердяев, говоря о мужском и женском началах, отмечает, что мужское начало есть начало порядка; беспорядок и хаос рассматриваются как проявления женского начала. Подобных взглядов придерживались И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Г. Зиммель, П. Флоренский, В. В. Розанов, В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков и др.: «Вследствие дифференциации мужчина является собой принцип активный, а женщина – принцип пассивный, ибо она остается в своем неразвернутом единстве» [2, с. 86]. Такая позиция обусловлена исторически сложившимися гендерными стереотипами господствующей

маскулинной морали (все моральные системы создавались мужчинами и для мужчин). Аксиоматично то, что традиционные этические системы сориентированы на мужские образы мира, на мужской тип мышления.

Вместе с тем современные исследователи женской и мужской психологии (Р. Горски, У. Штейнберг) не считают, что мужское начало – проявление порядка, а женское – хаоса; каждый пол отличается своим своеобразным типом деятельности. В современной культуре очень часто женщин, которые могут думать и наслаждаться мыслительным процессом, обвиняют в мужеподобности. А так как эмоциональность и экспрессивность ассоциируются с женской социально-половой ролью, то в силу устоявшихся традиций они не считаются мужскими: «Пока мужчины, переживающие тонкие и глубокие эмоции, будут считаться женоподобными, они не смогут полностью реализовать свой мощный потенциал с учетом ограничений, накладываемых на эти «женские» проявления культурой» [5, с.134]. Как женщина способна развивать свое мышление так, чтобы оно стало эквивалентно мужскому, так и мужчина, может дифференцировать свои потребности и чувства не хуже женщины. Кроме того, следует помнить о разных типах мужчин и женщин, содержащих в различных вариациях фемининные и маскулинные проявления. Только изменение культурных стереотипов поможет полной реализации личности, сочетающей в себе как мужское, так и женское.

Проблема культурных стереотипов в гендерной психологии и брачной морали: история и современность

Исторический характер гендерных стереотипов ярче всего заметен при сравнении традиционной (патриархальной) и современной семьи. Складыванию специфического способа брачного поведения способствовали экономические и культурные условия, которые и определили глубокие психологические различия в культурных нормах и поведенческих стереотипах, просматриваемых при их сопоставлении. Традиционная модель ориентирована на универсальную брачность (ранние браки и всеобщую брачность). Европейская (современная) модель наблюдается и в странах, которые были населены выходцами из нее: США, Канаде, Австралии. Здесь возраст первого брака был гораздо выше, установки на всеобщую брачность не было вообще.

В странах Центральной Европы – Германии, Чехии, Австрии и всех государствах, расположенных севернее или западнее их, – еще в средние века прочно утвердился обычай майората, то есть единонаследия старшего сына (или старшей дочери) на землю и другую недвижимость своего отца. В те времена только мужчина, располагавший землей и капиталом, приносящим доход, достаточный для содержания семьи, мог вступать в брак, и только женщина, располагавшая соответствующим приданым, могла рассчитывать на замужество. Дробить земельные участки между разными детьми не было принято, поэтому младшие сыновья и дочери (кроме принявших духовное звание) собственными усилиями сколачивали капитал, необходимый для создания семьи, они вступали в брак, но, как правило, довольно поздно. Наиболее характерные черты европейского типа брачного поведения (это даже не количественные характеристики) – поздние браки, высокий уровень окончательного безбрачия, принцип нукlearной семьи, а принципиально качественное отличие от брачной морали, существовавшей тогда и существующей теперь в большинстве стран Запада: что не вступить в брак – это не значит быть не таким, как все. «Старые холостяки» и «старые девы» никогда не были окружены презрением. Конечно, считалось, что лучше быть женатым или замужней, но с неизменным условием – если ты в состоянии содержать семью. Вступление в брак людей несостоятельных иногда имело место, но это был более резкий вызов общественному мнению, чем отказ от брака вообще.

В России (как и в других патриархальных культурах), брачная мораль уже в средние века резко отличалась от морали западноевропейской как по количественным, так и по качественным характеристикам. Считалось, что вступать в брак нужно в раннем возрасте, независимо от того, есть ли у молодых необходимые средства для содержания семьи. Не было майората: наследниками являлись все дети. Модель демографического поведения православного населения определялась крестьянством. Она оставалась основной и референтной для подавляющего большинства населения, с некоторыми изменениями для дворянства и образованных слоев населения. Представления о ценности семьи и детей крестьянской этики совпадали с представлениями о них согласно православной этике. Безбрачие даже в первой поло-

вине XIX в. рассматривалось как преступление, как своего рода безнравственное поведение (кроме, конечно, «черного» духовенства). При этом не вступить в повторный брак после развода или овдовения считалось почти так же плохо (для молодых мужчин и женщин), как никогда не вступать в брак. С точки зрения русского земледельца, брак – важнейшее условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса. Неженатые мужчины, достигшие бракоспособного возраста, вызывали презрительное отношение. Статус неженатого свидетельствовал о его неполноценности. Невеселая судьба ожидала и незамужнюю женщину, которая девичеству всегда предпочитала самую плохую партию (о чем свидетельствуют русские пословицы). Как мы уже отмечали, отсутствие необходимых средств не препятствовало вступлению в брак даже самых бедных людей, как, впрочем, и теперь это не является вызовом общественному мнению. Не было также принято обязательное проживание женатых детей отдельно от родителей сразу же после свадьбы и считалось допустимым содержание первых за счет последних в течение нескольких первых лет брака.

Вообще, вступление в брак не означало немедленного начала самостоятельной жизни. Поскольку в брак вступали подчас в очень раннем возрасте, то, по сути дела, молодые приобретали не столько супруга, сколько новых родителей. В обыденном сознании нашего человека сформировалось достаточно четкое представление о роли бабушек и дедушек в жизни подрастающего поколения. Таким образом, наиболее характерные черты традиционного типа брачного поведения, то есть его количественные характеристики – ранние браки, несостоятельность, совместное проживание с родителями – порождали принципиально качественные его характеристики: пренебрежительное отношение к «старым девам» или женщинам, предпринимающим неудачные попытки замужества; скрытое презрение к разведенной женщине, повторно не вступившей в брак после развода; безразличное отношение к потомству со стороны мужчины, с легкостью оставляющего своих детей на иждивение и заботу матери; качественно негативное отношение к потомству как со стороны мужчины, так и со стороны женщины (лучше родить ребенка для себя, чем не родить вообще). Таким образом, для брачного морального сознания типичного россиянина

ценностью является не семья, а скорее сам факт брака, что становится еще более понятным, когда речь идет о таком явлении, как гражданский брак. Социокультурные и экономические сдвиги в изменяющейся России имеют определенные психологические последствия – тенденцию к модернизации общественного морального сознания. Однако из-за доминирования в управлении обществом мужчин и господства маскулинной морали женщина до сих пор вынуждена играть по мужским правилам и отвечать предельно являемым ей ожиданиям.

Современный мир благоприятствует главенствующей роли женщины, но, получив бразды правления в свои руки, она копирует мужчину, оставаясь верной традициям, на которых выросла. Она будто не способна найти и утвердить себя без мужчины, семьи и традиционного общества. Женщина не прощает недостаточного мужского внимания к ее сексуальной исключительности. В большинстве случаев женщина стремится к обладанию через сексуальные отношения. Подобной точки зрения придерживаются практически все исследователи-мужчины, затрагивающие антропологические, психологические, культурологические стороны жизни женщины: «Основу символической функции женщины составляет именно этот аспект ее бытия и положения в обществе, прямо или косвенно задающий и определенный социальный статус» [4, с. 42].

Начало диалога

Итак, философы и психологи обосновывают различие мужчины и женщины. Но можем ли мы сказать, что не встречаем логичных женщин и чувственных мужчин; активных, властных, доминантных, агрессивных женщин и пассивных, подчиняющихся мужчин? Наблюдения же показывают, что ни в биологическом, ни в психологическом смысле, не встречается чистой мужественности или чистой женственности. У каждой личности наблюдается смесь психологических признаков своего и противоположного пола. Современная психология выделяет по четыре полоролевых типа, свойственных мужчинам и женщинам: мужественный, женственный, андрогинный (двуполюй) и недифференцированный. Однако следует понимать, что двуполюе человеческое существо наделено определенным полом, и оно не может соединять в себе противоположные сущности, пока не обретет свою собственную. Эта сущность должна стать тождественной самой

себе и принимающей себя во всех аспектах свойств, мужских и женских.

Знаковую тенденцию выявляют труды А. В. Разина. Ориентируясь на гуманизацию этики, мыслитель пытается снять оппозицию «должного» – «сущего», характерную для традиционной маскулинной морали. Диалог мужского и женского начал возможен лишь с учетом особенностей женских образов морали. Одним из проявлений реального гуманизма станет такое взаимодействие, основанное на принципе комплементарности, которое допускает объединение разных сущностей под одной природой и предполагает, что данные сущности взаимообогащают друг друга: «Дополнительность не предполагает превращения взаимодействующих сторон (дополняющих компонент) в борющиеся противоположности. Это означает, что ни одна из них не стремится занять доминирующую позицию и выступить в качестве системообразующего принципа» [3, с.108]. Это «снимает отчуждение, вызванное тем, что человеку навязываются внешние, непостижимые рациональным мышлением принципы поведения» [3, с. 113]. Развивая интуицию А. В. Разина о комплементарном характере этики будущего в плане сочетания в ней моральных и прагматических мотивов, представляется целесообразным расширить поле этической комплементарности, включив в него принцип взаимодополнительности мужского и женского начал в морали. Внесение в мораль женского измерения, как фактора ее гуманизации опосредованно может стимулировать выход из глобального кризиса мира и человека, кризиса, обусловленного техногенной цивилизацией и маскулинной культурой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апокрифы древних христиан: исследования, тексты, комментарии / пер. статей, примеч. и коммент. И. С. Свенцицкой, М. К. Трофимовой. – М.: Мысль, 1989. – 333 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель; пер. Г. Г. Шпета. – М.: Наука, 2000.
3. Разин, А. В. Основания комплементарной этики / А. В. Разин // Философия и общество. – 2000. – № 4. – С. 92–113.
4. Флиер, А. Я. Женщина как «культурный текст» / А. Я. Флиер // <http://yanko.lib.ru>
5. Штейнберг, У. Конфликты, связанные с мужской идентичностью // Круг внимания: клинические аспекты юнгианской терапии / У. Штейнберг; пер. с англ. Е. Самсоновой, В. Мершавки. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 1998 // www.jungland.ru
6. Элиаде, М. Прологомены религиозного дуализма: Диалог и противоположности // Космос и история: Избранные работы / М. Элиаде; пер. с франц. и англ. под ред. И. Р. Григулевича, М. Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – 311 с.

УДК 316.6.008:9
ББК 71.88

И. К. Чермушникова

ИМИДЖ В ЭПОХУ «ВОССТАНИЯ МАСС»

Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: stepanidabox@mail.ru

В статье рассмотрены особенности формирования имиджа в современной социокультурной ситуации, которая характеризуется как «восстание масс». Главными особенностями современной практики создания имиджа названы возрастание роли информационно-знаковых компонентов, отсутствие доминанты и достоверных знаков в имидже, а также исчезновение категории «прекрасное».

Ключевые слова: имидж, социокультурная практика, массовая культура, плюрализм культурных форм, глобализация.

I. K. Chermushnikova

IMAGE IN THE EPOCH OF THE «RISE OF CROWD»

Volgograd State Medical University

The article considers the specific features of the image-creating process in the modern cultural situation, which is characterized as the epoch of the «rise of crowd». The author reveals the following general features of current practice: increasing of the role of information components, disappearance of the authentic signs in the image, disappearance of the category of «beauty».

Keywords: image, social and cultural practice, mass culture, pluralism of the cultural forms, globalization.

XX век справедливо называют веком «восстания масс», поскольку в процесс создания культурных форм и культурных феноменов включились новые творцы. Современную культуру называют массовой, квазикультурой и даже антикультурой. Однако все, что происходит в культуре, каким бы странным оно ни казалось, всегда направлено на осуществление одной цели – сохранение и воспроизведение ее самой как неотъемлемого, неуничтожимого способа человеческого бытия.

Культура предоставляет каждому ее носителю необходимые ориентиры, модели мира, интеллектуальный инструментарий, поведенческие паттерны, ценностные иерархии. На всех этапах развития, культура как организм постоянно поддерживает свой гомеостаз (термин О. Шпенглера), оставаясь всегда самой собой и одновременно непрерывно обновляясь. Идет постоянный процесс инкультурации или включения каждого отдельного индивида в процесс создания и освоения культуры. В век «восстания масс» только массовая культура может быть релевантной для ее носителей.

Невозможно дать обобщенное представление о ментальности эпохи XX века, несомненно одно: в XX веке конвенционализм и консенсус стали устаревшей и подозрительной ценностью. Плюрализм и многообразие, напротив, стали ценностями безусловными и непререкаемыми. Человек всегда с тревогой относился к

тем периодам развития культуры, когда вторжение инноваций ощущалось более остро, чем сохранение традиций. Знаменитое восклицание: «О, времена! О, нравы!» отражает тревогу по поводу слишком быстро наступающих изменений в культуре.

Чем же принципиально отличается современный этап от всех предыдущих, что заслуживает столько нелестных эпитетов, и почему нашего современника называют «одномерным человеком» (Г. Маркузе) с убогой духовной жизнью? Изменения в культуре всегда идут по двум направлениям: глобализация (географическое измерение) и демократизация (социальное измерение) Когда же происходит смешение всего, что есть в культуре по вертикали и горизонтали, тогда сметаются старые иерархии и на их месте создаются новые. А может быть, как в современной культуре, иерархии не создаются вовсе, и перестают быть обязательным условием сосуществования элементов культуры. Тогда мы констатируем, что культура носит *мозаичный* характер: в ней нет привычных ориентиров, в ней все имеет право на существование, все существует рядом и параллельно. Как ни старалась культура на всех предыдущих этапах сохранить равновесие между традициями и новациями с помощью выстраивания и поддержания иерархий, сегодня она тщетно пытается сохранить свой кокон [1, с. 198]. Главным в менталитете современного человека становится не-

приязнь и недоверие к любому порядку, жестким нормам, традиционным системам ценностей.

«Раньше главными в любой культуре были так называемые «метаповествования» и «объяснительные системы, ...которые транслировали каждому носителю культуры утвердившуюся модель мира, будь то образ древа мира древних культур, схема дольнего и горнего миров в христианстве, ренессансная модель антропоцентризма, чертеж мирового механизма в рационализме, эволюционные кривые позитивистов или, скажем, производственный график у марксистов. Эти целостные «мифологии» культур... нивелируют различия, ограничивают свободу выбора, навязывают нормы и иерархии...» [1, с. 199].

Сегодня все культурные модели равны. Для этого есть много объективных причин. Первой и главной является рождающееся на наших глазах информационное общество, которое создает технологические условия для взаимодействия и распространения культур за пределы своих границ, а, значит, и для создания общемировой глобальной культуры. Благодаря новому уровню доступа огромных масс к закрытой ранее информации, усиливается социальная подвижность, разрушаются привычные социальные барьеры. Активными творцами культуры становятся представители самых разных социально-культурных групп, разных по этнической принадлежности, культурно-образовательному уровню, возрасту, профессии и т. д. Там, где была разрушена одна привычная модель, возникают тысячи новых субкультур, моделей, ценностей.

Демократизация культуры приводит к мультикультурализму, который всегда означает отрицание единой культурной нормы. Феномен «восстания масс», которым отличается современный этап развития культуры, выражается в эмансипации прежде маргинальных субкультур. Раньше нормативный образец в культуре заказывался элитой и формировался в соответствии с идеологическими представлениями, удобными для нее. Средний индивид был лишь потребителем (разной меры активности) культурного продукта, который производила элита, теперь он сам становится активным производителем этого продукта. Средние индивиды по своей сути являются скорее «*homo naturalis*», чем «*homo carnis*», и отличаются друг от друга меньше, чем личности, которые являлись осоз-

нанными творцами культуры на более ранних этапах. Однако такое деление на заказчиков-производителей и пассивных потребителей культуры сегодня выглядит несколько архаичным.

Увеличение числа культурных моделей и делает культуру *клиповой, мозаичной*, где нет правильного и неправильного, высокого и низкого, профессионального и непрофессионального. Единственно возможной констатацией о любой вновь возникающей культурной форме становится утверждение о том, что она другая или новая. Все перечисленные магистральные тенденции современной культуры нашли свое зримое воплощение в практике создания имиджа нашего современника.

«Ужасно неприлично сейчас быть «нормальным»... без какого-нибудь ярко выраженного, и желательно интересного невроза. Гораздо лучше принадлежать к какой-нибудь маргинальной группе» [1, с. 199].

Интерес к имиджу заметно обостряется в переломные моменты развития. Нам представляется возможным говорить о том, что возрастание роли имиджа в политической, экономической и социальной практике современного мирового сообщества связано в первую очередь с переходом к информационной стадии развития общества. Глобализационные процессы и связанные с ними разнонаправленные тенденции к унификации и обособлению культур ведут к активной эксплуатации имиджей.

Основой постиндустриального пути развития становится информационно-сотовый строй общества. В развитых обществах складывается суперсимволическая система общественного богатства, основанная на использовании информационных технологий, то есть на использовании интеллектуальных способностей человека, а не его физической силы» [2, с. 82–86]. Вместе с этим окружающая среда *из вещно-предметной становится информационно-знаковой*. Человек не в состоянии обрабатывать и хранить такие объемы поступающей информации, поэтому он начинает пользоваться ярлычками событий, или объектов, отсылающими на стоящие за ними объемы информации [3, с. 23]. Подобно тому, как целый текст сворачивается до одного символа или иероглифа, так и имиджевые представления закрепляются в повседневной жизни, а удачно выбранные ярлычки становятся хорошо узнаваемыми, работающими на осуществление коммуникации.

У нас нет времени углубляться, детализировать информацию о каждом человеке, поэтому в контакте мы опираемся на визуальные характеристики, причем выбираем лишь две-три значимых, которые воспринимаем, оцениваем, анализируем. В соответствии с нашими представлениями о социальных ролях и статусах, мы судим о его внутреннем «я», о личных и деловых качествах, соотносим (идентифицируем) человека с той или иной социальной группой. Имидж в этом случае выступает как семиотическая система, знак, код или символ.

В этой связи интересно рассмотреть феномен «тотальной семиотизации бытия вплоть до обретения знаковой сферой статуса единственной и самостоятельной реальности», который описал в своей работе «Симулякры и симуляции» (1981) философ-постмодернист Ж. Бодрийяр. Согласно его теории, лозунгом современной культуры может стать формула «замены реального знаками реального». Единственная реальность, с которой имеет дело культура постмодернизма – это «пустой знак» или «знаковая реальность». Ж. Бодрийяр демонстрирует целый спектр феноменов, доказывающих, что «пустой знак» и «знаковая реальность» экстраполировались на все сферы социальной жизни [4, с. 15–17, 281–282.]

Те же процессы еще в большей степени правят сферой информации и коммуникации: «все поле информации заполнено фантомным содержанием, повсюду происходит радикальная утрата смысла. Продолжая список этих феноменов, можно смело отнести к ним политический имидж, который является лишь фантомным образом, оболочкой при полном отсутствии содержания.

Р. Барт указывает еще на один важнейший исторический парадокс современности: развитие техники, приводящее ко все более широкому распространению информации (в частности, изобразительной), создает все новые и новые средства, которые позволяют смыслам, созданным человеком, принимать вид смыслов, заданных самой природой [5, с. 312].

На протяжении веков имидж был скорее результатом неосознанных коллективных усилий. Во всяком случае, доля этих коллективных усилий была всегда заметна в имидже отдельного индивида, который не просто усваивал основные типические черты, но зачастую полностью растворялся в них. Со временем доля коллективных усилий становится меньше, и имидж

все больше превращается в результат творчества самого индивида. Сегодня групповой имидж является скорее простой суммой индивидуальных имиджей, а не средним арифметическим показателем, который нивелирует индивидуальные особенности.

Несмотря на то, что в обществе всегда существовали типические имиджи разных социальных групп со всем набором их характерных особенностей, вектор в создании имиджа всегда задавался элитой. Остальные группы стремились по возможности приспособить этот имидж к своим условиям жизни и материальным возможностям. Современная культурная ситуация, которую А. Тойнби характеризовал как «стадию надлома цивилизации», в корне отличается от вышеупомянутой. Признаками такого надлома являются: недостаток творческой силы у творческого меньшинства (элиты), отказ большинства от подражания меньшинству и утрата социального единства в обществе [6, с. 438].

Сегодня ситуация изменилась. Обездоленные прежде в праве создания имиджей группы, классы и прослойки с тройной энергией, которая сдерживалась на протяжении веков, создают свои культурные модели и образчики. Удельный вес субкультур различных групп в современной культуре заметно увеличился и продолжает расти. Подражание элитарным образцам потеряло свою привлекательность и перестало быть увлекательным занятием для большинства, поскольку сам процесс копирования и подражания стал технологически доступным. Большинство из этих групп стремится не столько пробиться в элитарные слои, сколько просто заявить о себе, стать заметными, отделить себя ото всех других групп метасистемы. Представители различных субкультур сознательно занимаются созданием своих имиджей, через которые заявляют о своих ценностях и пропагандируют свои нередко сомнительные ценности. Разнообразие этих групп поражает даже самое смелое воображение: сегодня насчитывают более трех тысяч субкультур.

Современная ситуация внесла в процесс формирования имиджа еще одну новую тенденцию – наблюдается не только смешение стилей и эклектичность, но и полная потеря достоверных знаков в облике. Понять «имиджевое сообщение» становится непростой задачей по причине «отсутствия выраженного смысла». Но это не отсутствие как таковое, а такое «отсутствие смысла, которое чревато всеми

возможными смыслами» [5, с. 308]. Если раньше в обществах традиционной культуры имиджевые знаки выражали достоверную информацию, то «в современном костюме совершенно отчетливо «выражена тенденция к подмене достоверной информации информацией ложной» [7, с. 236].

В любом обществе существуют некие идеальные образцы (И. Кант называл их «идеями нормы»), которые разделяются большинством представителей одной и той же социальной группы. В традиционных обществах эти общепринятые нормы-образцы имеют довольно выразительные узнаваемые формы. Можно предположить с большой долей вероятности, что об одном и том же предмете большая часть членов такого сообщества отзовется сходным образом: это красиво или это некрасиво.

Совсем по-другому обстоят дела в современном обществе. Образы, которые создает современный человек, уже нельзя оценить с помощью простого соотнесения с неким образцом-идеалом. Многие абсолюты человеческого бытия, в том числе и красота, перестают иметь четкие контуры, а само понятие и феномен прекрасного все реже включается в современный культурфилософский дискурс.

Еще одна особенность современной практики создания имиджа – исчезновение категории «прекрасное». Центральная для классической эстетики, она все больше подменяется сегодня категорией «индивидуального», «уникального», «выразительного», «неповторимого». «Выразительное» и «своеобразное» нередко бывает безобразным, порочным, но при этом эстетизируется и преподносится как нечто уникальное, самобытное, эксклюзивное.

Сегодня в повседневной жизни мы редко ценим правильную, безукоризненную красоту, нам больше нравится внешность нестандартная, выразительная, отклоняющаяся от нормы, именно потому, что она выражает особенности внутреннего мира отдельно взятого человека. С одной стороны, в этом видится тенденция

гуманизма, понимание ценности разнообразия (итальянский гуманист Лоренцо Вала восторгается неопишущим искусством природы в создании человеческих лиц, разнообразие которых наводит на мысль о чуде); с другой – происходит подмена и разрушение традиционных ценностей. Образ красивого человека сначала незаметно подменяется образом красавчика или красотки, а затем происходит эстетизация грубой чувственной силы, порока, а безобразное начинает выступать как превращенная форма прекрасного, отбирает его функции и начинает играть его роль.

Практика создания имиджа на современном этапе развития общества отражает все особенности развития культуры XX века. Можно выделить следующие факторы, определяющие особенности практики создания имиджа в современном обществе:

- возрастание роли всех информационно-знаковых компонентов;
- отсутствие доминанты, многообразие имиджей;
- отсутствие достоверных знаков и появления альтернативных способов демонстрации социально-значимой информации;
- исчезновение категории «прекрасное».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Калугина, Т. П. Художественный музей как феномен культуры / Т. П. Калугина. – СПб.: Метрополис, 2008. – 244 с.
2. Анурин, В. Ф. Политическая стратификация: содержательный аспект / В. Ф. Анурин // Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 82–90.
3. Почепцов, Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2000. – 76 с.
4. Бодрийяр, Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. – М.: AD Marginem, 2000. – 318 с.
5. Барт, Р. Риторика образа / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 512 с.
6. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
7. Стародумова, Е. В. Современный костюм как социокультурный код времени / Е. В. Стародумова // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Том III. – Вып. 7. – С. 229–241.

УДК 247 : 282 (4)
ББК 85.128 + 86.375-6

Н. А. Урсу

ТРАДИЦИОННАЯ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНТЕРЬЕРА ДОМИНИКАНСКИХ ХРАМОВ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко

E-mail: dominurs@kp.km.ua

Статья посвящена научному анализу характерных черт интерьера в зодчестве доминиканцев. Автор исследует художественно-композиционные особенности интерьера монахов, их отличие от других католических храмов, а также зависимость от конституции ордена и характера проповедования.

Ключевые слова: доминиканский орден, мениканти, сакральная архитектура, монастырь, интерьер, амбон, алтарь.

N. Ursu

TRADITIONAL SPACE AND FUNCTIONAL ORGANIZATION OF THE INTERIOR OF DOMINICAN TEMPLES OF WESTERN EUROPE

Kamenets-Podolsky Ivan Ohienko National University

The article gives a scientific analysis of characteristic features of the interior of Dominicans' architecture. The author investigates artistic-compositional aspects of monks' interior, their distinctions from other catholic constructions and dependence on the order constitution and the nature of propagation.

Keywords: dominican order, mendicants, sacral architecture, cloister, interior, ambo, altar.

Орден доминиканцев был создан Домиником Гусманом в 1215 году как сообщество братьев-проповедников и относится к меникантикам – нищенствующим монахам (от лат. mendicus – нищий). В соответствии с конституцией ордена высота храмов, которые относились к раннему периоду постройки (XIII в.), не должна была превышать 11 метров, а здание должно было выглядеть крайне убого и сурово; к тому же сначала запрещалось строить храмовые башни. В интерьере не позволялось размещать скульптуры, резные компоненты и цветные витражи [1, с. 281]. Храмы нищенствующих орденов периода средневековья преимущественно готические с реминисценциями романского стиля. Такая интеграция наиболее полно позволяла демонстрировать первозданную суровость, аскетизм, минимум украшений и лаконичный характер интерьера архитектурных объектов.

В то же время нередко именно доминиканцы шли на определенные нарушения установленных регул. Часто попытки руководства ордена повернуться к скромному, упорядоченному и убогому интерьеру наткнулись на молчаливое, но мощное сопротивление со стороны монахов. Со временем все ограничения высоты и величины построек, наполнения интерьеров, а также богатства декораций в храмах перестали быть актуальными, поскольку не исполнялись на местах. Эволюция организации интерьер-

ного пространства продемонстрировала, что категории исключительного функционализма, которые искусственно насаждались при посредничестве конституции, статутов и регул, на протяжении следующих веков не имели реальной жизненной силы.

Рассмотрение концептуальных идей доминиканцев в области архитектуры вывело на первое место эволюцию в мировоззрении монахов. Зодчество братьев прошло путь от аскетизма, суровости, отсутствия украшений и лаконичности построек до пышности, блеска и репрезентативности в эпоху барокко и рококо. Особенно эта перемена заметна в интерьерах храмов, поскольку внутреннее пространство – характерная область, концентрирующая духовную и культурную жизнь верующих.

Среди развитых трехнефных структур у доминиканцев и францисканцев часто встречаются постройки без трансепта с открытыми стрельчатыми аркадами, с широкими боковыми нефами, покрытыми пульпитовыми крышами. Это стало причиной возникновения в интерьере высокой стены над аркадами, не имеющей архитектурных членений (доминиканский храм второй половины XIII в. в Ратисбоне и др.), которая часто расписывалась фресками. Инсоляция верхнего яруса осуществлялась через маленькие круглые окна, находящиеся на значительном расстоянии друг от друга. Для таких сооружений были характерны достаточно

стройные округлые либо восьмигранные без-профильные столбы-колонны, часто наблюдалось отсутствие капителей. Своды ограничивались плоскостной или крестово-реберной конструкцией [5, с. 176].

Среди надрегиональных особенностей архитектуры мендикантов главное место занимает внутреннее членение интерьера на храм для братьев и храм для верующих [3, с. 126]. Пресвитерий и монахи, находящиеся в нем, символизировали все духовное (*sacrum*), верующие принадлежали материальному миру и должны были находиться в другом, более заземленном пространстве (*profanum*). Первые молились (*oratores*), другие работали на них (*laboratores*). Разница между пресвитерием и нефом становится понятной и выступает как один из приемов воплощения идей Новой Церкви. Со временем все нищенствующие братья приняли модель двухчастного храма и создавали разные его варианты [3, с. 126–127].

Отличие литургического хора от всего интерьера акцентировалось по-разному в разных частях Европы. Когда отсутствовал архитектурно отделенный пресвитерий, сталлы (лавы) монахов можно было устанавливать в одном из нефов, в том, который, как правило, вел в монастырь (храмы в Париже, Тулузе). Другим вариантом было введение поперечной, абсолютно неорганичной перегородки (Франкфурт-на-Майне). Следующей развязкой могло быть использование однефного пресвитерия, отделенного от корпуса в плане и по высоте, который кардинальным способом отрезал братьев от верующих [3, с. 127].

В наиболее развитой форме удлиненный пресвитерий выглядит как полностью покрытое сводом, однефное пространство, с востока замкнутое полигонально. Примером может служить доминиканская трехнефная базилика Святой Троицы в Кракове, где удлиненный трехчастный пресвитерий второй половины XIII в., приподнятый во второй половине XIV в., соединялся с корпусом главного и боковых нефов.

Типология, генезис и эволюция длинного хора была многократным предметом научных размышлений [3, с. 128]. Давно констатировано, что этот тип характерен для земель на север от Альп и на восток от Рейна. На землях Центральной Европы удлиненный хор можно признать классической формой мендикантского пресвитерия, в то же время ее вообще не знали братья из Италии и Франции. До удлиненного

хора немецких храмов со временем добавлялись новые травеи. Постепенное увеличение пресвитерия наблюдается в костелах Австрии, где на рубеже XIII–XIV веков его длина достигала более тридцати метров. Хор храма доминиканцев в Вене, konsekroванный в 1302 году, был около тридцати пяти метров в длину [3, с. 128].

В интерьере удлиненный пресвитерий отделялся от основного пространства храма и хорошо читался за счет романики (предалтарной перегородки) и выступающих пилястр, на которые ложилась тенча-арка (радуга), разделяющая своды пресвитерия от нефа.

В Польше, Чехии и Венгрии не хватало подготовительной фазы, которая была бы связана с постепенным удлинением пресвитерия. Длинные хоры появились очень быстро и сразу со сводами. Несомненно, удлиненные пресвитерии, которые поддаются анализу, были образцом для построек на украинских землях. Не менее важное явление мендикантской архитектуры – в вертикализации пресвитерия, расцвет которого в Центральной Европе наступает в конце XIV века.

Прослеживается формирование определенной структурной схемы: длинный пресвитерий, относительно короткий корпус нефа с контрфорсными скосами, приставленными к междунефным колоннам.

Доминиканцы разработали собственную мировоззренческо-концептуальную контрреформационную программу, включающую и архитектурный аспект. Главным его проявлением было продолжение манифестации построек в стиле средневековья в противовес ренессансным вкусам, основными популяризаторами которых были иезуиты [5, с. 177, 179]. Орден проповедников сформировал собственный архитектурный стиль, который отличался единством готического плана и объема (3 нефа, удлиненный пресвитерий, крестовые стрельчатые своды) и барочно-маньеристического фасада и ордерных деталей в интерьере [4, с. 29].

Еще одна характерная черта отличала костелы нищенствующих орденов от других – соединение второго хора с общим пространством храма. В процессе оформления интерьеров в убранства в стиле барокко и рококо, усилились декоративные характеристики, появилась тенденция украшения главного и боковых алтарей резной скульптурой разных размеров, украшение сводов и обрамления алтарных композиций стукowym декором, настенными рос-

писями *alfresco*, инкрустацией разными породами камня и др.

Своеобразной особенностью интерьеров доминиканских храмов были фрески, содержащие сюжетно-тематические композиции-рассказы, связанные с жизнью и проповеднической миссией патриарха ордена св. Доминика, а также наиболее выдающихся представителей доминиканцев: св. Яцка, св. Фомы Аквинского, св. Раймонда де Пенафорта, св. Викентия Феррария, св. Альберта Великого, Екатерины Сиенской и др. Основной составляющей сакрального пространства, безусловно, были алтарные композиции, отражающие Марийный характер доминиканской духовности и проповедническую направленность деятельности монахов, которая была характерна мужским ответвлениям ордена.

Главный и боковые алтари оформлялись скульптурными композициями с изображениями святых ордена. Литургия не только определяла архитектурные особенности, но и приводила в порядок размещение священных образов в соответствии с общей символикой сакрального пространства и литургическим значением левой и правой сторон. Доминиканские постройки не исключение, в них постоянно звучит идея аналогии между храмом и телом Христа, идея духовного единства Мира, синтез надприродных и материальных начал. Св. Августин считал, что неф олицетворяет тело, а алтарь – душу. Сердце каждого храма – главный алтарь, расположенный в пресвитерии.

Скорее всего, именно доминиканцы ввели использование амвонов и конфессионалов (исповедален). Проповеднические кафедры (амвоны), как правило, располагались на колонне арки, отделяющей пресвитерий от нефа, но часто были вынесены на средний столб центрального нефа, прямо среди лавок, где сидели верующие. Им придавалось особенное значение. Амвоны часто оформлялись балдахином с изображением Святого Духа в виде голубя, вдохновляющего священников во время проповеди, украшались деревянным либо стукочным декором, аллегорическими фигурами и находились на значительном возвышении. Этот компонент в постройках мендикантов был своеобразным центром костела, и после главного алтаря с табернаклем, где хранилось Тело Христа (Святое Причастие), занимал второе место. Амвон с особым вниманием украшался рельефными и позолоченными деталями, декорировался мозаикой.

Исповедалням, дополняющим идею проповедования тайной исповеди и соединения с Богом, уделялась не меньшее внимание. Вырезанные из дерева, инкрустированные, обустроенные максимальными удобствами для священников и их пенитентов, исповедални часто находились в боковых нефах с целью обеспечения тайны исповеди. Фигурку св. Яна Непомука, патрона доброй исповеди, часто можно было увидеть поблизости от конфессионалов.

На землях Западной и Центральной Европы в костелах доминиканцев нередко можно наблюдать разницу между каменным либо кирпичным сводом над удлиненным хором и деревянным плоским потолком корпусов нефов. Такая непохожесть между ними наблюдается в постройках монахов в Сиене, Париже, Тулузе, Кольмаре, Гuebвиллере (Эльзас), Болонье, Пьяченце [2, с. 21–23]. Место, где находились верующие, было более аскетическим в сравнении с утонченно изысканным пространством под сводом главного алтаря. Эта особенная черта – плоский потолок по образцу стодолы характерна постройкам именно доминиканского ордена. Ее создание и экзистенция тоже были продиктованы подчеркиванием первоначального аскетизма и убожества, содержащегося в статуте монахов.

В интерьере мендикантов XVIII в., как результат влияния донаторов и фундаторов, также наблюдается усиление роскошных декоративных деталей внутреннего пространства за счет его оформления в стилях барокко и рококо, появления скульптуры, стукочного декора, настенных росписей. Во внутреннем пространстве позднейших построек, а также реставрированных храмах можно увидеть частое использование ордерной системы – пилястр с капителями для декоративного оформления и акцентирования междунэфных проходов и колонн.

Таким образом, в интерьере храмов ордена наблюдаются следующие черты, характерные именно для доминиканских построек: удлиненный пресвитерий, приподнятый на одну-три ступеньки; короткий корпус нефов; разница между сводами пресвитерия и нефов; на первых этапах отсутствие скульптуры, резных компонентов и цветных витражей; бытование каменного либо кирпичного свода над главным алтарем и плоского деревянного потолка над нефами по образцу стодолы; внедрение амвонов для проповедования и конфессионалов для исповеди со знаками и фигурами, символизир-

рующими проповедническую идею ордена; использование в интерьерах позднейших объектов ордерной системы; соединение второго хора с общим пространством храма; усиление декоративных черт внутреннего пространства за счет надления их барочным и рококовым убранством, появление скульптуры, стукowego декора, настенных росписей; преобладание в интерьере в период барокко произведений искусства, дорогих ценных подарков от донаторов; украшение храмов росписями, освещающими эпизоды из жизни доминиканских святых; обязательное присутствие алтарных композиций и скульптур, посвященных доминиканским святым.

Перечисленные характерные особенности западноевропейских объектов зодчества свидетельствуют об определенном отличии интерьера доминиканского храма и в то же время его интегрированную суть и органическое единство со всей христианской Церковью.

УДК 75(438)“18”
ББК 85.103(4 Пол)5

И. В. Березина

НАПОЛЕОН ОРДА: ХУДОЖНИК-ДОКУМЕНТАЛИСТ И КУЛЬТУРНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко

E-mail: biv-2008@yandex.ru

В статье анализируется творческая деятельность мастера архитектурного пейзажа Наполеона Орды как художника-документалиста и культурного деятеля.

Ключевые слова: архитектурный пейзаж, ведута, рисунок, литография, иконографический источник, топографический пейзаж.

I. V. Berezina

NAPOLEON ORDA: PAINTER-DOCUMENTARIST AND CULTURAL WORKER

Kamenets-Podolsky Ivan Ohienko National University

The article analyses creative activities of the master of architectural landscape Napoleon Orda as a painter-documentarist and cultural worker.

Keywords: architectural landscape, veduta, drawing, lithography, iconographic source, topographic landscape.

Творческое становление Наполеона Орды как художника и культурного деятеля происходило в то самое время, когда чрезвычайно актуальным было обращение к истории, сохранение для последующих поколений лучших образцов материальной и духовной культуры, в том числе архитектурных объектов и ансамблевых комплексов. Во второй половине XIX в. усиливаются социальные и культурные тенденции, способствующие сохранению и накоплению иконографии в процессе археологических рас-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Gałkowski, J. *OP. Przepisy Zakonu Braci Kaznodziejów odnoszące się do budowy kościołów i klasztorów – rys historyczny* / J. Gałkowski *OP. // Dominikanie. Gdańsk – Polska – Europa: materiały konferencji międzynarodowej pt.: Gdańskie i Europejskie dziedzictwo. Zakon Dominikanów w dziejach Gdańska. – Gdańsk-Pelplin, 2003. – S. 279–286.*
2. Skibiński, Sz. *Architektura zakonów żebrzących jako urzeczywistnienie idei Nowego Kościoła. / Sz. Skibiński // Nasi Dominikanie. – Poznań : Poznańska Drukarnia Naukowa, 2004. – S. 20–29.*
3. Szyma, M. *Kościół i klasztor Dominikanów w Krakowie. Architektura zespołu klasztorowego do lat dwudziestych XIV wieku / M. Szyma. – Kraków, 2004. – 284 s. – Bibliogr. : s. 222–264.*
4. Горбик, О. *Київський домініканський костел XVII ст.: пошук автентичності / О. Горбик // Сучасні проблеми архітектури та містобудування. – К.: КНУБА, 1993. – Вип.6. – С. 26–30.*
5. Горбик, О. *Становлення католицького барокового провінційного храму: принципи дієцезальної та орденської специфіки / О. Горбик // Українська академія мистецтва. Дослідницькі та науково-методичні праці. – К., 2000. – Вип. 7. – С. 176–181.*

копок, краеведческих разведок, научных исследований. То, что началось в период классицизма обращением к античности, нашло отражение в тяготении к средневековой архитектуре в начале века, к итальянскому и немецкому ренессансу – преимущественно в середине столетия и, наконец, в стиле необарокко – в конце века. Культурная ситуация способствовала созданию условий для возрождения интереса к истинным ценностям у широкого круга поклонников искусства древности. Многочисленные художни-

ки исследовали и фиксировали в графических композициях, живописных полотнах и эскизах лучшие образцы архитектурного наследия. Создавалась уникальная, с точки зрения художественно-образного решения, коллекция архитектурных пейзажей. Но лишь малая доля вышеупомянутых произведений представляет серьезный интерес как иконографический источник, способный документально проиллюстрировать стилистику и типологию древнего зодчества. Наполеон Орда принадлежал к плеяде мастеров, которые с неоспоримым совершенством систематизировали накопленный визуальный материал. Художник стал летописцем в истории европейской архитектуры, в контексте которой создал галерею образов уникальных объектов зодчества.

Анализ художественной деятельности Наполеона Орды был проведен историками, искусствоведами, культурологами, среди которых М. Качановская, М. Вавжевский, Р. Желиховский, Т. Хржановский, Т. Добровольский, В. Кучеренко, С. Швец-Машкара, С. Юрченко, Ф. Мандзюк, В. Глинник, В. Киркевич, Г. Осетрова, А. Задорожнюк, А. Кулагин, С. Харевский и др.

Цель статьи – анализ творческой деятельности Наполеона Орды как культурного деятеля, художника-фиксатора объектов древнего зодчества.

Получив европейское художественное образование, осваивая новые художественные направления и формируя собственную творческую позицию, Н. Орда активно включился в идейную и культурную атмосферу второй половины XIX века [10, с. 121]. Художник планировал создание коллекции образов архитектурного наследия в контексте аутентичного пейзажа. Наполеон Орда – один из немногих, кто сумел визуализировать зодчество настолько целостно, систематизировано, масштабно. Орда анализировал визуальные образы объектов зодчества не только с точки зрения искусства, но и с исторической точки зрения. В большинстве работ, подписанных и датированных, художник размещает непосредственно на рисунках или на наклеенных карточках лаконичные комментарии, иллюстрирующие историю объекта, ансамбля или местности. Форма и способ исполнения произведений указывает на цель, которой они могли послужить. Так европейские художники готовили свои работы к литографированию. Очевидно, Наполеон Орда создавал свои композиции именно таким образом, подготавливая их к будущему альбомному изданию: все рисунки и акварели одинакового формата, с четкой фиксацией каждого архитектурного элемента. Рисунки и акварели Наполеона Орды в совокупности с соответствующими литографиями являются своеобразными документами XIX века и сохранили образы архитектурных строений, большинство из которых пострадало вследствие многочисленных исторических коллизий, в контексте которых в упадок пришло не только исследование архитектурного наследия, но и само наследие было разрушено или уничтожено. Н. Орда, будучи воспитанным на лучших образцах духовной и материальной культуры своего времени, был одним из первых, кто остро почувствовал необходимость сохранения архитектурного богатства человечества и уже тогда приложил значительные усилия для создания, тиражирования и распространения документальных портретов зодчества городов и местечек Европы, в частности, России и Украины. Среди многочисленных увлечений Наполеона Орды, в числе которых литературная, музыкальная, издательская деятельность, постепенно выкристаллизовалось главное – тщательно спланированные и систематизированные архитектурно-художественные путешествия.

Путешествуя по Гродненской, Виленской, Минской, Ковенской, Витебской, Могилевской, Волынской, Киевской, Подольской губерниям, Познанскому княжеству, Западной Пруссии и Галиции, Н. Орда активно погружался в атмосферу культурной жизни каждого региона и не мог не ощущать специфических художественных тенденций. Более всего поразили усадьбы, имения, дворцы, которые заняли особое место в его творческом наследии. Достоверность исторических данных об истории магнатских семей, представленная художником, свидетельствует о том, что он изучал частные архивы как краевед, историк и живописец одновременно. Работая на указанных территориях, Н. Орда фиксировал многочисленные объекты зодчества, среди которых обязательно фигурируют знаковые строения. Изображения последних встречаются и у других художников. В пейзажном наследии М. Сажина важное место занимают изображения архитектурных памятников Древнего Киева [1, с. 124–125]. Руины Золотых ворот, Выдубицкий монастырь появляются и у М. Сажина, и у Н. Орды, являясь свидетельством общих культурных тенденций XIX века, а также ре-

зультатом погружения Н. Орды в художественную среду края. В творчестве плеяды русских мастеров синтезировались традиции русской художественной школы с европейской изобразительной стилистикой. Именно эта школа качественно повлияла на формирование творческого метода Н. Орды и, возможно, стала толчком для тиражирования рисунков и акварелей художника посредством литографий. В жанре документально-архитектурного пейзажа чрезвычайно плодотворно работал Ф. Алексеев. На вторую половину XIX века приходится деятельность русского художника Е. Кошкина, ведуты которого имеют несколько фантастический характер без соблюдения строгих принципов изображения объектов зодчества. В отличие от Е. Кошкина, Г. Харитонов создавал гораздо более реалистические ведуты, хотя и не лишённые художественных домислов автора [6, с. 60]. В середине XIX века появляются архитектурные пейзажи художников М. Кулеши и С. Фабианского, работающих преимущественно над панорамными видами [6, с. 61–62]. Произведения Н. Орды перекликаются с работами вышеупомянутых художников, но в то же время качественно отличаются документальностью изображения, достоверностью передачи пластических, стилевых, региональных аспектов объектов зодчества.

Таким образом, распространяется, воспринимается и пользуется спросом в обществе архитектурный пейзаж как феномен, который, с одной стороны, приобретал национальные черты, а с другой – вобрал в себя современные на тот момент европейские художественные признаки. Об этом свидетельствуют произведения зарубежных художников, путешествовавших и творящих на территориях упоминаемых губерний: итальянца К. Бассоли, французов К. Сестеро де Лаутерекена и Якопо де Флиза, немцев И. Зейдлица, А. Ланге, Я. Мюнтца, Е. Кронбаха, поляков М. Стенчинского, И. Бартуса, Сириса и других. Сравнительный анализ творчества этих художников и Наполеона Орды позволяет сделать вывод, что он наилучшим образом продемонстрировал в своем творчестве стилистику и типологию архитектурного наследия отдельного региона сквозь призму графических и живописных тенденций XIX века. Рисунки Сириса представляют собой городские панорамные виды, главная характеристика которых – символичность изображения [12, с. 311]. Произведения художника не могут быть ис-

пользованы в качестве иконографического материала, поскольку имеют романтический, обобщенный характер и решают в первую очередь художественно-изобразительные задачи. В отличие от Сириса, Н. Орда, создавая многочисленные панорамные виды, максимально конкретизировал изображения, что дает возможность атрибутировать конкретные архитектурные объекты и воссоздавать их в рамках архитектурно-ландшафтной среды, градостроительной структуры. Художник и писатель М. Стенчинский был одним из активнейших польских исследователей-краеведов; для передачи личных впечатлений иллюстрировал свои литературные произведения литографиями. Выраженный краеведческий аспект присущ и творчеству Н. Орды, который формировал литографии по оригинальным графическим композициям в контексте территориального принципа и сопровождал рисунки информацией исторического и искусствоведческого характера. В 1847 году во Львове была издана книга М. Стенчинского «Окраины Галиции» с образами края работы художника [12, с. 311]. В данном случае архитектурные пейзажи мастера – ценный иконографический источник локального характера, в то время как галерея объектов зодчества, зафиксированных Н. Ордой, – сознательно спланированная культурная акция европейского масштаба. Йозеф Зейдлиц некоторое время работал как художник-миниатюрист. Веяния времени привели его к вездутному жанру. Ведуты Й. Зейдлица носят панорамный характер, актуальный в то время, с элементами стаффажа. Произведениям Н. Орды также свойственен прием стаффажа (необходимо заметить, что элементы стаффажа чаще появляются в литографиях, чем в оригинальных композициях художника) [9, с. 703]. Антоний Ланге, воспитанник Венской академии, занимался пейзажем во Львове. Примером для него были произведения Клода Лоррена, близкие по романтическому настроению и театрализованной эффектности, оживленные человеческим стаффажем. Наполеон Орда, получив художественное образование во Франции, безусловно, ощутил влияние К. Лоррена, но использовал это на современном, характерном для XIX века изобразительном уровне, что дает возможность сравнивать графические композиции Н. Орды и А. Ланге, которые находились в одном художественном пространстве и были подвластны общим социально-культурным убеждениям.

А. Ланге писал пейзажи с конкретным мотивом – изображения замков Львовщины. Его исполнение отмечалось гладкой, будто полированной фактурой, общим светлым тоном и ясностью цветовых и тональных, достаточно сдержанных отношений. В поздних пейзажах А. Ланге четко раскрылся идиллический и надуманный характер его пейзажной живописи, которая балансировала между классицизмом и театральным зрелищем. И хотя сценография заметно определяла этот отрезок творчества А. Ланге, она отсутствует в точных зарисовках Львова, в панорамных видах города, выполненных акварелью и графически, заполненных светом, что придавало изображениям особую поэтичность [8, с. 95]. Смешанная техника, передача специфического регионального колорита присущи и творчеству Н. Орды, что только усилило архитектурно-краеведческую сущность зафиксированного им. Ведуты Н. Орды лишены надуманности, наоборот, они максимально достоверны и с точки зрения истории, и с точки зрения архитектуры. А. Ланге параллельно с Алойзием Рейханом, Антоном Лаубе, Клерже Губергом, Клементом Теодором, Карелом Атером и многими художниками-амато-рами готовил рисунки с видами Львова для известного в городе литографического заведения П. Пиллера. В 1824 г. П. Пиллером был издан альбом «Галицкие виды» по рисункам А. Ланге. Такие виды не имели высокой художественной ценности, их заданием было создание своеобразного документа, реалистического изображения городской среды, портрета конкретного архитектурного объекта. Вся эта продукция соответствовала эстетическим запросам своего времени и в определенной степени их формировала. Архитектурные пейзажи создавались без какой-либо фантазии, ибо необходимым условием такого пейзажа была точность и объективность нарисованного с природы или с очерков, без причастности к какому-либо художественному направлению. Тем не менее именно в таких пейзажах отражалась конкретика исторических обстоятельств, а работа в тесном контакте с природой привела к проникновению пленерности в искусство ведуты, что в определенной степени оживляло изображение [3, с. 215–218]. Такая объективность, скрупулезность, точность трактовки архитектурной среды была характерной и для Н. Орды и стала основным качеством его творчества. Наполеон Орда принадлежал к плеяде художников, кото-

рые формировали традиции ведуты в западно-европейских топографических пейзажах [5, с. 49]. Искусство литографии быстро распространялось по европейским территориям, популяризируя одновременно и личность художника, и его творческое наследие. Подтверждением данного факта выступает художественное наследие и культурная деятельность Наполеона Орды, серьезная часть оригинальных рисунков которого была переведена в литографии. Литографии по поручению Н. Орды выполнял гравер по камню Алоиз Мисерович в литографическом цеху в Варшаве [10, с. 118].

Можно провести аналогию между рисунками Н. Орды и О. Титца. Видовой пейзаж обоих художников характеризуется реалистическим видением, оригинальностью взгляда, быстротой штриха, богатством тональных нюансов, введением тенденций перспективно-панорамных ландшафтов, которые принадлежали к распространенному в середине XIX века топографическому жанру [5, с. 50]. Творческое наследие Я. Г. Мюнтца – уроженца Эльзаса, художника, архитектора, военного инженера – представлено 140 цветными акварелями, которые дают представление про Волынь и Подолье: села, местечки, города. Фиксируя виды местности, он записывал даже географические показатели. Это напоминает творческий метод Наполеона Орды, главной характеристикой которого стали архитектурно-художественные путешествия [11, с. 451–452]. Я. Г. Мюнтц, как и Н. Орда, часто использует метод стаффажа и вводит в свои ведуты отдельные фигуры или группы людей, но у него отсутствуют четкие соотношения горизонтальных и вертикальных членений, не зафиксированы отдельные элементы зодчества, способные пролить свет на архитектурно-художественные направления.

Уникальность художественного наследия Наполеона Орды заключается в сознательно спланированной, пролонгированной работе по фиксации лучших архитектурных объектов, ансамблей зодчества, панорамных видов. Его акварели и рисунки, переведенные в литографии, демонстрируют пеструю картину древнего зодчества (те архитектурные памятники, которые не сохранили свой первичный вид; те, которые пропали навсегда; те, которые были руинами уже в XIX веке, и небольшое количество тех, которые и до сих пор можно наблюдать в первоначальном виде). Рисунки художника, которых, безусловно, больше, чем лито-

графий, – бесценный иконографический материал для научно-исследовательских поисков в области истории архитектуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Возницький, Б.* Микола Потоцький староста Канівський та його митці архітектор Бернард Меретин і сницар Іоанн Георгій Пінзель / Б. Возницький – Львів: Центр Європи, 2005. – 160 с., 220 іл.
2. *Жаборюк, А. А.* Мистецтво живопису і графіки на Україні в I пол. і серед. XIX ст. / А. А. Жаборюк – К., 1983. – 346 с.
3. *Жаборюк, А. А.* Український живопис останньої третини XIX – поч. XX ст. / А. А. Жаборюк – К., 1990. – 309 с.
4. *Історія української архітектури* / [Ю.С. Асеев, В. В. Вечерський, О.М. Годованюк та ін.]; за ред. В.І. Тимофієнка. – К.: Техніка, 2003.
5. *Король, С.* Традиції ведуги у львівських топографічних краєвидах / С. Король // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв: Збірник наукових праць за редакцією Даниленка В. Я. – Харків: ХДАДМ, 2005. – № 1. – Ч. II. – С. 42–51.
6. *Петров, М. Б.* Історична топографія Кам'янець-Подільського кінця XVII–XVIII (Історіографія. Джерела) / М. Б. Петров. – Кам'янець-Подільський: Абетка – НОВА, 2002. – 384 с.
7. *Пламеницька, О. А.* Забудова Кам'янець-Подільського за мідьоритом К. Томашевича 1673 – 1679 рр.: до проблеми дослідження української ведуги / О. А. Пламеницька // Архітектурна спадщина України. – К.: Українознавство, 1996. – С. 82–105.
8. *Яців, Р. М.* Львівська графіка / Р. М. Яців. – К.: Наукова думка, 1992. – 118 с.
9. *Encyklopedia Popularna PWN. Wydanie piąte.* – Państwowe wydawnictwo naukowe. Warszawa. – 1982. – 912 s.
10. *Kaczanowska, M.* Napoleon Orda twórca widoków architektonicznych zarys życia i twórczości / M. Kaczanowska // Rocznik muzeum narodowego w Warszawie: XII. – Warszawa, 1968. – S. 115–159 (BDSK).
11. *Rolle, J.* (Dr. Antoni J.) Zameczki podolskie na kresach multańskich / J. Rolle. – Warszawa, 1880. – Т 3. (HIA3).
12. *Sztuka Kresów Wschodnich.* Pod red. J. K. Ostrowskiego // Materiały sesji naukowej. – Kraków, 1996. – 400 s.

УДК 378.147
ББК 4481.22

Р. М. Петрунева, В. Д. Васильева, Н. В. Дулина

**БУДУЩИЕ ИНЖЕНЕРЫ О СОЦИОГУМАНИТАРНОМ СМЫСЛЕ
УЧЕБНОГО ИНЖЕНЕРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: raissa@vstu.ru

Данная статья посвящена проблеме социогуманитарного смысла учебного инженерного проектирования. В ней приводится анализ данных опроса студентов.

Ключевые слова: учебное инженерное проектирование, техническое решение, социогуманитарная экспертиза.

R. M. Petruneva, V. D. Vasilyeva, N. V. Dulina

**FUTURE ENGINEERS ABOUT SOCIAL HUMANITARIAN SENSE OF EDUCATIONAL
ENGINEERING PROJECTION**

Volgograd State Technical University

This article is devoted to problem of a social humanitarian sense of educational engineering projection. In the article the analysis of data of interrogation of students is adduced.

Keywords: educational engineering projection, technical decision, social humanitarian examination

В настоящее время общецивилизационной необходимостью стал опережающий анализ и прогнозирование рисков и реальных опасностей для человека и человечества, связанных с научно-техническими инновациями. Это прекрасно понимал еще на заре зарождающегося XX века, когда еще не было известно, что человечество ожидает эпоха НТР, известный русский инженер и философ П. К. Энгельмейер [1]. Он считал, что инженеру для того, чтобы понять смысл своего творения, нужно подняться над своим детищем и пройти по смежным областям знания. Речь идет об оценке последствий внедрения инженерно-технических инноваций, которые оказывают существенное, но не явно обнаруживающееся в данный момент влияние и на жизнь общества в целом, и на жизнь каждого отдельного человека.

В основе такого рода деятельности, направленной на выявление отдаленных, а, возможно, и фатальных последствий, по мнению авторов, должна лежать социогуманитарная экспертиза, производящая многокритериальную оценку наступающих социогуманитарных последствий реализации инженерно-проектных решений.

Уже сегодня реально существуют специализированные технические экспертизы, которым подлежат технические проекты, например, Государственная экологическая экспертиза, проверяющая конечный результат проектирования на наличие и характер дальнейшей переработки вредных отходов (захоронение, очищение и запуск в рецикл, очищение в циклонах и выброс в атмосферу и т. д.). Очевидно, что создание государственной службы комплексной социогуманитарной экспертизы инженерных проектов различной степени сложности, рассматривающей самый широкий аспект воздействия техники и технологий на природу и общество, – дело недалекого будущего [2, 3]. В той или иной степени такую экспертизу будут проходить все объекты инновационной инженерной проектной деятельности.

В связи с этим повышаются требования к результатам профессиональной подготовки будущих инженеров. Задачей высшего технического образования в современных условиях его перехода к новой гуманитарно ориентированной компетентностной модели является подготовка будущих инженеров, обладающих наряду с компетенциями в своей профессиональной

области высокой профессиональной культурой, предусматривающей наличие следующих основных профессиональных нравственных ценностей, актуализирующихся специалистом посредством формирования общекультурных компетенций:

- готовности к преодолению трудностей;
- осознания личной ответственности за результат своего труда;
- профессионального достоинства;
- готовности принимать рациональные решения в ответственных ситуациях;
- гуманистического осмысления профессиональных проблем и т. д.

В настоящий период становление новой генерации высококвалифицированных выпускников технических вузов, обладающих современной профессиональной культурой, адекватной современным социокультурным нормам и позволившей им осознавать и нравственно оценивать общечеловеческие последствия тех или иных изменений в сфере техники и технологий, является одним из стратегических ориентиров в модернизации высшего образования.

Ведущая роль в процессе становления профессиональной культуры будущих инженеров принадлежит профессиональному воспитанию, неразрывно связанному в высшей профессиональной школе с профессиональным обучением. Здесь скорее можно говорить о воспитывающем профессиональном обучении, все элементы которого (содержание, методы, средства) можно рассматривать как факторы активизации становления профессиональной культуры специалиста.

В Волгоградском государственном техническом университете (ВолгГТУ) изучение гуманитарных дисциплин рефлексивного характера, вводящих молодежь в мир культуры, трансцендентальных переживаний, знакомящих с системой общечеловеческих и профессиональных ценностей, делает их важным педагогическим средством формирования ценностно-смысловой базы будущего специалиста. Однако именно практическое использование приобретенных гуманитарных знаний в учебной проектной деятельности формирует ценный опыт решения профессиональных задач при обязательном осмыслении их социогуманитарной сущности и прогнозе результатов. Учебное проектирование в виде дисциплинарных и междисциплинарных курсовых и дипломных проектов дает возможность студентам такой опыт приобрести.

Как известно, принятый в вузе порядок выполнения учебного междисциплинарного курсового проекта, моделирующий реальный процесс инженерного проектирования технических объектов, предполагает выполнение студентами следующих основных проектных действий: 1) получение предварительного задания на проектирование технологического процесса (стадии, узла и т. п.); 2) анализ научно-технической и патентной литературы с целью выявления необходимости и возможности совершенствования объекта проектирования, недостатков (узких мест) и перечня рекомендуемых для совершенствования объекта новых технических решений; 3) анализ и выбор конкретного технического решения для использования в проекте; 4) проведение необходимых инженерных расчетов; 5) оформление пояснительной записки и графической части проекта; 6) защита проекта. Включение в содержание учебной деятельности по выполнению проектов на этапе выбора нового технического решения социогуманитарной экспертизы возможных последствий его внедрения, влияющих на природу и общество, будет являться, по мнению авторов, тем важным звеном, которое соединит социогуманитарное и профессиональное знание будущего инженера воедино.

Для анализа проблем социальной и психологической готовности студентов к инженерной деятельности, их ценностных ориентаций среди студентов ВолгГТУ был проведен опрос, в котором участвовали представители всех факультетов вуза, осуществляющих подготовку специалистов инженерного профиля. Результаты проведенного анкетирования среди студентов старших курсов, имеющих опыт проектной деятельности, для выявления их отношения к постижению социогуманитарного смысла учебного инженерного проектирования представлены ниже.

Как показали результаты проведенного опроса, в силу профессиональной специфики выполнение междисциплинарных курсовых проектов на разных факультетах не всегда (только в 65 % проектов в среднем по вузу) связано с использованием в проекте новых технических решений. Под этим термином студенты понимают либо собственное изобретение, либо запатентованное, но не реализованное на практике техническое решение, либо известное, но не используемое на российских предприятиях, либо используемое ранее на качественно иных

объектах и т. п. Отсутствие любого рода инновационных технических решений в междисциплинарном курсовом и дипломном проектах весьма затрудняет задачу приобретения студентами полноценного опыта инженерного проектирования.

При выборе технического решения для своего проекта советуются с преподавателем 58 % студентов, 35 % принимают решение самостоятельно или по совету коллег-студентов. При этом основными принципами, которыми они руководствуются при выборе, являются технико-экономические показатели объекта проектирования (в 43 % случаев), или решение принимается по аналогии с решениями, принимаемыми ранее в подобных проектах (29 %). При выборе технического решения принимают во внимание экологические аспекты 13 % и возможный вред человеку и обществу только 16 % студентов. Кроме того, при выполнении междисциплинарных курсовых проектов лишь примерно в 40 случаях из 100 обсуждается с руководителем вопрос о социальных и гуманитарных последствиях внедрения принятого технического решения.

Тем не менее понимают необходимость рассмотрения социогуманитарного аспекта как обязательной процедуры при выборе технического решения 55 % ответивших студентов. Считают, что такая процедура уместна только в особых случаях, которые очевидным образом влияют на окружающий мир, 42 % опрошенных. 62 % студентов проявляют готовность это обсуждать, что является весьма показательным в контексте данной темы.

Весьма неожиданным оказался гендерный аспект в проведенном опросе. 25 % девушек-студенток различных факультетов вообще не

задумывались над социогуманитарными последствиями реализации инженерно-проектировочных решений (таких парней среди опрошенных оказалось только 2 %). В полтора раза больше парней (65 %), чем девушек считают необходимым рассмотрение социогуманитарных аспектов инженерно-проектировочных решений.

Трудно найти универсальное объяснение этим данным, поскольку традиционно считается, что именно женщины в обществе являются главными носителями и хранителями гуманитарных ценностей (хранительница очага, здоровья семьи, доброта, справедливость и т. п.). Можно объяснить техницистские настроения среди студенток только нежеланием большой массы девушек серьезно и глубоко посвятить себя будущей профессии («Не стоит задумываться над проблемой – все равно по специальности работать не буду»).

В целом результаты проведенного опроса свидетельствуют о большом, но пока полностью не реализованном потенциале учебного инженерного проектирования в важном деле профессионального обучения и воспитания будущих инженеров и становления их профессиональной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Энгельмейер, П. К.* Философия техники: библиогр. очерк / П. К. Энгельмейер // Бюл. политехн. о-ва. – 1905. – № 3. – С. 198–200.
2. *Петрунева, Р. М.* К проблеме социогуманитарной экспертизы инженерно-проектировочных решений / Р. М. Петрунева, В. Д. Васильева // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – Вып. 3. – С. 239–244.
3. *Петрунева, Р. М.* О методологии комплексной социогуманитарной экспертизы инженерно-проектировочных решений / Р. М. Петрунева, В. Д. Васильева // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 2.

ББК Ч446
УДК 374.7

И. В. Высоцкая, А. М. Митина

**МОДЕЛИ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА:
АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПОДХОДОВ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: niphertity@mail.ru, amitina@vstu.ru

В статье говорится о возможности получения образования для пожилых людей. Существуют различные учреждения, которые занимаются дополнительным образованием взрослых, предлагая им различные курсы и программы. Университет «третьего возраста» является одним из проектов, посвященных образованию пожилых людей, который дает им возможность работать в Интернете и общаться с родственниками и друзьями. В статье приводится ряд организаций, занимающихся образованием пожилых людей. Также рассматриваются методы и технологии, применяемые в работе с данной категорией людей в России и за рубежом.

Ключевые слова: образование пожилых людей, учреждения, университет «третьего возраста», образование в течение всей жизни, методы и технологии, общие интересы, самостоятельное образование.

I. V. Vyssotskaya, A. M. Mitina

**MODELS AND TECHNOLOGIES OF ELDERLY PEOPLE EDUCATION:
ANALYSIS OF FOREIGN AND RUSSIAN APPROACHES**

Volgograd State Technical University

This article is about the possibilities of education for elderly people. There are some institutions that provide elderly people with different courses and organize projects which are very popular among them. «The University of the Third Age» is one of the projects which is devoted to lifelong education of elderly people and gives them a possibility to work in the internet free of charge, to communicate with their relatives and friends. You'll get the picture of organizations teaching elderly people and particularly methods and technologies used for teaching them in Russia and foreign countries.

Keywords: education for elderly people, institutions, The University of the Third Age, lifelong education, methods and technologies, mutual interests, self-education.

Развитие дополнительного образования взрослых является одним из самых важных направлений жизнедеятельности любого современного информационного общества. В России и за рубежом, в развитых странах мира, в настоящее время наблюдается значительное усиление внимания к этому педагогическому направлению. Отражением этого понимания является создание и успешное развитие специфического педагогического направления – университета «третьего возраста».

За рубежом интерес к развитию сферы образования для пожилых людей возник еще в середине прошлого века. В нашей стране геронтообразование именно как образовательная деятельность стало делать первые шаги с 1996 г., когда на базе сохранившихся организаций общества «Знание» в Орле, Омске, Твери, Челябинске стали организовываться первые университеты «третьего возраста» [1].

В России развитие системы дополнительного образования взрослых имеет свои отличительные особенности, связанные с социально-экономическими трансформациями и соответствующими изменениями на рынке труда.

Основной задачей геронтообразования является повышение качества жизни пожилых людей старшего возраста через расширение их возможностей в области образования [2, стр. 7]. Во всем мире идет борьба за то, чтобы люди «третьего возраста» не были обречены на пассивный образ жизни. Ученые доказывают, что долголетие и физическая крепость тела вполне совместимы и зависят в том числе от активного участия людей в образовательной деятельности [5, с. 87–90]. Во многих странах Европы накоплен значительный опыт интеграции пожилых людей в общество.

Один из предлагаемых подходов к обучению взрослых состоит в совместном обучении разных поколений, когда организация обучения пожилых людей проводится не изолированно, а в формах межпоколенческого обучения, развитию которых в последнее время уделяется все большее внимание [1]. При организации такого вида обучения делается акцент на общих интересах, общих целях в обучении пожилых и молодых [7]. При взаимодействии представителей поколений пожилые приобретают у молодых знания о будущем, а молодые – опыт пожилых [8].

Сегодня понимание того, что межпоколенческое обучение способствует развитию европейской демократии, находит отражение во многих программных документах, например, в «Зеленой книге», которая была выпущена Европейской Комиссией еще в марте 2005 года. Данный документ является официальным признанием пожилых людей полноправными участниками процесса обучения со стороны правительств и департаментов образования [6]. Аналогичная мысль имеет отражение и в «Межпоколенческом пакте», который разработан на форуме молодежи в сентябре 2005 года [4].

На образовательные проблемы данной возрастной группы в России и в Европе оказывают влияние социальные факторы. Как верно отмечает Н. А. Ермак, для жителей России характерна большая зависимость от стереотипов и социальных ролей, которые нам навязывает общество. Следует отметить, что только посредством обучения пожилые люди могут развивать свой интеллект и разрушать стереотип, который сложился у многих о поколении «третьего возраста». Для пожилых людей необходимо осознать, что быть обучаемыми или учить самим – это тоже богатейший опыт. «В противном случае, – утверждает П. Джарвис, – произойдет его отчуждение от существующей культуры и он будет отвергнут стремительно развивающимся социумом» [5, с. 60].

По мнению авторов, взрослые в пожилом возрасте нуждаются не только во внимании со стороны окружающих людей, но и в использовании при обучении различных методов работы. При этом преподавателям, работающим с пожилыми людьми, необходимо уметь активно использовать в обучении знания и навыки своих взрослых студентов. Стоит также отметить, что возможность поделиться опытом должна всегда составлять один из основных элементов в образовании пожилых людей. Признание богатства их опыта и использование его в процессе обучения позволяет пожилым людям учиться с большим удовольствием, вспоминая те или иные ситуации из биографии на учебных занятиях.

По мнению Н. А. Ермак, большой популярностью в геронтообразовании как за рубежом, так и у нас пользуется биографический метод работы с пожилыми людьми, то есть использование в процессе обучения индивидуальной биографии каждого. Биографический метод работы с воспоминаниями дает человеку возмож-

ность оценить свой жизненный опыт с позиции современного изменившегося общества, учит принимать эти изменения и изменяться самому, находя компромиссы между ожиданиями прошлого и состоявшимся настоящим. А геронтообразование призвано осуществить педагогическую поддержку так, чтобы эти изменения носили конструктивный характер и имели индивидуально-личностную стратегию развития [1].

Итак, пожилые люди проявляют на занятиях свой огромный биографический опыт, который необходимо использовать для улучшения качества и эффективности обучения. Преподаватель всегда должен помнить, что этот опыт может быть шире и богаче, чем его собственный. Вот почему в работе со студентами «третьего возраста» используется широкий диапазон техник обучения. В западной андрагогике выделяют следующие техники: дидактическую, технику Сократа и вспомогательные техники [6, с. 57].

Дидактическая техника проводится в виде лекций, что для большинства пожилых студентов является привычным и чего они, как правило, ждут при мысли о процессе обучения. Эта техника при условии грамотно построенного процесса почти всегда сопровождается техникой Сократа, то есть задается вопрос, побуждающий аудиторию к размышлению и рассуждению, что позволяет организовать занятия более интересно. Применяются также вспомогательные техники, такие как работа в группах, «мозговой штурм», дебаты и т. п. Эти способы работы с пожилыми людьми дают им пространство для широкого использования их жизненного опыта и в то же время возможность исследовать что-то новое и самим учиться.

Многие учреждения, такие как университет «третьего возраста», существуют только для пожилых людей. Западные ученые, например, П. Джарвис, М. Коли, К. Штадельхофер и другие, пришли к мысли, что это не самая эффективная форма обучения пожилых слушателей. «...Нужно признать, – говорит П. Джарвис, – что пожилые студенты предпочитают учиться вместе с молодежью. Они хотят делиться с нами своим опытом, а также хотят понять мир молодых людей, присоединиться к нему и почерпнуть из этого мира новые и полезные для себя знания» [6, с. 58].

Этой точки зрения придерживается и отечественный исследователь Т. М. Кононыгина, которая провела исследование образовательных

потребностей пожилых людей [3, с. 256]. Она приводит основные полученные результаты. На вопрос «Как вы относитесь к обучению совместно с молодежью?» старшие респонденты в обеих группах дают положительную оценку данному проекту – соответственно 57,3 и 41,5 % [3]. Необходимо признать, что это может принести пользу обоим поколениям, поскольку наладит более тесный контакт между ними, что позволит осуществить более плодотворный обмен опытом.

Таким образом, пожилые люди стремятся реализовать себя в новых жизненных обстоятельствах, планируют свое будущее, исходя из ощущения своей нужности и стремления приносить пользу другим людям. Потребность поделиться опытом позволяет им без особых эмоциональных нарушений пережить кризисную ситуацию. Новые дружеские связи, новые увлекательные занятия, активная борьба за свои права помогают преодолеть жизненные трудности. Расширение сферы социальной деятельности содействует появлению новых способностей и интересов, освоению новых специальностей, сохранению умственной и физической активности.

Принимая во внимание вышеизложенное, необходимо создание учреждений, взаимосвязанных друг с другом и осуществляющих последовательную реализацию образовательных программ, которые должны включать обучение с детского возраста до глубокой старости.

В отечественном геронтообразовании выделяют несколько моделей работы с пожилыми людьми: ракурсная, адаптационно-компенсационная, межпоколенческая, эволюционная, компетентностная, коммуникативная, квалификационно-ролевая [2].

Ракурсная модель направлена на развитие образовательной активности за счет включения известных жизненных стратегий, поступков, а также истолкования актуальных проблем настоящего путем обращения к воспоминаниям, впечатлениям прошлого. Центральное место в данной модели образования принадлежит биографическому подходу.

Адаптационно-компенсационная модель. В основе данной модели находится взаимодействие личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников. Данная модель ориентирована на решение специфических задач геронтообразования, оказание по-

мощи, создание условий для разрешения проблем, жизненных противоречий, связанных с выходом на пенсию.

Модель межпоколенческого обучения опирается на совместное обучение различных поколений, в процессе которого участники образовательного процесса взаимодействуют, учатся друг у друга.

Эволюционная модель может быть использована для обеспечения организации общественной деятельности, развития гражданской активности, инициативы. Главной задачей образования, в соответствии с этой моделью, является обучение умению управлять самоорганизующейся социальной организацией, инициативной группой.

Компетентностная модель. В основу этой модели положены теории компетентности и продуктивной деятельности. Важной составляющей должно быть развитие интереса к наблюдениям за функционированием социальных систем, своей роли в них. Следует научить пожилых людей анализировать общественные процессы, делать выводы и формулировать предложения, проявлять активность, в которой будут задействованы все имеющиеся и потенциальные ресурсы пожилого человека, его мудрость, опыт.

Коммуникативная модель. Немалая часть пожилых людей главным мотивирующим фактором геронтообразования считает расширение возможностей общения. Коммуникативная модель направлена на решение проблем нейтрализации одиночества.

Квалификационно-ролевая модель геронтообразования ориентирована на повышение квалификации пожилых сотрудников, получение новой специальности, освоение информационных технологий, а также новых общественно значимых социальных ролей [2, с. 100–110].

Согласно нашему пониманию, принимая во внимание вышеизложенную точку зрения, осмысление собственной биографии как управляемого образовательного процесса во взаимодействии, диалоге с другими людьми может способствовать снятию изоляции, явиться источником ресурсов для конструирования будущего. При применении биографического подхода возникает необходимость обучать пожилых людей использованию имеющегося опыта в новых обстоятельствах современного общества. Кроме того, не все ситуации можно организовать на занятии, исходя из прошлого опыта.

Использование модели межпоколенческого обучения в практической деятельности может помочь решить ряд социальных проблем: разрушить стереотипы, традиционные взгляды на старость, способствовать созданию условий для гармоничного диалога, толерантной дискуссии людей разных возрастов.

Применение эволюционной модели прослеживается в работе университетов «третьего возраста», самостоятельных организаций, академий для сеньоров в Германии и различных инициативных групп, о чем пишет в своем исследовании М. Коли. Процесс обучения в организациях для пожилых людей тесно связан с занятостью добровольцев из числа самих учащихся. Они участвуют в управлении, организации и осуществлении различных программ, поскольку нанимать специалистов в той или иной области знаний дорого, а учреждения для пожилых людей, как правило, не обладают большими финансовыми возможностями. Кроме того, работая с этой моделью, образовательные учреждения сталкиваются с проблемой пассивного отношения пожилых людей к данному виду деятельности, что отражено в исследовании М. Коли, К. Зоммер и Г. Кюннемунд [7, с. 166–175].

Эффективным методом освоения различных компетенций в образовательном процессе, как подтверждает практика Т. М. Кононыгиной, является использование ролевых игр. Пожилой человек, осмысливая свои действия в различных жизненных ситуациях, самостоятельно моделирует необходимые или возможные пути решения проблем. Ролевая игра дает возможность пожилому человеку воспроизводить те формы поведения и деятельности, которые ему недоступны в действительности и не могут поддерживать социальные контакты в обществе и с отдельными людьми.

Важным компонентом в коммуникативной модели является использование СМИ, интернет-технологий как средства информации и коммуникации. Коммуникационная модель расширяет возможности и границы общения в различных формах, а также служит приобретению компьютерной грамотности. Для общедоступности геронтообразования, расширения образовательного пространства требуется внедрение дистанционных технологий [8].

Пожилые люди всегда стремятся контролировать мир, в котором они живут. Обладая информацией, они имеют возможность подготовиться к стремительным изменениям, происхо-

дящим в мире. Но не все одинаково реагируют на появление нового знания и на несоответствие между их биографией и текущим опытом. Предложенная П. Джарвисом типология учебного поведения пожилых людей выделяет три типа: «мыслитель», «деятель» и «исследователь» [6, с. 77].

Для большинства пожилых людей, «мыслителей», жизнь – интеллектуальное приключение, они все еще участники своей определенной миссии. Для реализации этой миссии сегодня существуют различные способы. Знания могут быть доступны через Интернет и средства массовой информации, а также через специализированные учреждения для пожилых студентов. В Великобритании таковыми могут быть «Открытые университеты» (Open universities) и университет «третьего возраста» (U3A), в США: институты образования для людей пенсионного возраста (Institutes for Learning in Retirement) и пансионаты для пенсионеров (Elderhostel), в Германии: академии для пожилых людей (Seniorenakademien) и народные школы (Volksschulen).

Не все пожилые люди хотят быть только студентами, многие наряду с учебой выбирают активную деятельность – «деятели». Эти представители пожилых людей предпочитают принимать участие в занятиях, предназначенных для тренировки каких-либо навыков: искусство, ремесло, садоводство, путешествия, посещение спортивного зала и т. п. Многие пожилые люди хотят наслаждаться активным образом жизни после ухода на пенсию, что учитывают университеты «третьего возраста», предоставляя большой выбор активной деятельности в рамках учебной программы.

Последняя группа людей в классификации П. Джарвиса – «исследователи», которые находятся в постоянном поиске гармонии между существующим миром и их жизнью. Обучение все еще присутствует, но избирательно, применительно к конкретной ситуации и для поиска мира и гармонии [6, с. 77–82].

Проанализировав данный материал, авторы приходят к следующим выводам: необходимо воспитывать культуру старения в людях, чему должно способствовать обучение на протяжении всей жизни. Нужно также решать проблему социальной изоляции и адаптации пожилых людей в современном обществе. Вступая в период «третьего возраста», человек должен быть автономным, оставаясь активной частью обще-

ства. Этому следует учить людей с использованием различных моделей и технологий, учитывая интересы, потребности и возможности учащихся.

Практика современного образования, отклонившая возрастные границы для обучения и развития человека и накопившая богатый опыт, все больше нуждается в научном осмыслении педагогической составляющей процесса обучения пожилых, в разработке научно-теоретических основ педагогической поддержки людей старшего возраста. Исходя из всего вышесказанного, следует, что необходимо создание структур, которые могут обеспечить постоянное развитие образования пожилых в Европе и России, и создание надежных условий для деятельности образовательных учреждений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ермак Н. А. Научно-теоретические основы педагогической поддержки в геронтообразовании // Известия ВГПУ. – 2008. – № 1. – С. 133–36 (Серия «Педагогические науки»).
2. Кононыгина, Т. М. Герагогика (пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей) / Т. М. Кононыгина. – Орел, 2006.

3. Кононыгина, Т. М. Геронтообразование: навстречу потребностям пожилых // Т. М. Кононыгина // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / под. ред. Г. А. Ключарева. – М.: ИС РАН, 2008. – С. 248–273; То же [Электронный ресурс]. – URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Monografii/obraz/4_2_Gerontoobrazovanie.pdf. 5.08.2009 г.

4. Кононыгина, Т. М. Орловская областная общественная организация общества «Знание» России. Образование пожилых в единой Европе // Заметки об участии в работе международной конференции Европейской Сети Learning in Later Life «Образование в пожилом возрасте». 25–28 ноября 2005 года, Отценхаузен, Германия // Новые знания. – 2006. – Май.

5. Митина, А. М. Дополнительное образование взрослых за рубежом: Концептуальное становление и развитие / А. М. Митина. – М.: Наука, 2004.

6. Jarvis, P. Learning in later life. An Introduction to Educators and Carers / P. Jarvis. – London, 2001.

7. Kohli, M. Zwischen Selbstorganisation und Seniorenakademie. Die Vielfalt der Altersbildung in Deutschland / M. Kohli, C. Sommer, H. Kühnemund. – Berlin: Weißensee Verlag, 2004.

8. Stadelhofer, C. Zentrum für Allgemeine Wissenschaftliche Weiterbildung (ZAWiW) der Universität Ulm Deutschland. Das Internet als Chance für die Weiterbildung von Senior/-innen in einem vereinten Europa / C. Stadelhofer, M. Marquard // European Conference - Learning in Later Life - November 25th-28th, 2005. – S. 49–53.

УДК 37.012.3; УДК 378.1(076.5)
ББК Ю94 88.4

Е. И. Серпионова

ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИИ «КЕЙС-СТАДИ» В СТАРШИХ КЛАССАХ

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург)

E-mail: serpionova2005@mail.ru

В статье рассматриваются примеры использования технологии «кейс-стади» при обучении психологии учащихся старших классов. Рассмотрен алгоритм применения технологии.

Ключевые слова: педагогическая психология, проблемное обучение, преподавание психологии в школе, технология обучения «кейс-стади».

E. I. Serpionova

EXPERIENCE OF TRAINING OF PSYCHOLOGY WITH APPLICATION OF TECHNOLOGY "CASE-STUDY" IN THE SENIOR CLASSES

Leningrad State University of A. S. Pushkin, St.-Petersburg

In article examples of use of technology «case-study» are considered at training of psychology of pupils of the senior classes. The algorithm of application of technology is considered.

Keywords: pedagogical psychology, problem training, psychology teaching at school, technology of training «case-study».

В основном подходы к созданию учебно-развивающих программ по психологии для школьников показывает, что их можно разделить по двум основаниям: первое – предлагает акцент на диагностику различных психических процессов учащихся и последующее или пред-

варяющее объяснение сути диагностируемых психологических явлений; второе – уделяет особое внимание тренинговым, личностно-развивающим формам работы. Этот путь обеспечивает понимание основных психических процессов и особенностей их протекания у са-

мого учащегося, что может способствовать развитию осознанности себя, своего поведения. Однако не всегда учитывает того, что итогом обучения должно стать усвоение научного понятия и развитие универсального учебного действия. Кроме того, здесь может быть сложное преодоление ограниченности феноменологического описания изучаемых процессов. Знание о человеческой психике получается разрозненным, обретает вид описания сути разных психологических явлений, которые на самом деле, как знает любой психолог, глубоко и системно взаимосвязаны друг с другом. Для студента психологического факультета эта форма построения работы представляет собой закономерный необходимый этап отработки профессиональных умений и навыков (поскольку процесс получения знаний о явлениях психики идет параллельно и целенаправленно). Для школьника эта возможность ограничена, информация представляется несистемно.

Второй тип разработки программ – это тренинговая, ролевая работа. Нацелен по своей сути на создание посредством психологии условий и возможностей для раскрытия и развития различных потенциалов личности, тренировку новых моделей поведения. В этом случае формирование научного понятия, что является результатом любого обучения, также не происходит, однако происходит раскрытие личностного потенциала.

Однако возможны ли еще пути обучения, при которых будет происходить понимание и усвоение законов психологической науки (формирование научного понятия), реализовываться условия для раскрытия личностного потенциала, тренироваться способность применять полученные знания в конкретных жизненных обстоятельствах? И если этот путь возможен, то посредством каких методов и технологий этого достичь. Как показать учащимся связь между теоретическим знанием и возможностью его практического применения?

Видится возможным и актуальным реализовать комплексный и проблемный подход в преподавании психологии в школе, в основу которого положены следующие принципы: принцип проблемного обучения с использованием технологии «кейс-стади», принцип развития универсальных учебных действий, принцип соответствия современной научной картине мира (междисциплинарный подход в преподавании).

Одна из задач обучения психологии в школе, по мнению автора, – создать условия, кото-

рые помогают ученикам установить связи между научным психологическим знанием и реальными жизненными проблемами и возможными стратегиями их решения и адаптации. Иными словами, научиться применять научные психологические знания на практике, повышая через это свою психологическую культуру. Под психологической культурой понимается «совокупность тех достижений, которые человечество имеет в области познания собственной психики, в области саморегуляции, в области межличностного взаимодействия» [1]. Методом реализации этой задачи может стать обучение с использованием технологии case-study («кейс-стади»). Метод case-study или метод конкретных ситуаций (от английского case – случай, ситуация) – метод активного проблемно-ситуационного анализа, основанный на обучении путем решения конкретных задач – ситуаций (решение кейсов). Это технология обучения, использующая описание реальных экономических и социальных, политических и других профессиональных практических ситуаций.

В литературе может быть также назван как анализ конкретных учебных ситуаций метод обучения, предназначенный для совершенствования навыков и получения опыта в следующих областях: выявление, отбор и решение проблем; работа с информацией – осмысление значения деталей, описанных в ситуации; анализ и синтез информации и аргументов; работа с предположениями и заключениями; оценка альтернатив; принятие решений; слушание и понимание других людей – навыки групповой работы [13].

Кейсы активно используются за рубежом при обучении в праве, медицине, маркетинге и экономике, управлению персоналом, бизнес-образовании, однако применение этой технологии возможно и в преподавании психологии в старших классах.

При реализации этой технологии обучающиеся должны проанализировать ситуацию, типичную для данной профессии, разобраться в сути проблем, предложить возможные решения и выбрать лучшее из них. Основным требованием к кейсу является его практическая направленность. Иными словами, в данном случае в качестве кейсов выступают реальные психологические ситуации, с которыми человек встречается на своем жизненном пути, иллюстрирующие собой тот или иной раздел психологического знания. Это и ситуации, связанные с

кризисами возрастного развития, это ситуации с проблемами в обучении, которые выходят на значимость получения знаний о механизмах работы мозга и природе мышления, это ситуации, связанные с созданием семьи и проблемами выбора и т. д. Адекватное реагирование и поведение по разрешению этих жизненных ситуаций окажется тем более эффективным и продуктивным, чем больше научных психологических знаний умеет применять для практического разрешения человек, насколько он способен связать полученные знания о человеческой психике с реалиями собственной жизни.

В качестве кейсов могут выступать ситуации из консультативной практики психолога (безусловно, подходящие теме, возрасту и не нарушающие этику психолога). Кейсы можно сформировать из дневниковых записей (богатый источник – интернет-дневники и блоги). Возможно использование видеокейсов. Например, применяются в работе записи поведения детей трех лет с заданием: выделить типичные кризисные проявления, предложить пути реагирования родителей.

Одним из эффективных материалов для создания кейсов для обучения являются отрывки из произведений классической и современной литературы, которые иллюстрируют какую-либо психологическую реальность.

Высказанные идеи поддерживает А. М. Долгоруков, реализуя данный подход в работе со студентами вузов. Автор подчеркивает, что «художественная и публицистическая литература, которая может подсказывать идеи, а в ряде случаев определять сюжетную канву кейсов по гуманитарным дисциплинам. Фрагменты из публицистики, включение в кейс оперативной информации из СМИ значительно актуализирует кейс, повышает к нему интерес со стороны студентов. Применение художественной литературы и публицистики придает кейсу культурологическую функцию, стимулирует нравственное развитие личности студента» [13].

В любом случае, работа над созданием кейса требует развития у ученика универсальных учебных действий. Кейс должен провоцировать дискуссию, развивать аналитическое мышление, способность к анализу и обобщению, умение классифицировать материал, синтезировать, выделять основания и критерии для сравнения.

Примеры кейсов для изучения психологии в старших классах

Ниже приводятся отрывки из кейсов и примеры некоторых кейсов, которые автор апробировал в течение четырех лет.

Изучение темы стресс-синдрома может начинаться с предъявления проблемного литературного кейса – отрывка из книги Франсуазы Саган «Смутная улыбка». Задача: 1) сформулировать психологическую проблему, определить психическое состояние героини; 2) попробовать выделить этапы изменения психологического состояния героини.

«Порой я просыпалась среди ночи с пересохшими губами, и еще в полусне слышала, как что-то шепчет мне – надо снова заснуть, снова уйти в тепло, в бессознательность, ставшую для меня единственной передышкой. Но я уже начинала думать: «Это просто жажда. Достаточно встать, дойти до умывальника, попить, и я снова засну». Но стоило мне встать, стоило увидеть в зеркале собственное отражение, слабо освещенное уличным фонарем, почувствовать тепловатую воду, текущую по мне, как отчаяние охватывало меня, и я снова ложилась в постель, дрожа от холода, ощущая настоящую физическую боль. Лежа плашмя на животе, обхватив голову руками, я вдавливала себя в постель, как будто моя любовь к Люку была каким-то смертельно опасным зверем, которого я, взбунтовавшись, пыталась раздавить, зажав между своим телом и простыней. А потом начиналась борьба. Через десять дней вернулся Люк. Он был здесь. Он мне не позвонил. После полутора месяцев отсутствия. Отчаяние – это холодная дрожь, нервный смехок, неотвязная апатия. Я никогда так не страдала. Я говорила себе, что это последний рывок, но он такой мучительный. На третий день я встала и отправилась на лекции. В последний день второй недели меня разбудила музыка во дворе – услужливое радио какого-то соседа. Я была почти счастлива. Консьержка позвала меня к телефону. Я неторопливо натянула халат и спустилась. Я подумала, что это Люк и что теперь это уже не так важно. Что-то исчезло во мне.

– Ты в порядке?

Я вслушивалась в его голос. Да, это был его голос. Откуда во мне этот покой, эта кротость, будто что-то самое важное, живое для меня, уходило? Он предлагал мне посидеть с ним завтра где-нибудь в кафе. Я говорила: «Да, да».

Я поднялась к себе в комнату и очень пожалела, что пропустила конец. Я увидела себя в зеркале, заметила, что улыбаюсь. Я не мешала себе улыбаться. Я не могла. Снова – и я понимала это – я была одна. Мне захотелось сказать себе это слово. Одна, одна. Ну и что, в конце концов? Я – женщина, любившая мужчину. Это так просто: и не из-за чего тут мяться в лице» [6].

Далее приведен еще пример тематического литературного кейса для изучения раздела психологии развития. Известно, что возрастная психология во многом опирается на понятие возрастных кризисов.

Как указывает О. В. Хухлаева, «прежде всего, необходимо разделить такие понятия, как стресс, фрустрация, конфликт и кризис» [11, с. 19]. Последнее понятие междисциплинарно по своей сути, а, следовательно, имеет схожие свойства как для кризиса в экономике, так и для социального, политического и личностного. Об этом же свидетельствуют и толкования этого слова. Кризис (от греч. *krisis* – решение) в толковом словаре Ушакова трактуется как «резкое изменение, крутой перелом» [9].

Аналогичное значение кризис имеет в этимологическом словаре Фасмера, где указывается на его первоначальное значение «решение, исход» [10].

Наша задача – создать условия, в которых учащийся сам откроет этот этимологический, междисциплинарный смысл, иными словами, усвоит понятие кризиса не только в возрастном психологическом аспекте, но и таким образом, чтобы быть способным распространить свойства кризиса на другие, не только психологические, его проявления. Для этого учебная группа делится на подгруппы, каждой предоставляются кейсы, содержащие описание особенностей научной картины мира основных исторических эпох: Античность, Средние века, Возрождение, Новое время, современность. Задача групп в каждом случае ответить на два ключевых вопроса: каковы положительные новообразования каждой эпохи, к каким отрицательным последствиям привели новые идеи эпохи, могла ли наступить следующая эпоха без новообразований предыдущей? В процессе обсуждения, учащимся предлагаются вспомогательные вопросы: «Каковы основные кризисные противоречия каждой из эпох?», «В каких еще сферах жизни встречаются кризисы?», «Есть ли в жизни человека похожие, переломные этапы, когда без завершения одного не возможно наступление другого периода жизни?».

Приводится пример проблемного кейса для группы, представляющей эпоху Новейшего времени, стык XIX–XX веков. Стоит отметить, что данный учебный кейс содержит не только отрывки из философского и литературного произведений, а также и рисунок. От учащихся требуется связать воедино общей проблемой

такие разные, на первый взгляд, отрывки из произведений литературного, философского, научно-методического и художественного характера.

Конец XIX века – начало XX века характеризуются ускоренным темпом научно-технического прогресса, сосредоточением населения и экономической жизни в городах при одновременном преобразовании сел в поселки городского типа. Именно в этот период произошла третья научная революция: открытие атома, генетики, кибернетики. Появление автомобилей, развитие заводов, телевидения, все это достижения науки и техники XX века. (По материалам издания «Философия науки в вопросах и ответах: учебное пособие для аспирантов / В. П. Кохановский. – Ростов на/Д: Феникс, 2006. – 352 с. – (Высшее образование).

Вот как реагировали на изменение социальной ситуации люди, жившие на стыке столетий: «Я бы хотел переселиться с тобой в другой мир, такой же как этот, но населенный человеческими существами, а не жестокими алчными обезьянами. Энтони стоял на тротуаре перед Национальной галереей, ощущая бесчеловечную одинокость громадного города. Конечно, это не совершенное одиночество, потому что город населен, но в этом нет человечности, потому что все эти толпы прохожих безлики, поглощены собой, равнодушны. Даже в самой глухой деревушке люди, встречаясь друг с другом, обмениваются приветствиями, каким-нибудь легким знаком человеческой близости. Но в большом городе чувствуется одиночество, а не одиночество.

Все забито людьми – докучной массой равнодушных, ненужных людей. О, если б мир был свежим, чистым и уединенным – обителью немногих людей, которые бы жили его красотой. Но это бесчеловечное человечество страшно!

(Ричард Олдингтон. Роман «Все люди – враги», 1933 г.)

Вопросы для обсуждения:

1. Выделите особенности восприятия мира человеком данного времени? Обоснуйте.
2. Что, на ваш взгляд, служит предпосылкой такого мироощущения?
3. В чем проявляется кризис мировосприятия?
4. Есть ли в жизни человека такие периоды, когда старый образ жизни вынужденно меняется? Приведите примеры.

Пример кейса для темы «Кризисы середины жизни». Для обсуждения в качестве кейсов предлагаются отрывки из произведений и стихов разных поэтов, дата создания которых попадает в соответствующий возрастной период.

Теперь это случалось с ним чуть не каждый день. Если только накануне он не допивался до того, что утром вставал с постели, словно в зыбком тумане, шел под душ, бессознательно, машинально одевался, и сама усталость освобождала его от бремени собственного «Я». Но чаще было другое, мучительное: он просыпался на рассвете, и сердце колотилось от страха, от того, что он уже не мог называть иначе, чем страх перед жизнью, и он ждал: вот-вот заговорят в его мозгу тревоги, неудачи, Голгофа начавшегося дня. Сердце колотилось; он пытался заснуть, пробовал забыться. Тщетно. Тогда он садился на постели, хватал не глядя стоявшую под рукой бутылку минеральной воды, отпивал глоток безвкусной, тепловатой, мерзкой жидкости – такой же мерзкой, какую ему представлялась собственная жизнь...

Неужели этот тридцатипятилетний мужчина, который чуть свет садится на кровати и без всякой видимой причины нервно вздрагивает, неужели это и есть он? Неужели к этому привели три десятилетия беззаботной жизни?

(Ф. Саган «Немного солнца в стакане холодной воды»)

Александр Пушкин (1799–1837)

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье,
Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе, чем старше, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

(1830)

Сергей Есенин (1895–1925)

Не жалею, не зову, не плачу
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охвачен
Я не буду больше молодым.

(1921)

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле.
Эту жизнь я прожил только кстати,
Заодно с другими на земле.

(1925)

Андрей Вознесенский

Мне 40 лет – нет бухты кораблю.

Вопросы для обсуждения:

1. Прочитайте отрывки и найдите в них общее.
2. Предложите свои размышления по поводу причин такого мировосприятия.

Как вы можете заметить, даты рождения поэтов, а также даты создания стихотворений указаны не случайно, предполагается, что учащиеся сами смогут обнаружить, вычислить, что все произведения созданы в одном возрастном диапазоне, который в психологии развития принято считать кризисным. Предлагаемый ме-

тод, с точки зрения усвоения психологического знания, позволяет эффективно изучить специфику переживания взрослыми возрастных кризисов. Важным в процессе обсуждения становится осознание учащимися двух вещей: любой возрастной кризис обладает свойством относительной универсальности для каждого из нас, в доказательство тому характеризуется схожими переживаниями и мироощущениями (что прекрасно показано в стихах), он неизбежен в своем начале и закономерен в завершении, имеет позитивные и негативные аспекты выхода из него. Однако при этой универсальности само переживание может быть сконцентрировано на разных сферах жизни у каждого человека (брак, карьера, внешность и т. д.). Через предложенный кейс хорошо происходит усвоение этого понятия как междисциплинарного. Происходит понимание, что развитие, эволюция любой системы (будь то семейная, детско-родительская, онтогенез человека) сопряжены с кризисами – возможностями осознания дальнейшего пути, переоценки ценностей, точками, в которые старые программы действия не эффективны, а новые программы еще не обретенны. Стало быть, возможности либо можно осознать и использовать, либо упустить этот момент.

Таким образом, необходимые знания основ возрастной психологии (а также семейной, детско-родительской) представляются через кейсы не просто как знания об особенностях каждого возраста, а даются через метапредметное понятие кризиса. Кризисный подход к представлению данных поможет учащимся в дальнейшем выделить общие свойства для любого типа кризиса в других системах и науках. Предложенный вариант изучения через анализ кейсов, иллюстрирующих своеобразие научной картины мира разных исторических эпох, способствует пониманию того, что обретенные в кризис качества системы влияют на последующее ее развитие: без осознания опыта предыдущего этапа невозможен продуктивный переход на следующий. Психокоррекционно это осознание способствует принятию осознанной ответственности учащимся за свою жизнь.

Особенности организации работы с кейсами в преподавании психологии

Для того, чтобы организовать работу по данной технологии, преподавателю психологии будет необходимо создать банк психологических ситуаций (кейсов), в котором выделить

диагностические кейсы и учебные кейсы, сформированные для каждой изучаемой темы.

Диагностические кейсы – это психологические ситуации, которые ученики решают в начале и конце учебного года. Цель – выявить уровень психологической культуры аудитории. В ответах учащихся на этапе входящего мониторинга можно встретить три типа способа решения:

– решение задачи методом бытового стереотипа, чаще всего сопровождается словами-абсолютами «все», «всегда», «как обычно», «каждый» (например, «все женщины так поступают»)

– решение задачи ссылкой на собственный опыт и опыт узкого круга знакомых (например, «У меня вот так в жизни и у моих знакомых тоже, поэтому так у всех»);

– решение задачи с использованием научного психологического знания и абстрагированием от личного опыта (это редкий на начало обучения случай, поэтому одним из формируемых навыков станет решение задачи с опорой на научное знание).

Диагностические кейсы, предложенные в начале учебного года, к концу первого полугодия и к концу учебного года позволят отслеживать изменения в качестве (способе, подходе, видению) решения ситуаций и, соответственно, являются хорошим способом оценки знаний.

Учебные кейсы – это кейсы, с которыми следует работать на уроке. Целью учебных кейсов является стимулирование мотивации к получению научного психологического знания, это один из вариантов проблемного обучения. Самостоятельно осознанное наличие дефицита знаний для решения кейса позволяет поддерживать учебную мотивацию. Безусловно, существует общий механизм работы с кейсами на учебном занятии, доступный в литературе [2, 4, 9, 13].

Ниже представлен апробированный возможный алгоритм реализации технологии на уроке психологии.

1. Представление кейса в начале занятия. В каждой теме в начале предлагается для обсуждения психологическая ситуация в качестве проблемной. Вспомогательные вопросы: «Как можно сформулировать проблему? В чем вы видите причину? Какие пути решения вы можете предложить?».

2. Выработка различных способов действия в данной ситуации – альтернатив через «мозговой штурм» в малых группах по 3–5 человек.

Именно групповая форма работы принципиально необходима в работе с кейсами. Чаще всего кейсы имеют множество альтернативных путей, приводящих к решению. Как и сама человеческая психика, так и проблемы, которые волнуют человека, чаще всего имеют множество аспектов, нюансов, наслоений, взаимосвязей и детерминант. Любой психотерапевт и психолог-консультант понимают, что помочь клиенту прийти к решению и опознаванию можно совершенно различными способами. Поэтому стоит поощрять и обсуждать разные идеи, которые выдвигают учащиеся.

3. Публичное выступление с защитой мнения и обоснование выбора оптимального решения. Цель – тренировка устного типа речи «рассуждение – доказательство».

4. Выявление сложностей и противоречий в решениях между группами. Цель – осознание дефицита знаний и необходимости получения нового научного психологического знания. «Чего не хватает нам для решения этой ситуации?».

5. Выбор формата получения недостающего знания. В данном случае предлагается варьирование тренировочных форм, игровых элементов, целевой просмотр научных и художественных кинофильмов, лекции и многие другие педагогические приемы изучения нового материала.

6. Возвращение к ситуации и новый этап «мозгового штурма» уже с использованием новых знаний: «Как то, что мы узнали, помогло нам продвинуться в понимании предложенной ситуации?».

7. Перенос на отдаленную практику: «Как возможно еще применить полученное знание в реальной жизненной ситуации? Как я могу применить на практике полученные сегодня опыт и знания?».

Как отмечает Долгоруков: «использование принципов проблемного обучения – получение навыков решения реальных проблем, возможность работы группы на едином проблемном поле, при этом процесс изучения, по сути, имитирует механизм принятия решения в жизни, он более адекватен жизненной ситуации, чем заучивание терминов с последующим пересказом, поскольку требует не только знания и понимания терминов, но и умения оперировать ими, выстраивая логические схемы решения проблемы, аргументировать свое мнение» [13].

Задача обучения смещается в этом случае с овладения готовым знанием на его выработку и

самостоятельное получение. Преподаватель и ученик равноправны друг с другом в процессе обсуждения. Результатом применения метода являются не только знания, но и навыки профессиональной деятельности. Главным достоинством описываемого метода case-study можно признать, то, что он позволяет создать условия для тренировки возможности применить теоретические знания к решению практических задач.

Безусловно, как и любой метод, данный метод не может быть свободен от ограничений, во-первых, не стоит полагать, что кейсы могут заменить уроки-лекции, диспуты, семинарские и другие формы организации работы с учащимися. Для достижения лучшего эффекта его следует применять органично с другими, в том числе и традиционными, методами обучения.

Во-вторых, может появиться ложная уверенность, что с помощью типовых, стандартных решений можно решить многие проблемы. Однако психологическая реальность не вписывается в шаблонные варианты решения. Кейс – это одна или несколько ситуаций, которые стимулируют размышления в определенном направлении, тренируют возможность применения научных знаний на практике. Поэтому важно понимать, что каждый кейс в своей основе иллюстрирует некий психологический закон, но при этом разнообразие форм переживания и проявления указывает на индивидуальность каждой человеческой личности и, следовательно, многовариантность подходов к решению. Поэтому важным видится предложить на один и тот же психологический закон разные кейсы.

Таким образом, в итоге обучения с использованием данной технологии ученик имеет шанс тренироваться, применять теоретическое научное знание в решении практических задач. Для этого кейс должен изначально отвечать одновременно двум важнейшим требованиям – иллюстрировать несколько аспектов одной психологической реальности и при этом опираться на некий типовой психологический закон, который является детерминантом, отправной точкой нахождения пути решения.

Применение данного метода, по мнению автора, хорошо согласуется с вектором развития современного образования, его ориентацией не столько на получение конкретных знаний, сколько на формирование компетентностей, умений и навыков мыслительной деятельности. Именно развитию универсальных учебных действий, среди которых особое внимание уделяется развитию самой способности к самостоятельному обучению, может способствовать такой метод.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карандашев, В. Н. Методика преподавания психологии: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / В. Н. Карандашев. – СПб. [и др.]: Питер, 2005. – 249 с.
2. Панфилова, А. П. Основы менеджмента. Полное руководство по кейс-технологиям / А. П. Панфилова, Л. А. Громова, И. А. Богачек, В. А. Абчук; под ред. В. П. Соломина. – СПб.: Питер, 2004.
3. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии / под ред. С. А. Смирнова. – М., 2000.
4. Полат, Е. С. Педагогические технологии дистанционного обучения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. С. Полат, М. В. Моисеева, А. Е. Петров и др.; под ред. Е. С. Полат. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 400 с.
5. Путеводитель по MBA в России и за рубежом / под ред. О. Гозман, А. Жаворонковой, А. Рубальской. – М.: Begin Group, 2004. – С. 47.
6. Саган, Ф. Прощай, печаль. Романы, эссе / Ф. Саган; пер. с фр. – М.: ЭКСМО, 2003. – 654 с. (Зарубежная классика XX века)
7. Селевко, Г. К. Воспитательные технологии / Г. К. Селевко. – М.: НИИ школьных технологий, 2005. – 319 с. (Серия "Энциклопедия образовательных технологий").
8. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии: учеб. пособие для пед. вузов и ин-тов повышения квалификации / Г. К. Селевко. – М.: Народное образование, 1998. – 255 с. (Профессиональная педагогическая б-ка).
9. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка в 4 т. / Д. Н. Ушаков. – М., 2000.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М., 1973. – Т. 4. – 856 с.
11. Хухлаева, О. В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / О. В. Хухлаева. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
12. Педсовет. Org <http://pedsovet.org/content/view/7836/249/>
13. Метод кейс-стади <http://www.evolkov.net/case/case.study.html>

УДК 374.7
ББК Ч446.17

А. М. Митина, Е. В. Новоженина

СИСТЕМА КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЗАНЯТИЯ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: amitina@vstu.ru, elena.nvzh@mail.ru

Статья посвящена проблеме оценивания профессионализма преподавателя иностранного языка в дополнительном образовании на современном этапе с точки зрения компетентностного подхода. Представлена разработанная авторами система критериев эффективности занятия по иностранному языку.

Ключевые слова: компетентность, компетентностный подход, коммуникативный подход, критерии эффективности занятия, технология планирования и проведения занятия

A. M. Mitina, E. V. Novozhenina

EFFICIENCY CRITERIA SYSTEM OF A MODERN FOREIGN LANGUAGE LESSON IN ADULT CONTINUING EDUCATION

Volgograd State Technical University

The paper is devoted to the problem of evaluating foreign language teacher's skills at a modern lesson in adult continuing education with relation to the competence approach. The system of the foreign language lesson efficiency criteria developed by the authors is presented in the paper.

Keywords: competence, competence approach, communicative approach, lesson's efficiency criteria, technology of planning and conducting a lesson

Современное образование с акцентом на новые технологии, формы и содержание требует от педагога не только знаний, умений, коммуникативных и организаторских способностей, но и сформированных у него на высоком уровне новых компетентностей, лежащих в основе качественного профессионального труда. Анализ работ по данной проблеме позволяет сделать вывод о том, что в педагогическом сообществе сам термин «компетентность» трактуется по-разному (Н. И. Алмазова, А. М. Аронов, В. А. Болотов, А. Г. Бермус, И. А. Зимняя, В. В. Сериков, А. В. Хуторской, М. А. Чошанов и др.). Существуют также довольно разнообразные подходы к определению понятия «профессиональная компетентность педагога» (Б. С. Гершунский, С. А. Дружилов, А. К. Маркова). Эта многосторонность выражается и разными моделями педагогической компетентности, описанными в научных исследованиях. Так, С. А. Дружилов выделяет такие компоненты профессиональной компетентности педагога, как: мотивационно-волевой, функциональный, коммуникативный и рефлексивный [1]. В модели Е. В. Коточитовой представлены шесть составляющих педагогической компетентности: знаниевая, деятельностная, коммуникативная, эмоциональная, личностная, творческая [2].

Несмотря на разные взгляды на сущность основных понятий, неоспоримым является ут-

верждение, что профессиональная компетентность педагога включает в себя теоретические знания и способы их применения в конкретных педагогических ситуациях, ценностные ориентации педагога, а также интегративные показатели его культуры. Соответственно, внедрение компетентностного подхода неизбежно вносит коррективы в принятые способы оценки эффективности деятельности преподавателя. Именно в таком направлении разработаны авторами критерии оценивания деятельности преподавателя иностранных языков на занятии в дополнительном образовании. При разработке данной системы учитывались также особенности коммуникативного подхода в преподавании иностранных языков, который нацелен на развитие общих и языковых компетенций [4], и специфика обучения взрослых [3]. Оценивая профессионализм преподавателя по иностранному языку на занятии, выделяются условно два взаимодополняющих аспекта: само занятие и компетентность преподавателя, проявляемая на конкретном занятии, как уровень соответствия индивидуальных характеристик следующим критериям: филологическому, социокультурному, технологическому, педагогическому, психологическому и аттрактивному. Оценивая ход занятия, в той или иной степени одновременно оценивается компетентность преподавателя. Исходя из определения компетентности

как «качественное использование компетенций» (Н. И. Алмазова), определены ее критерии в виде определенных профессиональных качеств, связанных с обозначенными выше критериями.

В данной статье обсуждается первый аспект – критерии эффективности занятия по иностранному языку с точки зрения технологии его планирования и проведения. Рассматривая и оценивая профессионализм педагога, важно выделить измеримые критерии, которые позволяют адекватно описать результаты деятельности на занятии. Критериями эффективности занятия по иностранному языку являются: соответствие разработанному стандарту проведения занятия; логика этапов занятия и достижение цели занятия; подбор учебных материалов (включая дополнительные) по каждому этапу, их эффективность, доступность, привлекательность и грамотность использования; контроль времени; активность и заинтересованность слушателей.

В основе первого критерия лежит идея проектирования профессионального стандарта педагога, с учетом требований которого может в конечном итоге формироваться норма качества высшего педагогического образования [5]. Стандарт проведения занятия – это некий прописанный инструментарий из десяти составляющих, руководство к действию с точки зрения организации и управления занятием. Первая совершенно конкретная рекомендация – наличие плана занятия в печатной форме по установленному образцу, который составляется на основе анализа предыдущего занятия. Размещение слушателей в аудитории по принципу «контакт глаз» – другой важный фактор успешной техники проведения занятия. Следующее условие соответствия данному критерию – соблюдение структуры занятия. Это начало занятия, так называемый «разогрев» («warming up») как психологический способ настроить слушателей на общение; фонетический блок, направленный на отработку и улучшение артикуляции и интонации с обязательным заданием на аудирование; обучение коммуникативной грамматике, комплексная работа с текстом, работа с аудио- и видеоматериалами. Каждый из этапов проводится в соответствии с определенными принципами и должен заканчиваться объяснением домашнего задания.

Несомненно, решающим показателем является коммуникативный характер занятия. В основе методической концепции лежит аспектно-

коммуникативный подход к организации занятий, ставящий акцент на общении при работе над всеми аспектами языка – фонетикой, грамматикой, лексикой. Главным стержнем является общение, на которое нанизывается языковое знание и настраиваются все речевые умения слушателей. Не грамматика сама по себе, а понимание конкретной жизненной ситуации, в которой этой грамматикой необходимо воспользоваться. Не отдельные иностранные слова, которые никогда не смогут обеспечить качественную коммуникацию, а типовые модели общения, в которых новая лексика запоминается легко и надолго. Соответственно, задача преподавателя – максимальное увеличение процента времени для устного общения на иностранном языке на основе заданий, стимулирующих общение (диалоги, интерактивные игры, интервью, ситуации ролевого общения, дискуссии) и соответствующих форм работы: в парах и малых группах.

Первостепенное значение на занятии приобретает ориентация на личность обучаемого с целью изучения иностранного языка посредством накопления и расширения их знаний и опыта. Использование приема персонализации – это значимые и приносящие удовлетворение задания как средства демонстрации элементов коммуникативной компетентности. В стандарт занятия включены также: реализация различных видов взаимодействия; использование на каждом занятии современных аудио- и видеоматериалов; раздаточного материала при работе с фонетическим блоком, грамматикой и видео; минимума русского языка (перевод и краткие грамматические или языковые комментарии) и соблюдение преподавателем основных правил исправления ошибок слушателей. Эффективными являются следующие способы исправления ошибок:

– не перебивать слушателей во время продуктивного высказывания, а записывать ошибки и исправлять их после прослушивания;

– не обращать внимания на ошибки, которые не нарушают общения (грубые фонетические ошибки необходимо корректно исправить сразу);

– использовать следующий алгоритм исправления ошибки: сам слушатель – другие слушатели – преподаватель (делать это быстро, без лишних пауз);

– не стремиться исправлять абсолютно все допущенные ошибки, но обязательно исправ-

лять ошибки на активизируемый учебный материал и ошибки, нарушающие смысл высказывания;

– если ошибок слишком много – это сигнал преподавателю: подумать об адекватности задания; если ошибки типичны для всей группы – продумать корректировочные упражнения;

– фонетические ошибки лучше исправлять по ходу ответа, чтобы другие слушатели слышали правильный вариант сразу.

По мнению авторов, умение технологично осуществлять стандартную составляющую педагогического процесса – это половина успеха занятия. В качестве критериев его эффективности выделяются также логика этапов занятия и достижение цели, подбор учебных материалов по каждому этапу, контроль времени и активность слушателей на занятии. Цель определяет этапы в соответствии с планом намеченных задач. Выделенный этап занятия можно рассматривать либо как часть единого целого занятия, которая подготавливает и детерминирует последующую тренировку, либо как независимое микрозанятие, имеющее автономную цель, которая непосредственно не связана с другими этапами. Но, в любом случае, последовательность этапов должна быть логически обоснована. Постановка задач на каждом этапе работы обеспечивает открытость внутренней логики и относительную предсказуемость структуры занятия.

На качество обучения на занятии напрямую влияет подбор учебных материалов, включая дополнительные. Их эффективность, доступность, привлекательность и грамотность использования зависит от целей и задач этапа. Материалы должны соответствовать уровню группы, ее интересам, образованию, содержать преимущественно коммуникативные цели, обеспечивать хорошие модели для использования естественного языка, поощрять взаимодействие, предоставлять возможность для повторения, предлагать разнообразные задания. Использование лучших учебных материалов ведущих мировых издательств (Oxford, Cambridge, Longman и др.), и учебного раздаточного материала, разработанного ведущими отечественными преподавателями, позволяет ускорить овладение иностранным языком за счет системности подачи материала и корректного сопоставления родного и иностранного языков, акцента на тех языковых явлениях, которые содержат наибольший риск ошибок у русских.

Контроль времени – один из ключевых моментов. При планировании следует намечать, сколько времени отводится на каждый этап, каждое задание и стараться придерживаться этого времени. Для поддержания темпа занятия следует использовать подсказки преподавателя, серию альтернативных вопросов, которые создают максимальную языковую опору и стимулируют эмоциональный настрой, избегать затянутых заданий с большим количеством пауз. Если задание творческое, преподаватель должен быть готовым предложить (но не навязывать!) слушателям свои варианты. Скорость выполнения задания связана с его формулировкой (чем конкретнее задание, тем меньше пауз в ходе занятия), с наличием или отсутствием фоновых знаний по содержанию изучаемого материала, с индивидуальными особенностями слушателей.

Активность и заинтересованность слушателей обеспечивается грамотным использованием всего комплекса применяемых форм, методов и приемов обучения: разнообразием форм работы; наглядностью и конкретностью используемого материала, соответствием его содержания интересам и опыту слушателей; открытостью заданий; персонализацией; наличием у слушателей ощущения личностного продвижения в усвоении иностранного языка; созданием комфортного познавательного климата в группе.

Таким образом, оценивание профессионализма преподавателя иностранного языка в дополнительном образовании представляется на основе совокупности перечисленных выше критериев. Данная система позволяет учитывать количественно измеряемую функцию и оценивать эффективность занятия с точки зрения технологии его планирования и проведения. Создание такой системы оценки деятельности преподавателя представляется весьма значимым, так как она связана с проблемой его профессиональной адекватности разрабатываемому компетентностному подходу, с обеспечением высокого профессионального уровня преподавания и качества обучения в системе дополнительного образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дружилов, С. А. Профессиональная компетентность и профессионализм педагога: психологический подход / С. А. Дружилов // Сибирь. Философия. Образование. Научно-публицистический альманах. – Новокузнецк: СО РАО, ИПК, 2005. – Вып. 8. – С. 26–44.

2. *Коточитова, Е. В.* Психологические особенности творческого педагогического мышления: автореф. дисс... канд. психол. наук / Е. В. Коточитова. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2001.

3. *Митина, А. М.* Дополнительное образование взрослых за рубежом. Концептуальное становление и развитие / А. М. Митина. – М.: Наука, 2004.

4. Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. – Страсбург, 2001; МГЛУ (русская версия), 2005.

5. Профессиональный стандарт педагога с точки зрения компетентностного подхода. <http://zam.resobr.ru/archive/year/articles/3607>

УДК 378.147

Л. Н. Феофанова, И. А. Тарасова, А. А. Ермакова, Л. А. Исаева
**ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ У БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ
 ПРИМЕНЯТЬ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В РЕШЕНИИ УЧЕБНЫХ
 ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЗАДАЧ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: 261984@mail.ru

В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты создания педагогических систем, направленных на развитие умений, позволяющих разрешать проблемы практического содержания с помощью математических методов. Приведен обзор различных точек зрения на феномен лично ориентированного образования, а также дано множество трактовок личностного подхода в системе подготовки будущих менеджеров при решении экономических задач математическими методами. Материал предназначен для специалистов в сфере образования.

Ключевые слова: лично ориентированное образование, личностный подход, математические методы, будущие менеджеры.

L. N. Feofanova, I. A. Tarasova, A. A. Ermakova, L. A. Isaeva

**FORMING THE READINESS OF FUTURE MANAGERS TO APPLY MATHEMATICAL
 METHODS IN THE SOLUTION OF EDUCATIONAL TASKS**

Volgograd State Technical University

We state theoretical and practical points on designing pedagogical systems aimed to develop the skill of working on a practical problem using mathematical methods. We review the interpretations of the personality oriented education, highlight a number of points of view on the phenomena of individual approach in training future managers to solve economic problems using mathematical methods. For practical specialists in the sphere of education.

Keywords: the personality oriented education, individual approach, mathematical methods, future managers.

Переход от знаниевой к личностной парадигме образования – ведущая характеристика развития современных образовательных систем. Личностный подход как принцип организации профессионального образования менеджеров имеет множество трактовок. Он понимается исследователями как: необходимость включения ценностно-смысловых компонентов в содержание обучения; определенный стиль общения участников образовательного процесса; целенаправленное формирование профессионально значимых личностных свойств индивида; дифференциация обучаемых по их личностным качествам; один из объяснительных принципов, рассматривающих развитие специалиста, наряду с принципами деятельностного, системного и других подходов к проектированию образования; специальный образовательный процесс, обеспечивающий становление

личностных функций будущего менеджера и др. Не пренебрегая различными точками зрения на феномен личностного подхода, авторы рассматривают его главным образом в этом последнем значении как образование, связанное со становлением лично-творческого потенциала менеджера.

Квинтэссенция профессиональной деятельности менеджера как руководителя предприятия – принятие управленческого решения – предполагает личностное восприятие им управленческой ситуации. Последнее неизбежно актуализирует собственно личностные функции руководителя: оценивание, выбор, принятие или отвержение информации, взятие на себя ответственности за принимаемое решение, творческие, инициативные действия. Современные модели профессионального образования менеджера исходят из представления о менедж-

менте не только как о профессиональной деятельности, но и как об определенной социокультурной сфере.

В основе большинства стратегий моделирования профессионального образования менеджера лежит восхождение от описания его профессиональных функций к построению структуры качеств, базовых знаний и умений, обеспечивающих реализацию этих функций. Затем идет создание образовательных программ учебных дисциплин с их содержательными и процессуальными компонентами. Вместе с тем менеджер как специалист по управлению человеческими ресурсами не может быть подготовлен лишь на основе усвоения знаний и умений («чьего-то опыта»). Он должен приобрести собственный опыт, то есть пройти не просто профессиональное обучение, а профессиональную социализацию. Последнее предполагает, что будет усвоен не только знаниевый компонент профессии, но и присущие ей социальные и личностные смыслы и ценности. Профессиональная социализация предусматривает принятие социальных ролей (функций) менеджера, овладение не просто знаниями, а опытом деятельности, образами межличностного взаимодействия. Профессиональная социализация формирует установку на непрерывное профессиональное саморазвитие, конкретные умения организовывать этот процесс и оценивать его результаты. Иными словами, квалифицированно подготовленным к профессиональной деятельности может считаться лишь менеджер, сформировавшийся не только как носитель знаниевого, но и личностного опыта. Личностный опыт не является простой добавкой к знанию. По сути, имеется дело с образованием, в котором личностное и собственно деловое развитие специалиста в высшей мере интегрированы и даже в какой-то степени тождественны. Можно выделить следующие компоненты личностно ориентированного содержания образования менеджера: когнитивный компонент (базовые основы теории и технологии управления, специальные знания основ управляемой сферы), процессуальный компонент (владение управленческими технологиями), компонент креативного опыта (опыт творческого решения управленческих задач), компонент личностного опыта (опыт личностной саморегуляции и смыслоопределения в ситуациях принятия решения).

Изложенное позволяет обратиться к понятию личностной направленности учебного пред-

мета, которая обозначает его роль, функцию в общей системе гуманитарного образования в широком смысле этого слова, то есть образования человека как целостного социального субъекта, личности, индивидуальности. Гуманитарное образование в таком смысле не сводится к изучению гуманитарных предметов, а синонимично образованию человеческого начала в обучающемся. Ни содержание, ни процесс изучения математических дисциплин не свободны, разумеется, от личностных, гуманитарных аспектов. Личностно ориентированная образовательная ситуация – центральное условие целостного восприятия студентом роли математики в его профессиональном развитии. Ситуация – это набор социально-коммуникативных, пространственно-временных, содержательно-деятельностных характеристик учебной деятельности студента как субъекта собственного образования. Именно субъекта, так как ситуация – это не объективное течение вещей и явлений, не их бытие, а со-бытие в мире личности, ее субъективной реальности. Это бытие для кого-то, переживание чего-то личностью или социумом. Ситуация определяется как совокупность всех условий – внешних и внутренних, объективных и субъективных, детерминирующих данный момент жизнедеятельности человека. Поскольку речь идет о ситуации в процессе обучения, то, вероятно, она не возникает случайно, а создается целенаправленно. Правда, здесь нужно оговориться: создание ситуации не похоже на то принудительное воспитание, формирование, влияние и прочее, о чем привыкли говорить педагоги. Ситуация – это особый педагогический механизм, который ставит студента в новые условия, трансформирующие привычный ход его жизнедеятельности, востребующие от него новую модель поведения, чему предшествует рефлексия, осмысление и переосмысление сложившейся ситуации, осознание себя в роли специалиста. Ситуационный подход связан с проектированием такого способа жизнедеятельности студентов, который адекватен природе личностного развития индивида. Специфика такого развития состоит в осмысливании (наделении смыслами), субъективировании, переживании собственного профессионального развития. Эта ситуация профессионального становления одновременно и сложилась объективно, и порождена субъектом – избрана, сотворена им, особым образом понимается, принимается, истолковы-

вается и означает им. При этом образуется уже не только чисто когнитивный, но и предметный опыт поведения будущего менеджера в жизненной ситуации, которая востребует приложения личностного потенциала индивида, его проявления как личности. Личность студента не растворяется в ситуации учебы. Быть личностью, значит, эмансипироваться от ситуации, быть от нее независимым, стремиться к ее преобразованию. Какие же педагогические средства могут ввести студента в ситуацию, побуждающую его выбирать ценностные основания собственного поведения, искать смысл происходящего, рефлексировать собственное поведение, принимать ответственные решения и совершать другие метадействия? Прямого ответа на этот вопрос нет, хотя в той или иной степени педагоги, разумеется, ведут речь об этом. Для этого необходимо, чтобы образовательный процесс принял «форму диалога двух суверенных субъектов» (В. И. Слободчиков), чтобы возникло «противоречие наличного и желательного» для субъекта (В. Г. Асеев), расхождение представлений о себе должном и о себе реальном (З. И. Рябикина), чтобы он начал «поиск своего места и позиции». (Т. А. Артемова). Преподавание математики, в силу ее высокоорганизованного культурного содержания, своеобразной игры субъекта с познаваемым миром, создает значительные предпосылки для рефлексии своего образования, для проявления волевой самоорганизации.

Наиболее существенную в практическом отношении характеристику личностно ориентированной ситуации составляют способы ее создания. Они так же многообразны, как и сам личностный мир человека. В любом случае цель педагога состоит в социокультурной ориентации или переориентации сознания воспитанника, в обеспечении выбора им, принятия и апробации в собственном опыте какой-либо социальной ценности. Исследования по проблеме личностно ориентированного образования позволяют выделить три существенные характеристики технологий создания условий для осознания студентами личностной значимости изучаемой дисциплины: все эти приемы должны способствовать вхождению предлагаемого опыта в контекст жизненной сферы обучаемого; способом освоения личностного опыта выступает интерактивный метод освоения изучаемой области культуры, диалог, поскольку другого способа проникновения чего-либо в

личностную сферу просто не существует; наконец, личность развивается, творя собственный мир, особое пространство, проигрывая в нем свои роли и модели реальности. Отсюда – игровая форма ситуации профессионального применения математики.

Личностно ориентированная ситуация – не какой-то особый образовательный прием, а квинтэссенция дидактических средств, их сущностное свойство, это реализация определенного педагогического проекта, создавая который педагог должен получить достаточное представление о жизненной ситуации тех, кто станет участником этого процесса; сформулировать педагогическую цель этого проекта; на материале какой предметной деятельности будет создана ситуация, чем будут заниматься ее участники; через какие психические состояния, переживания они должны будут пройти, чтобы обрести соответствующий опыт; как заинтересовать участников ситуации, побудить их к принятию деятельности как личностно значимой, к поиску смысла, способов самореализации, помочь открыть себя в данном виде деятельности.

Отношение будущего менеджера к математике как сфере культуры анализируется авторами в аспекте становления определенных личностных смыслов. Личностный подход ориентирует преподавателя на определенную модель педагогической деятельности, соответствующую той социокультурной ситуации, в которой происходит становление будущего специалиста. Личностный подход, как и сама личность – сложный, трудноуловимый предмет многих наук – не может быть сведен к одному единственному способу его понимания. Вследствие этого необходима не конкуренция идей, а иная методология, ориентированная на полипарадигмальное видение проблемы, на многомерное пространство идей личностно ориентированного образования. Преподаватель, принявший эту парадигму, сам должен проявить себя как творческий субъект. Полипарадигмальность не исключает при этом создания конкретных систем обучения, развивающих творческие способности профессионала. Важно лишь при всех вариантах авторских педагогических систем сохранить сущностную установку, главный критерий личностного подхода, который состоит в востребованности личностного (целостного, свободного) жизнепроявления студента в идеале во всех ситуациях образовательного процесса.

Что именно востребуется в этих ситуациях (лично ориентированных!)? В самом общем виде – нетривиальное, нефункциональное отношение студента к работе. Образовательный процесс наполняется задачами и видами деятельности такого содержания, что их выполнение вне актуализации целостной, жизненно-смысловой рефлексии студента невозможно. Логика дальнейших исследований была подсказана самой задачей. Поиск путей и способов актуализации и развития личностного опыта индивида в сфере применения математики исходил из общей роли, назначения, функций личностного опыта и личности вообще в применении этой области гностической культуры. Подобно тому, как если бы речь шла о формировании каких-то предметных знаний, то возник бы вопрос о роли, функции этих знаний в решении каких-либо жизненно важных для индивида задач.

В чем же состоят функции личности, личностного опыта в математической деятельности человека? При решении этого вопроса авторы исходили из того, что феномен быть личностью, столь значимый для будущего менеджера, представляет собой особую форму социального бытия человека, его ориентировки в социуме, своеобразную приспособительную реакцию на специфические условия жизнедеятельности человека. Развитие индивидуально-личностных, стилевых качеств будущего менеджера предполагает введение в содержание его образования такого вида опыта, который обеспечивал бы его готовность к применению лично ориентированных стратегий управления. Важнейший компонент содержания образования менеджера, требующий для своего усвоения применения лично ориентированных образовательных технологий, – это система понятий и операций, необходимых для осуществления управленческого цикла. Исходный момент этого цикла – анализ ситуации. Руководитель постоянно держит свою мысль в логике анализа, сознательно выполняет модуль необходимых операций. К таковым операциям, которые должны моделироваться при применении соответствующих образовательных технологий, авторами отнесены: восприятие явления как целостности; разделение события на составные части по разным основаниям (время, пространство, ответственные лица, интересы, ресурсы, организации и др.); выбор варианта объяснения ситуации, наиболее полно охватывающего все основные

структурные элементы ситуации; описание всех вероятных причин возникновения данной ситуации; ранжирование причин по их значимости; упорядочение фактов, выявление генезиса ситуации; прогноз вероятных способов преобразования ситуации. Следующий шаг в управленческом цикле – целеполагание. Ошибка в выборе целей может свести на нет и поиск стратегий, средств их достижения. Правильное определение целей становится сегодня ключевым звеном многих маркетинговых проблем, а также проектирования организационных структур управления. Затем будущий менеджер должен перейти к усвоению системы ключевых управленческих действий, связанных с принятием решения. Решение – это ответ на главный вопрос управления, состоящий в определении путей достижения цели. Решение – квинтэссенция управленческого опыта, синтез информации о настоящем, прошлом и будущем управляемой системы.

Учитывая это, преподаватель выбирает способ изложения материала, который наиболее ценен с педагогической точки зрения. Уже непосредственно при изучении математических дисциплин будущий специалист должен овладевать приемами образного, эмоционального раскрытия вопросов математики, актуализации жизненно-практических и межпредметных связей. Чтобы учебный предмет стал инструментом воспитывающего влияния преподавателя на личность студента, он должен иметь профессиональную направленность. Для реализации инструментальной функции недостаточно ориентировки в предмете на объяснительно-репродуктивном или даже обобщающе-проблемном уровнях. Математический подход к решению практических задач способен реализовать лишь менеджер, овладевший предметом и методами математики на личностном уровне, что проявляется в свободном владении научной информацией по предмету, в умении выделять субъективный контекст истории науки, видеть ее ценностно-мировоззренческие и социально-прогностические выводы.

Анализ процесса вузовского преподавания математики показывает, что студент большей частью овладевает не предметом своей будущей профессиональной деятельности, а его познавательно-информационным аспектом. В том-то и вся сложность проблемы, что ориентация на профессиональный подход не может быть обеспечена какими-то логико-структурными пре-

образованиями в содержании учебного предмета без актуализации личностной позиции студентов. При анализе этой проблемы были рассмотрены следующие вопросы: для чего преподается математика; какое место она занимает в обеспечении выполнения профессиональных функций; что в связи с этим должно войти в ее содержание; какими способами и методами это профессионально ориентированное содержание наилучшим образом может быть реализовано? В качестве эффективного средства подготовки менеджеров к реализации личностного подхода в ходе преподавания математики выступает изложение ее содержания в контексте профессионально-практической задачи. Такой вывод сделан в работах В. И. Данильчука, Ю. А. Ивановой, И. А. Колесниковой, М. М. Левиной, В. В. Серикова, Д. И. Фрумина и др.

Математическая задача прикладного характера в данном случае – это модель личностно ориентированной учебной ситуации, погружаясь в которую, будущий специалист апробирует некоторые варианты своего профессионального поведения, выявляет ценностные аспекты в изучаемом материале, учится распознавать мотивы, рефлексировать собственные действия и личностные качества. Управленческая ситуация, точнее, ее имитация, – это почти всегда отвлечение от непосредственного содержания изучаемого предмета. Поиск вариантов включения такой внепредметной информации в логику учебного процесса привел к выводу, что математическая задача прикладного характера и связанная с ней профессиональная информация выполняют личностно мотивирующую функцию, способствуют формированию у будущих

менеджеров адекватного смысла учебной деятельности.

Проведенная авторами опытно-экспериментальная работа позволила определить условия эффективного влияния процесса усвоения математики на общее профессиональное развитие менеджера. Среди таких условий выделены следующие: системное осуществление диагностики профессиональной направленности студентов, принятие ими математики как профессионально ценной дисциплины; разработка профессионально ориентированных учебных задач; обучение студентов основам математической деятельности в сфере экономико-управленческих проблем; применение адаптированной критериальной базы для оценки учебных достижений и профессионального роста студентов. Анализ экспериментальных данных показал, что такой подход дает необходимый результат лишь при соблюдении определенных дидактических условий: 1) вузовский преподаватель должен достаточно корректно представлять целостную картину будущей деятельности студента, цели и назначение введения управленческих моделей (ситуаций) в процесс изучения математических дисциплин; 2) учебная задача должна актуализировать личностные функции обучаемого (креативность, оценка этических и экологических аспектов решения и др.); 3) необходим тренинг специально отобранных профессиональных действий будущего менеджера, связанных с реализацией личностного подхода (выявление ценностных аспектов материала, переход от утилитарных к духовным смыслам, актуализация учебного диалога, совместного поиска идей и ценностей и др.)

ББК Ч 444 (3)

*И. А. Тикушина***ПЕДАГОГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ****Волгоградский государственный технический университет**

E-mail: tikushina_irene@mail.ru

В статье дана краткая характеристика тенденций в мировом дополнительном образовании взрослых и основных отличительных признаков данного вида образования, а также описаны функции и обязанности преподавателя дополнительного образования взрослых за рубежом и дана их классификация.

Ключевые слова: дополнительное образование, образование взрослых, преподаватель дополнительного образования взрослых, образование за рубежом, подготовка преподавателей.

*I. A. Tikushina***ADULT EDUCATION TEACHER ABROAD****Volgograd State Technical University**

The article under consideration gives a short outline of trends in global adult education and main typical features of this kind of education; it also describes functions and duties of adult educator abroad and gives classification of adult educators.

Keywords: extended education, adult education, adult educator, education abroad, teacher training.

Дополнительное образование взрослых является одним из наиболее интенсивно развиваемых направлений в современной зарубежной и отечественной педагогической системе. Постоянный рост научного знания, смена технологий и организации производства, экономический кризис и безработица привели к тому, что для реализации эффективной практической профессиональной деятельности необходимо постоянное, непрерывное обучение. Возросшая значимость дополнительного образования взрослых обусловила необходимость большего количества научных исследований в данной области, более четкого определения функций и обязанностей педагога дополнительного образования, а также специфики работы в этой сфере образования. Анализ понятия «педагог дополнительного образования» в зарубежной педагогике позволит оценить возможности разработки и реализации необходимых программ для подготовки педагогов дополнительного образования в России, а также заимствования и адаптации зарубежных программ.

На формирование данного понятия оказали серьезное влияние следующие тенденции в мировом дополнительном образовании взрослых:

– ориентация на концепцию «образования в течение жизни» как необходимый компонент готовности страны к глобальной экономической конкуренции;

– усиление централизации и контроля со стороны государства для повышения качества предоставляемого образования;

– рост значимости и поиск новых возможностей применения информационных и коммуникационных технологий в образовании;

– увеличение исследований в области сравнения образовательных систем разных стран для разработки международных стандартов в образовании;

– постоянное реформирование образования и появление национальных стандартов подготовки, сертификации и повышения квалификации преподавателей;

– переход от образовательной модели передачи знаний от преподавателя к студенту к конструктивистской модели обучения, где слушатели становятся независимыми и самостоятельными в изучении, приобретают необходимые для жизни навыки критически оценивать любую жизненную ситуацию;

– определение качества и эффективности образовательной модели по результатам обучения [5, с. 3].

В результате влияния данных тенденций были переосмыслены и расширены обязанности и функции педагога дополнительного образования, который теперь ориентируется не только на интересы государства, но и на интересы, потребности и возрастные особенности слушателей, помогает студентам формировать необходимые навыки для самостоятельного изучения материала и непрерывного самообразования. Современный педагог дополнительного образования также должен стремиться к постоянному самосовершенствованию и повыше-

нию профессиональной квалификации, уметь использовать новые информационные и коммуникационные технологии в сфере образования.

Функции и обязанности педагога дополнительного образования взрослых за рубежом также можно выявить в результате анализа следующих основных отличительных признаков данного вида образования, сформулированных А. М. Митиной:

- институциональность или достаточно четкая организованность обучения и его санкционированность государством;
- наличие у учащихся основного образования и собственного жизненного опыта;
- возрастные особенности учащихся;
- личностная ориентированность;
- актуализация образовательных потребностей;
- комплементарность;
- непрерывность;
- ориентированность на практику (эмпирический подход) [6, с. 55].

Таким образом, педагог дополнительного образования взрослых организует обучение, ориентированное на практику и восполняющее основное образование, учитывает не только интересы, возраст и потребности, но и наличие у слушателей жизненного опыта и основного образования.

Зарубежные исследователи дают довольно широкое определение понятия «педагог дополнительного образования». Кристофер Дьюк определяет преподавателя дополнительного образования взрослых как «активного работника, задействованного в сфере образования взрослых» [2, с. 218], подчеркивая, таким образом, что преподавание является одной из составляющих данной профессии наряду с другими функциями.

Обязанности преподавателя дополнительного образования взрослых различаются в зависимости от учебного заведения и статуса. Среди общих функций указываются научные исследования и публикации в предметной области, преподавание, организация обучения, создание программ курсов дополнительного образования взрослых, связь с центрами по организации образования взрослых вне университета, помощь и контроль начинающих преподавателей [3, с. 166; 2, с. 219]. Анализ работ зарубежных исследователей позволил выделить следующие функции педагога дополнительного образования взрослых за рубежом:

- предпринимательская (организация курсов дополнительного образования взрослых, исходя из интересов и спроса, поиск источников финансирования);
- организационная (написание программ, поиск необходимого персонала);
- менеджерская (организация рабочей обстановки и необходимого помещения);
- экспертная (консультирование и методическая помощь молодым преподавателям; посещение курсов по повышению квалификации);
- преподавательская (преподавание предмета слушателям, планирование процесса обучения);
- научно-практическая (исследования и специализация в предметной области).

В Великобритании отличие преподавателей с полной занятостью (*full-time educators*) от преподавателей с частичной занятостью (*part-time educators*) заключается в исполняемых ими функциях. Преподаватели с полной занятостью редко преподают, но по большей части составляют программы курсов и занимаются организацией процесса обучения и контролем качества преподавания, в то время как преподаватели с частичной занятостью только преподают. Если работа преподавателей с полной занятостью мотивируется заработной платой, творческой автономностью и независимостью при создании курса и написании программы, то преподаватели с частичной занятостью, помимо заработной платы, нацелены на совершенствование навыков преподавания и повышение квалификации, а преподаватели на добровольной основе получают удовольствие от преподавания своего хобби и от приносимой обществу пользы [3, с. 166–167].

Анализ материала показал, что многие зарубежные исследователи не считают работу в сфере дополнительного образования взрослых профессией [2, с. 219; 4, с. 166; 1, с. 58–59; 5, с. 5–6], поскольку понятие «профессия» включает в себя получение денег за работу, а часть преподавателей дополнительного образования работают на добровольной основе. Эта же точка зрения прослеживается и в следующей классификации преподавателей дополнительного образования взрослых, предложенной Кристофером Дьюком: оплачиваемые преподаватели с полной занятостью (*full-time paid*), оплачиваемые преподаватели с частичной занятостью (*part-time paid*) и преподаватели с частичной занятостью, работающие на добровольной основе (*part-time voluntary*) [2, с. 219].

Малколм Ноулз дает похожую классификацию, однако избегает слова «преподаватель» для добровольцев и временных работников в сфере дополнительного образования взрослых: 1) добровольные лидеры; 2) лидеры с обязательствами преподавания взрослым, однако не являющиеся квалифицированными преподавателями (временные работники в сфере дополнительного образования взрослых; преподаватели, перешедшие из других профессий; начинающие преподаватели); 3) преподаватели дополнительного образования взрослых [1, с. 58]. Для второй категории преподавателей Бернадет Робинсон и Колин Лэтчэм вводят понятие «парапрофессионалов» – «группа преподавателей, предоставляющая квалифицированным преподавателям возможность сосредоточиться на более важных аспектах их работы и/или временно компенсирующая недостаток преподавателей» [5, с. 6]. Таким образом, в понятие «преподаватель дополнительного образования взрослых» включаются как добровольные работники, так и оплачиваемые преподаватели, среди которых есть парапрофессионалы (с частичной занятостью) и профессионалы (с полной занятостью), что свидетельствует о наличии возможности профессионального роста и совершенствования.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в зарубежной педагогике уже сложилось понятие «педагог дополнительного образования взрослых», определены его функции и специфика ра-

боты. Однако в России эта категория педагогов еще недостаточно изучена и система подготовки педагогов дополнительного образования взрослых находится в данный момент на стадии формирования. В условиях быстрого развития рынка дополнительных образовательных услуг в России знакомство отечественных педагогов с теоретическими положениями и практическим применением форм и содержания обучения преподавателей-андрагогов за рубежом, критическое осмысление и применение лучших идей могли бы способствовать решению многих актуальных проблем дополнительного образования взрослых в нашей стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Brookfield, S.* Training Educators of Adults: The Theory and Practice of Graduate Adult Education / S. Brookfield. – Routledge London and New York, 1988.
2. *Duke, C.* Adult Education: International Perspectives from China / C. Duke. – Croom Helm, USA, 1987.
3. *Jarvis, P.* Adult and Continuing Education: Theory and Practice. Second Edition / P. Jarvis. – RoutledgeFalmer, NY, 1995.
4. *Jarvis, P.* Adult Education and Lifelong Learning: Theory and Practice. Third Edition / P. Jarvis. – RoutledgeFalmer, NY, 2004.
5. *Robinson, B.* Teacher Education through Open and Distance Learning / B. Robinson, C. Latchem // World review of Distance Education and Open Learning. – RoutledgeFalmer, NY, 2003. – Vol. 3.
6. *Митина, А. М.* Становление и развитие дополнительного образования взрослых за рубежом: концептуальный анализ: дисс. ... д-ра пед.наук: 13.00.01 / А. М. Митина. – Волгоград, 2005. – 417 с.

УДК 378.14
ББК Ч 48

Н. В. Федотова

О ПРОБЛЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: natvikfedotova@mail.ru

В статье раскрыта сущность содержания графической подготовки студентов технического вуза. Определены цели подготовки и задачи для повышения эффективности графической подготовки, выявлены факторы, влияющие на усвоение знаний по графическим дисциплинам.

Ключевые слова: графическая подготовка, начертательная геометрия, инженерная, компьютерная графика, компетенция, профессионализм, активность, мотивация, качество, образование, познание, внимание.

N. V. Fedotova

ABOUT SPECIFICITY OF THE MAINTENANCE OF GRAPHIC PREPARATION OF STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITY

Volgograd State Technical University

The essence of the maintenance of graphic preparation of students of technical college is opened. Definite purposes of preparation and a problem for increase of efficiency of graphic preparation, are revealed the factors influencing mastering of knowledge on graphic disciplines.

Keywords: graphic preparation, descriptive geometry, the engineering, computer drawing, the competence, professionalism, activity, motivation, quality, formation, knowledge, attention.

Графическая информация является универсальным языком общения во всех сферах деятельности человека. Графические изображения используются не только в профессиональной сфере, но и широко применяются в обыденной жизни (указатели, пиктограммы и схемы проезда и пр.). В процессе изучения графических дисциплин студенты технического вуза должны приобрести навыки работы с любой по назначению и виду графической информацией: от традиционного чертежа и текстового документа до рекламного презентационного ролика, пиктограммы и т. п., выполненных современными средствами графики.

В технике чертежи являются основным средством выражения инженерных идей. Методы начертательной геометрии являются теоретической базой для решения задач технического черчения [1]. Для того, чтобы адекватно выразить конструкторский замысел с помощью рисунка, эскиза, чертежа, требуется знание теоретических основ построения изображений объектов различной природы, видеть в многообразии объектов их геометрическую сущность и представлять себе возможности их взаимодействия и сочетаемости. Это и составляет предмет изучения начертательной геометрии и инженерной графики. Закономерности перевода пространственных объектов в плоскостное изображение на основе определенных правил и алгоритмов изучает начертательная геометрия. Графические дисциплины, традиционно изучаемые в техническом вузе в первом и втором семестрах, способствуют формированию у студентов основ знаний и умений, необходимых для успешного освоения смежных дисциплин технического профиля, изучаемых в последующих семестрах. Эти знания важны при работе над графической частью курсового проекта, изучении теории машин и механизмов, деталей машин, специальных дисциплин. Изучение графических дисциплин формирует интеллектуальную сферу инженера и его готовность к профессиональной проектно-конструкторской деятельности.

Специфика графических дисциплин начертательной геометрии и инженерной компьютерной графики заключается в том, что они позволяют перейти от реального объекта к его модели и осуществить обратный процесс: от модели – к реальному объекту. При этом данные переходы от объемных фигур к плоскостным и назад позволяют не только сохранить

геометрические параметры фигур, но и восстанавливать положение оригинала в пространстве.

Изображение фигуры на плоскости как графический способ представления информации о ней имеет преимущества в сравнении с другими способами:

- профессиональное общение между специалистами становится более эффективным, так как образы, создаваемые на основе зрительного восприятия, обладают большей ассоциативной силой, чем вербальное описание;

- изображение является универсальным языком интернационального общения, тогда как вербальное общение требует для понимания, как минимум знания языка собеседника.

Начертательная геометрия как научная дисциплина со времен ее основоположника Г. Монжа (1746–1818) заняла достойное место в высшей школе. Ее важнейшее прикладное значение состоит в том, что она учит владеть графическим языком, выполнять и читать чертежи и другие изображения плоских и объемных фигур. Без этого невозможно формирование инженера с развитым пространственным мышлением. Изучая курс «Инженерная графика», студенты осваивают общие требования к выполнению чертежей в соответствии с ГОСТами ЕСКД, основы геометрического и проекционного черчения, правила построения комплексных чертежей и аксонометрических проекций; выполняют чертежи машиностроительного направления. В процессе обучения они решают проекционные задачи, основанные на методах проецирования начертательной геометрии, выполняют комплексные и сборочные чертежи, разрабатывают машиностроительные чертежи.

Графическая подготовка в техническом вузе основывается на преемственности школьных курсов геометрии и черчения и графических дисциплин вуза. При всей значимости графической подготовки для последующего профессионального образования изучение графических дисциплин в рамках общеобразовательной школы осуществляется в явно недостаточном объеме. Об этом свидетельствуют трудности, которые испытывают учащиеся средних и высших учебных заведений при решении учебных, производственно-технических, научно-творческих задач, связанных с созданием геометрических образов и оперированием ими [2]. При анализе качества графической подготовки выпускников общеобразовательных школ исследователи постоянно отмечают слабое развитие про-

странственного мышления, формальное усвоение ими геометрических знаний [3, 4].

Для выявления трудностей, возникающих у студентов первого курса при изучении начертательной геометрии и инженерной графики, ис-

пользовались такие методы, как анкетирование, тестирование, контрольные работы по определению остаточных знаний, устные опросы студентов. Анализ причин трудностей при изучении графических дисциплин показан на рис. 1.

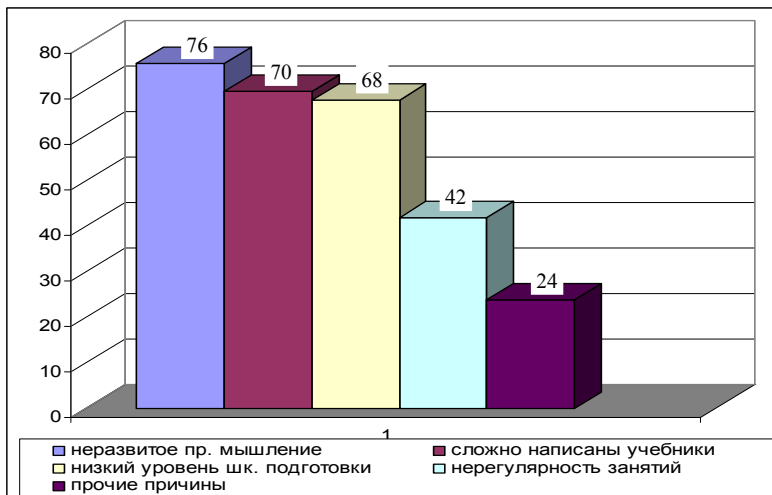

Рис. 1. Анализ причин трудностей, возникающих при изучении графических дисциплин

Вышеперечисленные причины способствуют потере интереса к изучению графических дисциплин у 50 % студентов. Таким образом, основными причинами возникновения трудностей можно считать: низкий уровень школьной подготовки, несформированное пространственное мышление, непонимание сущности и смысла графических предметов, преподавание дисциплин без учета способностей студентов к восприятию учебного материала, отсутствие умений организовывать самостоятельную работу по предмету без участия преподавателя.

Для повышения эффективности изучения

графических дисциплин, необходимо для 40 % студентов дополнительное общение с преподавателем. Недостаток наглядности для понимания учебной информации отмечают 32 % опрошенных студентов, 38 % хотели бы иметь возможность выбора степени сложности задания и 45 % считают, что использование прикладных графических компьютерных программ для выполнения геометрических построений будет способствовать повышению эффективности изучения учебных дисциплин, 28 % хотелось бы иметь возможность изучать модели деталей (рис. 2).

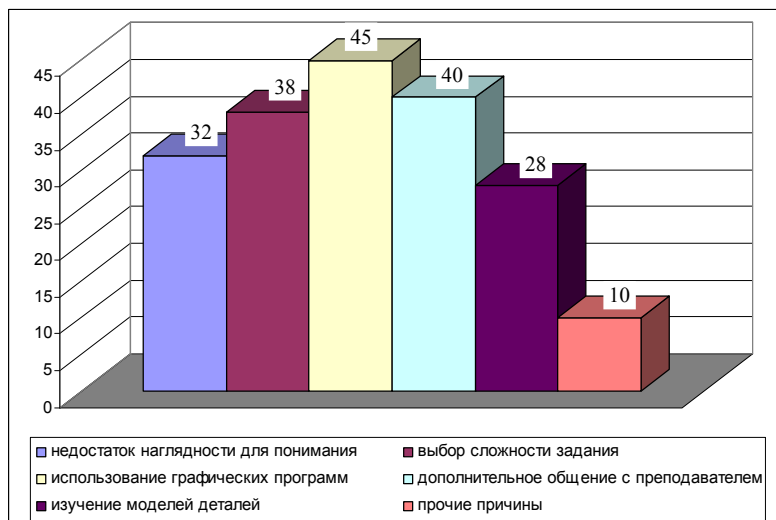

Рис. 2. Результаты анкетирования

Проведенные результаты анкетирования, педагогические наблюдения и беседы со студентами и преподавателями, осмысление личного преподавательского опыта позволили сделать вывод о том, что подавляющее большинство студентов не имеют развитых навыков самостоятельной работы; методическое обеспечение учебного процесса не всегда соответствует уровню обученности и способностей студентов. Повышению эффективности обучения графическим дисциплинам, с учетом специфики этих дисциплин, может способствовать использование прикладных графических программ.

Внедрение компьютерных технологий трехмерного моделирования в учебный процесс требует переосмысления сложившихся традиций преподавания инженерной графики и начертательной геометрии. Наиболее полным, точным и наглядным источником информации об объекте является его 3D-модель. С ее использованием может быть при необходимости оформлена конструкторская документация на электронных или бумажных носителях [5]. Для конструктора работа с 3D-моделями является удобным и эффективным способом проектирования. Благодаря современным графическим программам, модель можно рассматривать со всех сторон, а также устанавливать настройку динамического движения модели. Это свойство очень удобно при создании демонстрационных роликов, например, получение сборочного чертежа.

Актуальность проблемы грамотного использования компьютерных технологий для обучения графическим дисциплинам отражена во многих публикациях на эту тему. В них прорабатываются как вопросы теоретических ос-

нов компьютерного моделирования [6], так и конкретные практические вопросы с конкретным описанием технологии [7].

На кафедре «Начертательная геометрия и компьютерная графика» Волгоградского государственного технического университета проводится работа по формированию современной методики преподавания графических дисциплин с учетом их специфических особенностей. В исследовании были поставлены следующие задачи:

- восполнить недостаток наглядности при построении изображений за счет усиления визуальности объектов;
- стимулировать развитие пространственного мышления студентов с целью формирования образного конструкторского мышления;
- активизировать самостоятельность студентов при изучении графических дисциплин;
- повысить эффективность графической подготовки студентов технического вуза в рамках существующего учебного плана.

При разработке рабочих заданий и учебных пособий использовался метод твердотельного моделирования. Этот метод является актуальным при построении демонстрационных моделей, также как инструмент для решения геометрических задач. При выполнении заданий студентам предоставлялась возможность самостоятельного выбора метода решения задач. Это создавало условия для повышения их творческой активности, духа соревновательности и заинтересованности студентов, так как не могло быть двух одинаковых вариантов решения графической задачи. На рис. 3 представлено одно из таких решений.

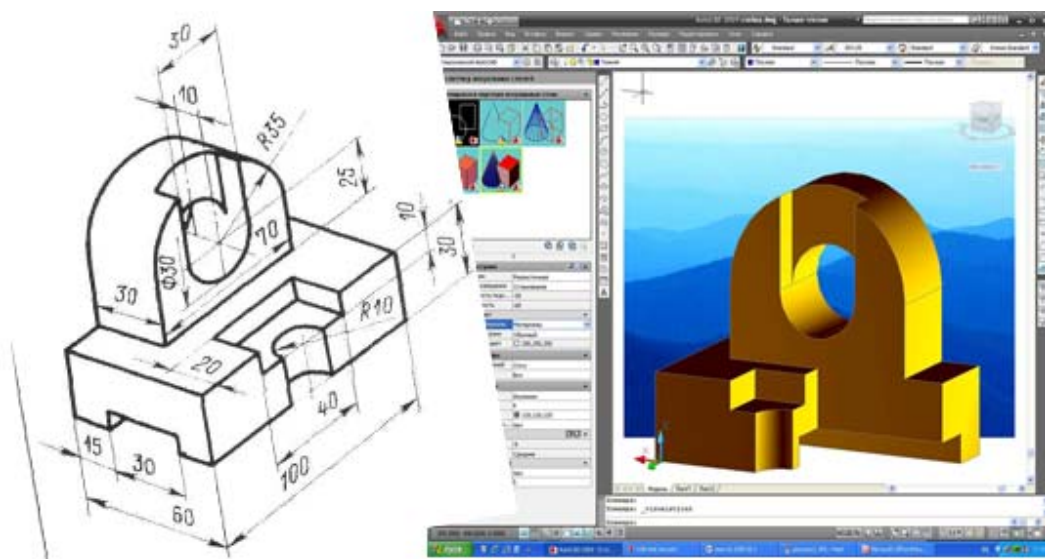

Рис. 3. Образец выполненного задания

Методика, основанная на традиционных подходах к преподаванию графических дисциплин – метод ортогонального проецирования, не противоречит новым виртуальным формам подачи графической информации. Уместно привести в данном контексте высказывание Конфуция «Только лелея старое, можно создавать новое». Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что включение в программу обучения графическим дисциплинам пакетов прикладных графических программ не нарушает сложившуюся систему интерпретации геометрических образов, а наоборот, оказывает положительное влияние на эффективность обучения. Визуализация подачи графической информации способствует адекватному восприятию геометрических образов, формированию образного конструкторского мышления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Нартова, Л. Г.* Начертательная геометрия: учеб. для вузов / Л. Г. Нартова, В. И. Якунин. – М.: Дрофа, 2003. – 208 с.: ил.
2. *Робеко, Т. А.* Динамика творческой мотивации / Т. А. Робеко // Психологический журнал. – 1987. – № 1. – С. 136–140.
3. *Якиманская, И. С.* Психологические основы математического образования: учеб. пос. для студ. пед. вузов / И. С. Якиманская. – М.: Академия, 2004. – 320 с.
4. *Якунин, В. И.* Проблемы развивающего обучения начертательной геометрии / В. И. Якунин // Научн. метод. сб. докл. семинара по орг. Всерос. конкурса учащихся и студентов по черчению и компьютерной графике. – Саратов, 1996. – С. 7–9.
5. *Степанова, Е. А.* Инновационная стратегия графической подготовки будущих специалистов / Е. А. Степанова // Вестник КамчатГТУ. – 2009. – № 10. – С. 36–39.
6. *Хейфец, А. Л.* Инженерная компьютерная графика AutoCAD / А. Л. Хейфец. – М.: ДИАЛОГ-МИФИ, 2002. – 432 с.
7. *Полещук, Н. Н.* Самоучитель AutoCAD 2004 / Н. Н. Полещук, В. А. Савельева. – СПб.: БХВ-Петербург, 2003. – 640 с.

УДК 378.016:811.112.2
ББК Ш143.24-9

Т. И. Чет, А. В. Коноваленко

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОТОГРАФИЙ С ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: tamara-tschetschet@rambler.ru, alla.konovalenko@mail.ru

Статья посвящена проблеме повышения качества обучения немецкому языку в техническом университете такими средствами, как фотографии с эмоционально-эстетическим компонентом. Представлены разработанные авторами критерии отбора фотографий и система упражнений, способствующих эффективному овладению студентами различными видами речевой деятельности.

Ключевые слова: повышение качества обучения, критерии отбора фотографий, система упражнений

T. I. Chechet, A. V. Konovalenko

POSSIBILITIES OF USING FOTOS WITH EMOTIONAL-AESTHETIC COMPONENT AT LESSONS OF GERMAN AT TECHNICAL UNIVERSITY

Volgograd State Technical University

This article is devoted to the problem of quality improvement of training to German language at technical university by such means as photos with an emotional-aesthetic component. The criteria of photos selection and the system of the exercises developed authors by promoting effective mastering by students by various kinds of speech activity are presented.

Keywords: quality improvement of training, criteria of photos selection, system of the exercises

В связи с расширяющимися возможностями общения с зарубежными партнерами во многих сферах нашей жизнедеятельности повышаются требования к владению иностранным языком, что приводит к необходимости поиска наиболее эффективных средств обучения. Особенно это актуально для будущих инженеров, потому что изучение иностранного языка как гуманитарного предмета в техническом университете

вызывает у них большие затруднения. Кроме того, негативно сказывается отсутствие языковой среды, снижающее как качество обучения, так и мотивацию изучения иностранного языка. В определенной степени помочь смоделировать фрагменты современной жизни страны изучаемого языка и улучшить овладение студентами различных видов иноязычной речи на этой основе может использование на занятиях фото-

графий с эмоционально-эстетическим компонентом как средств практической реализации принципа наглядности.

При обучении иностранному языку в неязыковых вузах наглядность играет все большую роль, потому что она не только преследует образовательные цели, но и способствует развитию личности студентов. Многие ученые отмечают важность наглядности: «Наглядность служит исходным моментом, источником и основой приобретения знаний; она является средством обучения, обеспечивающим оптимальное усвоение учебного материала и его закрепление в памяти; образует фундамент развития творческого воображения и мышления; является критерием достоверности приобретаемых знаний; содержит подсказки для раскрытия законов языка при его чувственно-наглядном восприятии» [1, с. 61]. Как дидактический принцип обучения она провозглашает эффективность живого восприятия предметов и явлений окружающего нас мира в процессе его изучения [3, с. 59]. А. А. Леонтьев считает, что наглядность выполняет четыре основные функции: страноведческую (описание данной страны, ее пейзажей, городов, исторических памятников, производственных, бытовых сцен, реалий); наглядной презентации предметов, действий, явлений; изображения предметной ситуации (основа для описания по картинке, наглядный комментарий к содержанию текста, наглядная мотивация общения, прямая иллюстрация ситуации общения, содержательная опора для высказывания); визуальной стимуляции высказывания (стимуляция высказывания в целом, части высказывания, проверка и коррекция понимания высказывания) [2, с. 26].

С точки зрения авторов, фотография как средство наглядности выполняет основные перечисленные функции: знакомит студентов со страной, предметами, явлениями, отображает действительность, иллюстрирует ситуации общения. Однако не любая фотография является «пищей для ума», заставляет включаться в работу познавательную систему головного мозга студентов и, следовательно, побуждает их к высказываниям. Большим потенциалом для стимулирования к иноязычному общению обладают фотографии с эмоционально-эстетическим компонентом. Это такие фотографии, которые формируют эмоционально-эстетические восприятия изображаемых предметов и развивают эстетический вкус, вызывают эмоциональную

оценку событий, фактов и оказывают положительное эмоциональное воздействие на человека. Соответственно, фотографии должны отображать те особенности предметов или явлений, которые выражают их эстетическую насыщенность.

Разработанные авторами критерии отбора фотографий с эмоционально-эстетическим компонентом могут помочь преподавателям задействовать предлагаемые средства наглядности на занятиях по иностранному языку с целью повышения эффективности обучения. К таким критериям относятся:

– информативность, то есть предоставление новых знаний (расширяет общий кругозор и формирует лингвострановедческую компетенцию студентов);

– коммуникативность, то есть наличие проблемы в представленном сюжете, о которой непременно хочется высказаться (способствует удовлетворению потребности личности в самовыражении);

– содержательная актуальность (позволяет формировать языковые навыки и умения студентов на конкретном этапе);

– наличие реалий страны изучаемого языка (восполняет отсутствие естественной языковой среды);

– яркость, красочность (позволяет создавать более реальное представление о живых образах, вызывает соответствующие ассоциации);

– необычность образов (развивает память, эстетический вкус, культуру мышления, побуждает к высказыванию);

– многоплановость (развивает внимание, наблюдательность, аналитические способности, творческое мышление, побуждает к высказыванию).

Фотография интересна уже потому, что она является отражением жизни и может показать красоту и уникальность события самого по себе [4, с. 102]. Сила ее воздействия заключается в индивидуальности реального события, а не в общем содержании, наполняющем композицию, в восприятии его зрителем.

Учитывая специфику обучения иностранным языкам в неязыковом вузе, возможно использование таких жанров фотографии, как натюрморт, портрет, пейзаж и бытовой жанр. Такие жанровые фотографические изображения выполняют прежде всего следующие функции: информирующую (используются для введения учебной и познавательной информации); кон-

тролирующую (привлекаются для контроля над поэтапным формированием знаний, навыков и умений иноязычного общения); стимулирующую (служат опорой при организации речевого высказывания). Большой потенциал для творческого восприятия, последовательного анализа и полноценного последующего обсуждения содержат специфические виды фотографии: уличная и архитектурная.

Предпочтение по жанру и по специфическим видам отдается таким фотографиям, которые содержат проблемную ситуацию, побуждающую студентов высказаться по поводу увиденного, обсудить свою точку зрения.

Можно проиллюстрировать это на примере методики работы с фотографиями, имеющими эмоционально-эстетический компонент на занятиях по немецкому языку, которые можно использовать со студентами технических университетов при прохождении, например, темы «Страноведение Германии». На этапе подробного описания содержательной стороны изображенного на фотоснимках целесообразно проводить диалоговые упражнения, наполняя их вопросами, которые способствуют формированию навыков диалогической и монологической речи. Так, например, используя жанр уличной фотографии на занятиях по темам «Германия», «Австрия», «Швейцария», можно начать обсуждение с основной темы, например:

1. Что изображено на снимке? (Например, уличные музыканты, играющие на различных инструментах, включая балалайки).

2. Что они делают? (Играют на музыкальных инструментах).

3. Откуда они родом? Подсказка – посмотрите на их инструменты. (Например, они родом из России, так как некоторые играют на балалайках).

4. Сколько музыкантов в группе?

5. Присутствуют ли зрители? Кто они?

6. На каких еще инструментах играют музыканты?

Затем можно перейти к подтемам:

1. Уличные музыканты – это типичная картина для Германии и Австрии, но в Зальцбурге их можно увидеть чаще всего. Почему очень многие музыканты играют именно в Зальцбурге? (Это город музыки, город музыкальных фестивалей. Многие известные музыканты и композиторы родились в этом городе.)

2. Посмотрите внимательнее на фотографию. Сколько стоят диски? Это дорого? Сколько стоят музыкальные диски в России?

Фотографиями, которые побуждают студентов к высказываниям, часто бывают архитектурные фотографии. Их примером при прохождении темы «Страны, говорящие на немецком языке. Австрия» может служить снимок самого маленького и узкого австрийского домика в городе Зальцбурге – одной из основных достопримечательностей этого города. Возможно выполнение следующих упражнений:

1. Диалоговое упражнение, мотивируемое вопросами: а) Почему туристы фотографируют этот домик? Чем он привлекает Ваше внимание? б) Как выглядит дом? Какие размеры он имеет? Как Вы думаете, когда он был построен? в) Почему дом такой маленький? Ваши предположения?

2. Работа в парах, сопровождаемая составлением предполагаемой истории создания этого дома.

3. Сопоставительные упражнения. Сообщение преподавателем истинной истории и сопоставление ее с вариантами студентов.

4. Вопросно-ответное упражнение. Постановка вопросов, требующих более развернутых ответов и привлечения для ответа дополнительных знаний: а) В какой стране можно увидеть много очень маленьких (узких) домиков; б) Почему они типичны для Голландии? Связано ли это с бедностью голландцев, или здесь кроется другая причина? в) Смогли бы Вы жить в таком доме? Обоснуйте свой ответ.

5. Составление монологических сообщений о доме, в котором хотел бы жить каждый конкретный студент. (Логично сделать это задание домашним. В качестве дополнения целесообразно предложить студентам проиллюстрировать свой рассказ рисунком дома своей мечты).

Целесообразно предлагать также следующие виды упражнений при работе с фотографиями в зависимости от этапа занятия:

– просмотр фотографий, содержание которых связано с темой всего занятия и стимулирует к обсуждению (на начальном этапе занятия, во время речевой зарядки);

– просмотр фотографии и последующие краткие высказывания о действиях изображенных персонажей (на этапе тренировки определенной грамматической конструкции), например, обсуждение фотоснимка пешеходов на пешеходном переходе после тренировки временных форм глагола может способствовать дальнейшему переходу студентов к темам «Распорядок дня этих людей», «Распорядок дня студента»;

– обсуждение просмотренных фотографий и переход к общей теме «Люди в Германии». Что Вам бросается в глаза, когда Вы видите людей из немецкоговорящих стран? Были ли вы в немецкоговорящей стране?

Возможна активная работа и с самими фотографиями в начале каждой темы, предлагают такие задания: опишите фотографию и ответьте затем на такие вопросы: кто, где, что? Какое воздействие оказывает на Вас эта фотография, почему? Если предполагается работа в парах, то задания могут быть такими: опишите Вашему партнеру по изучению языка фотографию так точно, как только сможете; используйте предложенную лексику. Если предполагается активная работа всех студентов группы, то можно предложить им следующие задания: изучите фотографию в течение минуты, затем закройте фотографию и опишите все, что Вы увидели на ней, своему партнеру в паре. Выигрывает та пара, которая наиболее точно опишет фотографию. Напишите диалог для пары, изображенной на фотографии.

Таким образом использование в техническом университете на занятиях по немецкому

языку фотографий с эмоционально-эстетическим компонентом мобилизует психическую активность студентов; переводит произвольное внимание в сосредоточенное; развивает память, которая опирается при этом на ощущения; расширяет объем усваиваемого материала; облегчает весь процесс обучения и тем самым вызывает интерес к занятиям иностранным языком; снижает утомляемость; тренирует творческое воображение; формирует и служит критерием сформированности навыков и умений иноязычного общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Артемов, В. А.* Психология наглядности при обучении иностранным языкам / В. А. Артемов // Иностранный язык в школе. – 1969. – № 6. – С. 54–61.
2. *Леонтьев, А. А.* Функции иллюстрации в учебнике иностранного языка / А. А. Леонтьев // Психолингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев: Вища школа, 1979. – 239 с.
3. *Миньяр-Белоручев, Р. К.* Методический словарь терминов методики обучения языкам / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М.: Стелла, 1996. – 144 с.
4. *Никитин, В. А.* Рассказы о фотографах и фотографиях / В. А. Никитин. – Ленинград: Лениздат, 1991. – 221 с.

УДК 808
ББК 81.2

М. А. Семенова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Астраханский инженерно-строительный институт

E-mail: sdy777@rambler.ru

Статья посвящена обучению студентов–нефилологов культуре устного публичного выступления. Особое внимание уделяется работе над логичностью, доказательностью, точностью, правильностью и выразительностью текста выступления. Содержательная, логичная, правильная речь должна стать характеризующим признаком инженера, представителя технической интеллигенции.

Ключевые слова: культура речи; русский язык, правильность речи; речевое общение; русская речь.

М. А. Semionova

SPECIFICS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE TEACHING IN HIGHER TECHNICAL SCHOOLS

Astrakhan Engineer Building Institute

The article envisages issues of public speaking teaching of students-non-philologists. Special priority is given to working upon consistency of language, conclusiveness, certainty, correctness and expression of public speaking. Thoughtful, logical, correct speech must be representative of an engineer.

Keywords: speech culture; the Russian language, speech correctness; conversation.

Русский язык, язык на котором мы говорим, самый прекрасный, самый звучный и нежный из всех тех, о которых мы когда-либо слышали. Наш родной язык один из самых богатых, ве-

ликих и уникальных языков мира. Нет ни одного языка на Земле, который обладал бы такими широкими возможностями передавать звуки, эмоции, образы и понятия, как русский язык.

Еще К. Г. Паустовский писал о том, что «нет таких звуков, красок, образов и мыслей – сложных и простых, – для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения».

С русским литературным языком тесно связано понятие «культура речи». В определенном смысле культура речи человека, манера выражать свои мысли и чувства являются его визитной карточкой. Первое представление о человеке и его первоначальная характеристика, как правило, формируются на основании впечатления, которое возникает от речевой манеры собеседника.

Сегодня важно не только уметь построить свое устное высказывание, убедительно отстаивая свою позицию, но и уметь понимать речь своего собеседника, адекватно реагировать на нее. Ведь культура речи – это и культура мысли, и характеристика культурного уровня, и свидетельство нравственной цельности человека. Человеку мало грамотно писать и говорить, ему необходимо научиться грамотно думать. Как справедливо заметил испанский писатель XVI века Мигель де Сервантес Сааведра, что «говорить не думая – все равно, что стрелять не целясь». Каждый человек, вне зависимости от возраста или статуса, может совершенствоваться и открывать в культуре речи для себя что-то новое, ранее неизвестное ему.

Сегодня для всех очевиден тот факт, что за последние пятнадцать лет русская речь претерпела существенные изменения. Снижение уровня речевой культуры разных слоев русского общества, в том числе и интеллигенции, настолько очевидно и масштабно, что назрела необходимость возрождения непрерывной языковой подготовки на всех ступенях образования. Не нужно доказывать, что образование – это самое великое благо для человека. Образованным человеком называется тот, кто приобрел много знаний, привык быстро и верно излагать свои мысли, соображения. Речь образованного человека, как правило, обладает такими качествами, как точность, ясность, чистота, однако речь должна еще быть и умной. А умные речи приятно и слушать – гласит мудрость человечества. Человек, владеющий такими качествами, достигает больших успехов в жизни, перед ним открываются двери в разные сферы нашей деятельности.

Сегодня курс «Русский язык и культура речи» – одна из ведущих дисциплин на первом этапе обучения студентов разных специальностей.

В современных условиях развития общества в высшем учебном заведении актуальным является и процесс формирования профессиональных качеств студентов, и формирование и развитие их духовной культуры, так как воспитание личности молодого специалиста происходит через приобщение к культуре, к общечеловеческим ценностям.

Свободное владение русским литературным языком, умение общаться, вести гармоничный диалог и добиваться успеха в процессе коммуникации в наши дни становятся неотъемлемыми составляющими любой профессиональной деятельности. Культура речи и степень владения русским языком порой оказываются решающими факторами профессионального роста.

При подготовке молодых специалистов в высших учебных заведениях дисциплина «Русский язык и культура речи» выполняет коммуникативную, информационную, образовательную, гуманитарную и профессионально ориентационную функции.

Так, в Астраханском инженерно-строительном институте дисциплина «Русский язык и культура речи» является обязательной для студентов всех специальностей. Важным компонентом эффективности обучения является мотивация к активной, самостоятельной, познавательной деятельности. Заостряется внимание студентов на том, что для успешной профессиональной коммуникации необходимо понимать сущность речевого этикета, знать нормы общения и речевого поведения, а также приобрести коммуникативную компетенцию в самых различных сферах общения.

Неизменный интерес у студентов нашего вуза вызывают публичные выступления на профессиональную тему. Не секрет, что наиболее ярко культура речи проявляется в публичном выступлении, успех которого в немалой степени зависит от ясности и точности речи, информационной насыщенности. Понятие «культура речи» включает пять основных признаков: точность, понятность, чистота, богатство и выразительность. Яркое публичное выступление характеризуют правильность речи, соответствующую литературно-языковым нормам; точность передачи мысли говорящего; ясность и доступность речи для понимания слушающих; простоту и разнообразие используемых языковых средств без лишней красоты слога; отсутствие в речи внелитературных элементов: просторечных, диалектных, жаргонных, вуль-

гарных слов, а также слов-сорняков и слов-паразитов; и, наконец, выразительность речи, которая не только усиливает действенность высказывания, но и поддерживает внимание и интерес у слушателей, влияет на их чувства и воображение.

Правильность, точность и выразительность речи – необходимые атрибуты общей гуманитарной культуры. В прошлом в России они выработывались в процессе обучения и высоко ценились. В своей заметке о красноречии «Хорошая новость» А. П. Чехов писал о том, что «...для интеллигентного человека дурно говорить, должно бы считать таким же неприличным, как не уметь читать и писать... Все лучшие государственные люди в эпоху процветания государств, лучшие философы, поэты, реформаторы были в то же время и лучшими ораторами. «Цветами красноречия» был устлан путь ко всякой карьере».

На практических занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи» студенты знакомятся с требованиями и признаками хорошей речи, у них формируется стремление развивать навыки публичных выступлений, умение непринужденно вести себя перед публикой, очень важно – не бояться аудитории.

Каждый студент готовит выступление перед группой, самостоятельно подбирая материал. В конце выступления студент отвечает на вопросы группы. Далее следует оценка и анализ выступлений (табл. 1).

Таблица 1

Показатели культуры речи	Оценка, баллы
1. Точность	
2. Понятность	
3. Чистота	
4. Богатство и разнообразие	
5. Выразительность	
6. Правильность ударения и произношения	
7. Владение терминологией данной специальности	

Баллы выставляются на основе пятибалльной шкалы. Для определения уровня развития культуры публичной речи сумма баллов делится на количество вопросов, и полученный результат соотносится с нижеприведенной таблицей (табл. 2).

Таблица 2

Уровень развития культуры речи	Суммарный балл
Высокая культура речи	5,0
Средняя культура речи	4–4,5
Низкая культура речи	3–3,5
Очень низкая культура речи	2,0

Таблица 3

Критерии оценки устного выступления	Оценка, баллы
1. Содержание: логичность аргументированность информационная насыщенность самостоятельность суждений	
2. Методика изложения: учет особенностей аудитории продуманность и оригинальность поддержание контакта с аудиторией применение наглядных средств	
3. Язык и стиль: богатство лексики грамматический строй использование художественных образов эмоциональность	
4. Техника речи: владение голосом (сила, тембр) правильность дыхания четкость дикции темп, паузы и ритм речи	

В табл. 3 приведены критерии оценки устного выступления. Оценивается устное выступление по пятибалльной системе. В графу выставляется оценка (2, 3, 4, 5). Наличие низких оценок позволит каждому студенту увидеть свои слабые места и поработать над их исправлением.

Кроме того, данная методика преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» имеет три основные педагогические цели:

– обучение русскому литературному языку (активизирует владение языком специальности; умения и навыки использования профессиональной лексики);

– обучение речевому общению (активизирует владение монологической и диалогической речью);

– профессиональная речь (активизирует профессиональную заинтересованность).

Таким образом, студенты должны постоянно совершенствовать свою речь: читать классическую литературу, содержащую лучшие об-

разцы речевой культуры; внимательно вслушиваться и перенимать речевые приемы наиболее интеллигентных дикторов радио и телевидения, журналистов, лекторов, ораторов; расширять свой словарный запас, совершенствовать свою дикцию, образность, яркость, точность и выразительность своей речи. Только при этих условиях студент сможет в совершенстве владеть культурой речи – неотъемлемой частью личностной характеристики. Так как деятельность студентов нашего вуза будет непосредственно связана с речевым общением, культура речи будет являться немаловажным условием их профессионального успеха. Не случайно основ-

ными правилами речевого общения являются: уметь разумно спрашивать и внимательно слушать, спокойно отвечать и переставать говорить, когда все необходимое сказано.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник. Практикум. – 10-е изд. – М.: Флинта: наука, 2004. – 315 с.
2. Дунев, А. И. Русский язык и культура речи: учебник / А. И. Дунев, В. А. Ефремов, Е. В. Сергеев, В. Д. Черняк. – СПб.: САГА; М.: Форум, 2005. – 386 с.
3. Адамчик, Н. В. Самый полный курс русского языка / Н. В. Адамчик. – Минск: Харвест, 2008. – 848 с.

ББК Ч 481.3
УДК 378.035.6

Н. В. Дулина, О. И. Ситникова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЛЯ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И СОЦИОЛОГИИ ВолгГТУ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: dulina@vstu.ru, sitn55@rambler.ru

В данной статье рассматриваются возможности использования краеведческих материалов для формирования патриотизма в студенческой среде. Авторы характеризуют разные формы и методы использования краеведческого материала в учебном процессе. В качестве приложения дается перечень тем докладов по краеведческой тематике, используемых в работе со студентами.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, краеведение, исторические и культурные памятники, экскурсионные занятия.

N. V. Dulina, O. I. Sitnikova

IMPLEMENTATION OF LOCAL AREA CAPACITY FOR PATRIOTISM EDUCATION IN THE CHAIR OF HISTORY, CULTURE AND SOCIOLOGY OF VOLGOGRAD STATE TECHNICAL UNIVERSITY

Volgograd State Technical University

In the given work authors consider possibilities of using regional studies' materials for formation of patriotism among students. Authors characterize the different forms and methods of implementation of regional studies' materials in educational process. The list of reports on the topics of regional studies, used to work with students is given as the appendix.

Keywords: patriotic education, study of local lore, historical and cultural monuments, excursion activities.

Выход из кризиса и возрождение Отечества невозможны без повышения культуры патриотизма. Патриотизм – это то, что связано со страной, народом, отечеством, большой и малой родиной; это нравственный и политический принцип, социальное чувство, выраженное в любви к родине, в сопричастности с его историей, культурой, достижениями. По своей природе и происхождению патриотизм имеет объективную основу. Человек всегда имеет место своего рождения, свою историческую Родину. Он всегда связан различными узами с тем окружением, в котором живет.

Потенциал исторического краеведения огромен. Благодаря краеведению, пробуждается интерес и воспитывается уважение к нашим истокам, к родной земле. Как известно, от любви к своей семье, к своему дому, краю – один шаг до любви к своему Отечеству, своей стране, к стремлению участвовать в ее развитии и обновлении.

Для решения задач патриотического воспитания в нашем регионе имеются богатейшие возможности. Изучение Волгоградского края дает многогранный материал, основанный на исторических, этнографических и культурных

корнях, но, безусловно, определяющей духовного пространства края является героико-патриотическая составляющая. Это объясняется особой ролью нашего города в истории второй мировой войны, Великой Отечественной войны. Город хранит память о былых сражениях в многочисленных музеях, памятниках войнам, в названиях улиц и площадей. По сути, Волгоград сегодня – это громадный музейный комплекс с четко выраженной героико-патриотической направленностью. Здесь и по сегодняшний день немало живет участников Сталинградской битвы, Великой Отечественной войны. Кроме того, Волгоградская область и г. Волгоград имеют огромную базу, составляющую национальное достояние России: Государственный памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы на Мамаевом Кургане, Государственный музей-панораму «Сталинградская битва», мемориал «Солдатское поле», около 1000 памятников, посвященных Сталинградской битве.

Однако при всем богатстве героических традиций гражданско-патриотическое воспитание немислимо без опоры на культурно-исторические традиции региона, который обладает уникальными ресурсами многостороннего развития личности, в том числе художественно-творческими и культурно-историческими. Волгоградская область – это уникальный регион юга России, на территории которого проживают более 100 национальностей и народностей различных вероисповеданий и культур. В XV–XVII вв. в нашем крае зародилась особая общность – казачество, которое является одной из многочисленных культурно-этнических групп региона. На протяжении четырех веков представители разных народов формировали культуру края, запечатлевая в ней характерные особенности своей собственной культуры.

В Волгоградском государственном техническом университете (ВолгГТУ) уделяется особое внимание краеведческой теме. С одной стороны, краеведческие материалы – важный элемент лекционных занятий, с другой – местный материал активно используется в рамках организуемой самостоятельной работы студентов (ОргСРС) как в курсах «Культурология», «Отечественная история», так и в курсе «Социология».

Использование краеведческих материалов в учебных целях обостряет внимание студентов к фактам и явлениям окружающей действи-

тельности, помогает выработке у них самостоятельного творческого мышления, твердых убеждений, умений и навыков, практического применения полученных знаний в жизни. Краеведческий подход позволяет организовывать процесс познания наиболее естественным и доступным путем. Местный материал очень важен при установлении связи исторического прошлого с современностью, в процессе познания общественных отношений.

Обращение к краеведческой теме начинается с рабочей программы. Рабочие программы дисциплин, преподаваемых кафедрой, содержат краеведческий компонент, хотя, возможно, не в том объеме, в каком хотелось бы. В наибольшей степени краеведение задействовано при изучении курса «Отечественная история». В список рекомендованной при изучении курса литературы студентам, помимо основных учебников и учебных пособий, рекомендованных для высшей школы, предлагаются и учебники местных исследователей (например, под общей редакцией волгоградского историка Г. В. Орлова), которые в широком объеме дают материалы из истории г. Царицына – Сталинграда – Волгограда [1; 2].

Краеведческие знания студенты приобретают при подготовке докладов, индивидуальных заданий, рефератов. Так, студенты 2-го курса потока АУ, изучающие дисциплину «Отечественная история», в обязательном порядке готовят один доклад по краеведческой тематике. Студенты выбирают интересующие их темы из подготовленного преподавателем списка (см. Приложение) или предлагают свои варианты в рамках заявленных разделов.

В качестве одной из форм внеаудиторной работы со студентами используется широкое знакомство молодежи с уникальными памятниками истории, культуры и природы нашего края во время однодневных автобусных экскурсий.

С 2005 по 2008 г. ВолгГТУ предоставлял студентам первого и второго курсов прекрасную возможность для предметного знакомства с историческими и культурными памятниками г. Волгограда и области. Проводились пятичасовые автобусные экскурсии на темы: «Царицын – Сталинград – Волгоград», «Легенды и были старого Царицына», а также экскурсии выходного дня по памятным местам родного края. В рамках знакомства с казачьей культурой студенты ВолгГТУ посещали историко-

этнографический музей «Казачий курень» (г. Серафимович), путешествовали по шолоховским местам (ст. Вешенская, х. Кружилинский). Путешествие в г. Элисту давало студентам возможность познакомиться с восточной культурой, с буддизмом, создавало возможность глубже осмыслить культурно-национальное своеобразие калмыцкого народа, помогало развивать чувства терпимости, дружелюбия.

Подготовкой и организацией экскурсий в ВолГГУ занимались преподаватели кафедры истории, культуры и социологии. Они исходили из того, что главной целью краеведческих экскурсий является духовно-нравственное, патриотическое воспитание студентов. Свидания с памятными местами, достопримечательностями города, области создают определенные, личные, эмоционально-окрашенные представления о своей земле, и каждая подобная поездка прибавляет новые живые краски и черты к понятию «Отчизна», формирует чувство сопричастности с историческими местами.

По результатам экскурсий студенты писали эссе, проводились семинарские занятия и анкетирование студентов с целью выявления их отношения к экскурсиям. Практически все студенты отмечали важность и необходимость проведения подобных экскурсий. Анализ письменных работ и анкет показал, что подобная форма работы повышает интерес молодежи к изучению истории и истории культуры, способствует расширению их кругозора, создает условия для сознательного культурного роста.

Знакомство с достопримечательностями края вживую, в ходе учебно-экскурсионных занятий, разумеется, не исчерпывает других форм познавательной краеведческой работы, проводящейся со студентами ВолГГУ. Очень важным направлением работы является изучение студентами истории родного края в ходе углубленного исследовательского поиска, формирующего первоначальный научный интерес, поскольку студенты осваивают определенные методы сбора и обработки первичного материала. Работа в архивах, многочисленных музеях города, изучение конкретных человеческих судеб, культурно-исторического ландшафта города – все это в дальнейшем находит отражение в выступлениях студентов на различных конференциях, используется для написания докладов, рефератов, статей. Большую работу по подготовке студенческих творческих работ о ветеранах войны и труда, наших земляках, ведет на кафедре доцент Ю. Е. Тащилкин.

Все преподаватели подготовили со своими студентами и провели различные юбилейные конференции: к 60-летию Победы над фашистской Германией, 65-летию Сталинградской битвы, 70-летию Волгоградской области. Помимо юбилейных конференций, многие преподаватели (Ю. Е. Тащилкин, В. Г. Бобровников, С. Г. Стафеев, О. И. Ситникова) проводят ежегодные конференции, посвященные Сталинградской битве.

Уже почти два десятка лет краеведческий подход является важной составляющей межвузовского смотра-конкурса студенческих научных работ «Социокультурные исследования», проводимого кафедрой истории, культуры и социологии ВолГГУ. Своеобразным развитием и продолжением этого конкурса стал творческий студенческий конкурс «Край родной, навек любимый», который проходил в 2006, 2007, 2008 и 2009 годах. Организация и проведение первых студенческих краеведческих чтений в 2006 г. под девизом «Любовь к Отечеству всех доблестей начало» стали результатом исследовательской и поисковой работы студентов ВолГГУ, а также двух его филиалов – Волжского политехнического института (ВПИ) и Камышинского технологического института (КТИ). Количественный состав участников, диапазон выбранных ими тем, бурный характер обсуждения первых чтений свидетельствовали о глубоком интересе студентов к истории и культуре своего края, поэтому решено было выйти на городской уровень. С 2007 г. в краеведческих чтениях принимают участие студенты разных вузов города, прежде всего студенты Волгоградского государственного университета (ВолГУ), Волгоградского государственного педагогического университета (ВГПУ), Волгоградской академии государственной службы (ВАГС), Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета (ВолГАСУ), Волгоградской государственной академии физической культуры (ВГАФК), Международного славянского института (Волгоградский филиал), Волгоградского кооперативного института и, конечно, ВолГГУ и его филиалов – КТИ и ВПИ; несколько работ представляют школьники разных гимназий г. Волгограда. Финансовую поддержку при организации краеведческих чтений оказывает Комитет по делам молодежи администрации Волгоградской области.

Лучшие работы лауреатов смотра-конкурса студенческих работ по решению жюри и оргкомитета

митета чтений публикуются в ежегодных межвузовских сборниках научных работ студентов «Социокультурные исследования» и сборнике «Край родной, навек любимый».

Многолетний опыт преподавателей кафедры ИКС по внедрению краеведческого материала в курсы, читаемые на кафедре, позволяет однозначно заключить, что работа эта нужная и важная в контексте формирования и развития патриотических чувств у студенческой молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мир и россияне в XX веке: учеб. книга по истории / под общ. ред. проф. Г. В. Орлова. – 3-е изд., доп. – Волгоград: ГУ «Издатель», 2001. – 544 с.

2. Орлов, Г. В. Отечественная история: Россияне в мировой цивилизации: учебная книга по истории: монография / Г. В. Орлов, В. С. Акимов, Н. В. Дулина и др.; под ред. Г. В. Орлова. – 4-е изд., изм. и доп. – Волгоград: ГУ «Издатель», 2003. – 576 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Темы докладов по краеведческой тематике для студентов потока АУ машинностроительного факультета в курсе «Отечественная история» «СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНО-ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ЗЕМЛИ»

I. История Волжского края в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

1. Кочевое население Волго-Донских степей.
2. Древнейшие неолитические стоянки.
3. Археологические памятники эпохи бронзы.
4. Археологические памятники Волгоградской области как туристические объекты.

II. История Волжского края в средневековый период.

1. Золотая Орда – мощное средневековое государство.
2. Памятники Золотой Орды на территории края.

III. История Волжского края в XVI – XIX вв.

1. Происхождение названия г. Царицына.
2. Хозяйственная деятельность колонии Сарепта в XVIII – начале XX в.
3. Промышленность и ремесла Сарепты.
4. Немецкие поселения Волгоградской области.
5. Из истории царицынских храмов.
6. Монастыри Царицынского края.

IV. Казачество в истории региона.

1. Особенности расселения донского казачества.
2. Казачьи станицы: исторический опыт и современность.
3. Казачье самоуправление.
4. Казачий атаман: статус, функции и атрибуты.
5. Писатели славного Дона.

V. История края в первой половине XX века.

1. Царицын в годы первой русской революции (1905–1907 гг.).
2. Царицын в первые десятилетия XX в.: (положение рабочего класса (условия труда, заработка, быт, полит. интересы).
3. Царицын: положение крестьянства в 1900–1913 гг. (пользование землей, быт, достаток, политические интересы).
4. Царицын в революционном 1917 г.
5. Царицын в годы гражданской войны.
6. НЭП в истории края.
7. Ликвидация детской беспризорности в 1920–30-е годы.

8. Система образования в Сталинграде в 1920–30-е годы.

9. Развитие экономики в Сталинградской области в 1930-е годы.

10. Коллективизация села: успехи и просчеты.

11. Здравоохранение в Сталинграде в 1920–30-е годы.

12. Культурное строительство в Сталинграде в 1920–30-е годы.

13. Индустриализация в Сталинграде.

VI. Сталинградская область в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие.

1. Мероприятия городских властей по подготовке к обороне города Сталинградской битвы.

2. Живым остаться очень трудно.

3. Герои Сталинграда.

4. Заводы Сталинграда в дни Сталинградской битвы.

5. Роль Сталинградского ГКО в мобилизации ресурсов победы в период Великой Отечественной войны.

6. Сталинград – начало Победы.

7. Вклад районов области Сталинградскую победу.

8. Моряки в боях за Сталинград.

9. Подвиг Сталинграда в литературе.

10. Дети Сталинграда.

11. Василий Иванович Чуйков – командир легендарной 62-й Армии.

12. Защитники дома Павлова.

13. Герои-снайперы в Сталинграде.

14. Защитники Сталинграда живут рядом с нами.

15. Восстановление Сталинграда – всенародный подвиг.

16. Послевоенное возрождение г. Сталинграда.

17. Великая Отечественная война в судьбах Сталинграда и области.

18. Сталинградская битва и ее значение для достижения Великой Победы.

19. Вклад тружеников Сталинградской области в Великую Победу.

20. Сталинградская битва в художественном творчестве (поэты, писатели, художники, композиторы).

21. Вклад жителей Сталинградской области в победу на Волге.

22. Военные реликвии моей семьи.

23. Мои родственники в дни Сталинградской битвы.

24. Немецкие историки о Сталинградской битве.

25. Английские историки о Сталинградской битве.

26. Американские историки о Сталинградской битве.

VII. Волгоград в 1960–70-е годы.

1. Строительство Волго-Донского судоходного канала.

2. Строительство Волжской ГЭС.

3. Создание новых отраслей промышленности.

4. Культурное развитие в 1960–70-е годы.

VIII. Культурное наследие.

1. Культурная память в человеческих судьбах.

2. Традиции мусульманской культуры.

3. Многонациональные традиции области.

4. Народное творчество в Волгоградской области.

5. Земляки, прославившие наш город.

6. Уникальные события, факты, люди в истории города.

IX. Волгоград сегодня.

1. Сакральные места Волгограда.

2. Волгоград как историческая память и современный город.

3. Социальный образ города: люди, судьбы...

4. Штрихи к портрету современного Волгограда.

5. Социальная история города.

6. Волгоград и массовая культура.

7. Волгоград – перекресток цивилизаций.

8. Волгоград: вчера – сегодня – завтра.

9. Социальные поля Волгограда: образовательное, экономическое, конфессиональное.

А. Н. Леонтьев

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ГЕРМАНИИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: leont@vstu.ru

Система высшего образования в Федеративной республике Германия является одним из образцов для внимательного исследования в рамках идущей реформы образования в России. Именно немецкие вузы XIX века, создав Гумбольдовскую систему образования, стали образцом для подражания во многих странах мира, в том числе и в России. Так было в дореволюционную, и особенно в постреволюционную эпоху. Советская система образования с ее четкой централизацией и стандартизацией стала конечной формой развития этой системы. Диплом государственного образца олицетворяет примерно одинаковый объем знаний, который подтверждается единым набором предметов и примерно равным количеством учебных часов.

Но познакомившись вблизи с западногерманской высшей школой, можно сказать, что именно там вырабатывается собственная, чрезвычайно сложная, но сбалансированная система высшего образования. Эта система позволяет решать триединую, но противоречивую в своей основе, задачу: 1) обеспечить конституционное право на всеобщий, равный доступ к высшему образованию; 2) готовить качественные кадры в достаточном количестве; 3) организовать баланс между научным и учебным процессом. В целом идет поиск единства традиций и инноваций.

В результате получается такая организация образовательного процесса, которая позволяет не перегружать сферу занятости избыточным числом дипломированных специалистов при фактически неограниченном наборе в вузы, при этом обеспечивая высокое качество преподавательского состава путем рекрутирования лучших и мягкого, безконфликтного расставания с худшими.

Немецкая система образования в нашем понимании очень сложная, существует до десятка видов дипломов, несколько типов вузов, при признании уникальности каждого из них, а также принципиальная несводимость технического и гуманитарного образования. Диплом магистра технических наук находится за пределами понимания немецких преподавателей. Магистром может быть только гуманитарий. Но настойчивые попытки определить общие принципы германской высшей школы привело к определенным наблюдениям и выводам.

Первое – в ФРГ нет государственной общенациональной системы образования в бюрократическом понимании этого слова. Нет федерального министерства образования, вместо него Постоянная конференция министров образования и культуры земель ФРГ. Вопросы образования, в том числе и высшего, ведают регионы. Государственные университеты финансируются и управляются правительством земель. По логике диплом, выданный в одной земле (регионе), может не приниматься в другой. Но немцы эту проблему решают. И в каждом субъекте германской федерации по-своему.

Также нет и обилия негосударственных вузов, которые (помимо церковных – католических и протестантских) ориентированы в основном на иностранных студентов. Преподавание ведется на английском языке. Готовят по очень востребованным специальностям, прежде всего это бизнес и медицина.

Второе – каждый университет очень озабочен сохранением своей уникальности, самобытности и автономности. Поэтому унификация учебного процесса, образовательных программ в рамках Болонского процесса идет с большими трудностями. То, что в России ре-

шено давно и однозначно в форме Государственного образовательного стандарта, в Германии воспринимается очень негативно.

Третье – принцип академической свободы. Этот принцип, наверно, и определяет основу системы высшего образования, позволяющей любому студенту самостоятельно определять перечень дисциплин, которые он будет изучать и которые потом войдут в приложение к диплому. Таким образом, получается, что каждый дипломированный специалист уникален профилем знаний, состав которых он определил самостоятельно. Это избавляет вуз от ответственности в трудоустройстве: «что хотел – получил, а дальше – сам». Если не угадал со спектром знаний, это проблемы студента, а не ректората. Это именно тот аспект Болонского процесса, который не вызывает трудностей в Германии, но совершенно не принимается в России.

Болонский процесс у нас и в Европе имеет и другие принципиальные различия. То, что в России давно решено и не вызывает споров, в Западной Европе – камень преткновения. И наоборот, то, что в Европе обыденность, в России – неразрешимая проблема. Возьмем тот же Государственный образовательный стандарт. У нас – это привычная данность, у них – покушение на самое святое – автономию вуза.

Противоположный пример: переход из вуза в вуз. Там это не вызывает никаких проблем и носит массовый характер. У нас – серьезная проблема и без особых перспектив ее удовлетворительного решения. И последнее наблюдение: в России противниками реформ выступают прежде всего преподаватели, в Европе – студенты.

Почему так происходит? Если описывать эту проблему последовательно, то получится довольно объемистый текст, но можно выявить узловые точки, имеющие скорее культурно-исторические предпосылки, и кратко охарактеризовать их.

Прежде всего это сословный характер университетского образования. Университеты возникли в XI веке. Объективной причиной их возникновения был принцип майората в привилегированном дворянском сословии. Согласно этому принципу, только старший сын наследовал все имущество и титул родителя, а вместе с ним и социальный статус – набор прав, привилегий и обязанностей. Младшие дети лишались средств на существование и вставали перед необходимостью заниматься полезным делом за деньги, получать профессию. Монастыри не

могли вместить всех. С другой стороны, существовала потребность в профессионалах в области медицины, права, теологии. Именно для младших детей благородных родителей, способных платить за обучение, и были созданы университеты, где осуществлялась обучение молодых людей из благородного сословия.

Исторически университеты воспроизводили в своей структуре корпоративные структуры средневекового общества, как религиозные, сословные, так и производственные. Если сравнить университет и средневековый цех, то можно обнаружить множество параллелей: королевский указ или патент, закрытость, ступенчатость продвижения, экзамены и т. п. Университеты были заинтересованы в длительном обучении и стремились избавиться от каких бы то ни было внешних регуляторов.

Поэтому главным условием существования было право экстерриториальности, суверенитет и независимость от муниципальных властей. Несмотря на это, правители городов стремились открыть у себя университет, так как это способствовало развитию города. И не только за счет денег студизусов, которые те оставляли в трактирах и кабаках, но и за счет роста культуры, числа образованных людей, смягчения нравов.

Теперь несколько слов о наблюдениях, полученных в время прогулок по коридорам и посещения аудиторий университета, присутствия на лекциях. Первое, что бросилось в глаза – отсутствие общеузовского расписания. Нет больших листов бумаги, на которых расписано какая группа, в какой аудитории, с каким преподавателем и по какому предмету встречаются. И студенческих групп нет.

Есть расписание каждой конкретной аудитории. Рядом с каждой лекционной аудиторией под стеклом висит небольшой лист бумаги, где расписано какие преподаватели с лекциями, по каким курсам, в какое время посещают эту аудиторию. Аудитории открыты с 8 до 22 часов каждый день, кроме воскресенья. Одно занятие длится два астрономических часа.

В аудитории лекцию слушают как молодежь, так и люди далеко не молодежного возраста, можно сказать пенсионеры. Это особая категория слушателей, которые также, как и молодые люди, считаются студентами, но платят за учебу значительно меньше и не могут претендовать на получение диплома. Можно сказать, вольные слушатели.

В рамках традиции преподаватель начинает лекцию с небольшой задержкой, чтобы студенты расселись, и заканчивает с небольшим запозданием, чтобы у студентов было время переместиться в другой корпус, на другое занятие. Звонков нет.

Студенты не бегают по аудиториям, чтобы переписать расписание. Все это реализовано через Интернет. Войдя по паролю на свою страницу, студент имеет право выбрать на семестр заинтересовавшие его дисциплины, и машина автоматически сформирует график посещения лекций и семинаров. При этом никого не удивляет, что расписание может быть таким: понедельник – пары первая, третья и шестая; во вторник – вторая, третья; в среду занятий нет совсем; в четверг – первая и седьмая; в пятницу – только одна – с 16.00 и т. д. У другого студента свое, также оригинальное расписание. Как следствие, отсутствует такое явление, как студенческая группа. Просто есть студенты, с которыми можно встретиться на некоторых занятиях.

Понимание места и роли экзамена. По-немецки экзамен – Prüfung, по-русски – испытание. Этимологически немецкое слово восходит к значению «проверять, верить». Аналогичное русское слово – пытаться, пытка. То есть неприятность, которую надо перетерпеть. В смысле скрывается и понимание. Пытку могу выдержать все, а Prüfung – обязательно не все. В первом случае солидарность студентов поддерживается, во втором случае – отрицается. Поэтому немецкие студенты не подсказывают на экзамене и не дают списывать.

При этом нельзя сказать, что студенческая солидарность отсутствует полностью. В дни пребывания в самом разгаре была студенческая забастовка, поддерживаемая студентами из других вузов. Что же они требовали?

Например, было требование повысить объективность экзамена. Здесь требуется уточнение. Экзамен, как правило, – письменная работа, которая пишется несколько часов в аудитории. Работы сдаются обезлично, под шифром. Преподаватели, которые проверяют работы, не должны знать, кому из студентов какая работа принадлежит. Организацию экзамена и шифрование работ проводит учебный отдел деканата. Это делается для того, чтобы субъективное мнение преподавателя не влияло на объективность оценки. После проверки, обычно через несколько дней, объявляется: кто сдал экзамен, кто нет.

Именно здесь находится самая большая тайна системы образования. Фактически проверяющий дифференцирует работы на две стопки: то, что соответствует установленным требованиям, и то, что не соответствует. Но существует ли гласно или негласно установленная пропорция между этими стопками, выяснить так и не удалось. Однако многие университеты, чтобы подчеркнуть качество своих дипломов, указывают, какой процент поступивших на первый курс в итоге диплома так и не получили. И чем выше этот процент – тем лучше. Многие хотят учиться у нас, но не у всех это получается – вот кредо хорошего университета.

Или другое требование: студенты просили предоставить им возможность повторной сдачи экзамена в течении месяца после первой попытки с обязательным (очень важно!) зачетом сданного экзамена в рейтинг текущего семестра. Здесь также требуется комментарий.

Определяя свой статус в вузе, немецкий студент называет не номер курса как у нас, а номер семестра, на котором он учится. Только успешно сданные экзамены позволяют перевестись на следующий семестр. Экзаменационная эпопея длится около месяца в конце каждого семестра. Немцы не понимают, как можно выучить несданный предмет за несколько дней. Если экзамен не сдан, то необходимо прослушать курс еще раз или полгода готовиться самостоятельно. Других вариантов нет.

Приход на экзамен носит абсолютно добровольный характер. Студент приходит тогда, когда чувствует, что готов успешно сдать экзамен. Поэтому студент не только выбирает, какие экзамены ему сдавать, но и когда, в какую сессию. За несдачу сессии из университета не отчисляют, просто не переводят на следующий семестр.

Но для тех, кто взял образовательные кредиты, возникают проблемы. Они систематически отчитываются перед банком. И если банк посчитает, что учеба идет не достаточно успешно, то выдачу денег приостановят, но долг останется. Именно в денежном аспекте и заключается причина этого требования.

Следует отметить, что студент не обладает абсолютной свободой выбора дисциплин. Есть некоторые ограничения. Но это происходит как-то незаметно, без явного нажима и запретов. На уровне доброго совета или традиций. И вся эта свобода базируется на высочайшей самодисциплине немецких студентов.

Развитием принципа академической свободы является и определение ценности преподавателя и перспектив его работы. Если студенты записались на лекции, значит, дисциплина востребована и преподавателю определяют аудиторию. Если нет, то нет и аудитории, и зарплаты. Молодые и начинающие преподаватели этим очень озабочены и поэтому стремятся постоянно совершенствовать свой курс, ищут новые темы. Если в этом семестре к преподавателю записалось меньше студентов, чем в прошлом, он крепко задумывается.

Конечно, этот принцип работает не столь однозначно и механически, существует множество исключений. Например, получив должность штатного профессора университета, можно уже не беспокоиться о наполняемости аудитории – зарплата будет в любом случае.

Поэтому университеты, с одной стороны, стремятся избегать предоставления пожизненной занятости, а с другой стороны, необходимость заставляет выходить на рынок профессоров, чтобы искать и приглашать известных специалистов, в переговорах с которыми снова

возникает вопрос о гарантиях занятости. Круг замыкается.

Кроме того, есть еще и сильные профсоюзы, и мощное трудовое законодательство. Поэтому нельзя говорить о существовании единой и простой системы оплаты труда. Все достаточно сложно, но хорошо настроено и сбалансировано. В результате получается динамическое равновесие между потребностями общества, желаниями студентов, качеством преподавателей, возможностями университета и бюджетом региона.

Сразу следует оговориться, что слепо копировать опыт немецких вузов нельзя. Слишком много различий. Слишком много регулирующих механизмов, которые постоянно изменяются, совершенствуются. Кроме того, положение дел внутри вуза определяются положением дел вне вуза, и не только уровнем экономического развития страны. Но знакомиться с ними, знать их, использовать опыт необходимо, потому что у всех национальных систем образования есть общее – трансляция знаний от поколения к поколению.

Н. В. Дулина

ПОРТРЕТЫ РЕГИОНОВ В ЗАРИСОВКАХ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ

Волгоградский государственный технический университет

В октябре 2009 года в Смоленске на базе Смоленского филиала Орловской региональной академии государственной службы состоялась V Всероссийская научно-практическая конференция «Социокультурные основания стратегии развития регионов России», проводимая в рамках исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» под эгидой Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН.

В работе конференции приняли участие более полусотни специалистов и представителей органов власти из 18 регионов России. На пленарном заседании были заслушаны доклады чл.-корр. РАН, директора ЦИСИ ИФ РАН Н. И. Лапина (тема доклада «Турбулентно-застойные сферы региональных сообществ и проблема институтов их саморазвития»), д-ра социол. наук Л. А. Беляевой («Динамика уровня жизни в России и регионах: ловушки переходного периода»), зам. председателя Тюменской областной Думы Г. С. Корепанова («Социально-экономические проблемы регионального разви-

тия»), канд. психол. наук доцента А. И. Винокурова («Социокультурные ограничения развития Смоленской области»). Волгоградский регион представляла д-р социол. наук профессор Н. В. Дулина, выступив с двумя сообщениями: «Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти» и «Регионы в условиях экономического кризиса – штрихи к социокультурному портрету». Основой первого выступления стали данные, полученные в ходе проекта «Волгоградский Омнибус», проводимого Центром социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» с апреля 2007 года. Эмпирическую базу второго выступления составили данные, полученные в ходе проекта «Межрегиональный индекс кризисного сознания», реализуемого с ноября 2008 года независимыми социологическими компаниями, работающими в российских регионах и входящими в Ассоциацию региональных социологических центров «Группа 7/89».

В принятой учеными резолюции отмечались целесообразность дальнейшей разработки

социокультурных портретов различных регионов России на основе типовой методики, позволяющей обеспечить сопоставимость данных, полученных в отдельных регионах. Кроме того, представители регионов сошлись во мнении, что разработка единого инструментария исследования с использованием стандартных индексов и шкал позволяет не только обеспечить наглядность результатов, но и активизировать обмен базами данных региональных исследований, углубить сотрудничество исследовательских коллективов. Участники конференции поддержали инициативу проведения очередной научно-практической конференции по построению социокультурных портретов регионов России в 2010 году в г. Ульяновске. По результатам конференции был издан сборник материалов, отражающих теоретико-методологические и методические проблемы разработки социокультурных портретов российских регионов (см.: Социокультурные основания стратегии развития регионов России // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Смоленск, 6–9 октября 2009 г. – Смоленск: Универсум, 2009. – 296 с.).

И еще один важный итог данной конференции. Ученые согласились с предложением, что необходимо начать разработку спецкурса для вузов под общим названием «Социология регионов», благо, что задел и теоретический, и методический, и практический для такого курса разработан уже достаточно солидный. Цель, которую преследует введение такого курса в учебный процесс, в большей степени практическая (прикладная), нежели теоретическая. В первом приближении задачи такого курса были сформулированы следующим образом:

– опираясь на данные развития региона, формировать понимание социального смысла преобразований, начавшихся в нашей стране, и их последствий и перспектив для конкретного региона;

– способствовать пониманию студентами приоритетных (фундаментальных) целей развития своих регионов;

– расширить представления студентов о роли социокультурных факторов в хозяйственном развитии региона;

– дать возможность студентам приобрести навыки проведения прикладных социологических исследований по актуальной для региона проблематике;

– научить собирать, обрабатывать и использовать социальную информацию для принятия конкретных управленческих решений, затрагивающих интересы жителей региона.

На обсуждение коллег был предложен и первый (возможный) тематический, вызвавший бурную дискуссию план такого курса в вузе. Свой проект спецкурса представил Н. И. Лапин, заявив структуру курса из трех разделов и ряда тем:

I. Регион как социокультурное сообщество и общность.

1. Функции и структура региона как целостности.

2. Население и поселения региона, его экология, продолжительность жизни людей.

3. Человеческий потенциал и культурный капитал региона.

4. Социокультурная идентичность.

5. Социальная стратификация и социальная мобильность жителей региона.

II. Проблемы социокультурной эволюции региона: межрегиональное сравнение в общероссийском контексте.

1. Социальная опасность и самочувствие населения региона.

2. Уровень жизни, трудовая мотивация, продолжительность жизни в регионе.

3. Реалии эволюционной деятельности региона.

4. Правонарушения, уровень доверия власти.

III. Методология исследования развития региона.

1. Программа и инструментарий прикладного социологического исследования «Социокультурный портрет региона».

2. Социокультурное измерение стратегии и способов развития региона.

Согласившись с общим замыслом курса и возможностью использования изданной в рамках проекта научной и методической литературы в качестве его теоретического и методического сопровождения, участники дискуссии решили более обстоятельно вернуться к обсуждению этого вопроса на очередной встрече в Ульяновске, подготовив за год собственные предложения и рекомендации по разработке курса.

Введение нового курса в учебные планы, по мнению участников конференции, кроме всего прочего должно способствовать еще и решению одной из основных проблем в развитии регионов страны в настоящее время, а именно

преодолению дефицита институтов их развития / саморазвития. Сама по себе данная проблема может рассматриваться как интегральная творческая задача, решение которой означает конструирование способов саморазвития региона, форма его институционализации. Решение столь сложной задачи требует привлечения

экспертов и организации партнерского взаимодействия исследователей и управленцев-практиков. Сверхзадачей такого партнерства, по словам Н. И. Лапина, может стать разработка инновационных проектов, цель которых – дать старт или новый импульс саморазвитию региона.

Н. А. Овчар

**МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
КАК ЭТОМУ УЧАТ**

(по результатам семинара в Институте государственной службы (г. София, Болгария))

Волгоградский государственный технический университет

Волгоградский государственный технический университет в этом году подписал Меморандум о понимании с международной негосударственной организацией «Тири», которая организует образовательную сеть по всему миру, ориентированную на формирование системы ценностей гражданского общества, популяризацию идей об управлении без коррупции.

Основная задача семинара заключалась в ознакомлении с опытом проведения занятий по курсу «Морально-этические основы профессиональной деятельности» («Public Integrity») в других университетах и учебных центрах и подборе материалов для разработки аналогичного курса и отдельных модулей в ВолгГТУ.

Семинар прошел на базе Института государственной службы (г. София, Болгария), который является партнером «Тири» в образовательной программе и создании сети обучения этическим и моральным принципам поведения государственных служащих.

В качестве ведущих отдельных модулей семинара выступили тренеры, преподаватели, имеющие практический опыт в обучении и организации учебного процесса по заявленной проблематике.

Арутюн Алексанян, координатор проектов «Тири» в рамках Образовательной сети за честную службу (PIEN) по Центрально-Европейским странам, призвал обратить внимание на те этические ценности, которые отвечают идеям гражданского общества, основные принципы морально-этического поведения государственных служащих.

Румен Стефанов, профессор Нового Болгарского университета, Института государственной службы и европейской интеграции (г. София, Болгария), рассказал о том, как определя-

ется антикоррупционная политика и какие мероприятия туда могут быть отнесены, о том, какова роль специального комитета, контролирующего деятельность государственных служащих с целью недопущения коррупции.

Выступления Димитара Пенкова из Института государственной службы и европейской интеграции (г. София, Болгария) были ориентированы на передачу своего преподавательского опыта и опыта по организации тренингов и семинаров для государственных служащих, направленных на формирование определенных умений и навыков, позволяющих предотвратить коррупцию. Он указал на необходимость выстраивания образовательной системы, позволяющей, ориентируясь на различные целевые группы, применяя различные методы (тренинги, долгосрочные и краткосрочные образовательные программы, обучение на рабочем месте, дистанционное обучение) и различную структуру (модули), решать проблемы антикоррупционной политики.

Ана Василаче, исполнительный директор Фонда «Партнерский фонд за местное развитие» (Румыния), приводила примеры деятельности гражданского общества через институты прямой демократии, которые реализуются в их стране, для решения конкретных насущных проблем населения и устранения конфликта интересов чиновников и рядовых граждан. Участники семинара проработали ряд исследовательских инструментов и учебных заданий, которые с успехом могут быть применены при изучении проблем морально-этических основ профессиональной деятельности в любой сфере.

ВолгГТУ в начале 2010 года подписал Меморандум о понимании с «Тири» и взял на себя обязательства по разработке и включению мо-

дулей, посвященных проблемам этики и морали, профилактики коррупции, в учебные курсы. В силу этих обстоятельств необходимо поддерживать и развивать контакты как с «Тири», так и с организациями-партнерами, реализующими аналогичные программы в различных странах.

В настоящее время на кафедре истории, культуры и социологии ведется работа по разработке модулей, связанных с различными морально-этическими моментами и проблемами, возникающими в системе взаимодействия власти и населения. Эти модули уже в 2010/2011 гг. будут включены в учебные дисциплины по кафедре истории, культуры и социологии. Они будут представлять собой различные учебные задания, требующие индивидуальной или групповой работы, позволяющие формировать навыки решения конфликта интересов, умения этично решать непростые вопросы взаимодействия, исследовать формы проявления коррупции и пытаться оценивать их.

Такая организация учебных занятий позволит реализовывать не только образовательную, но и воспитательную функцию, связанную с формированием системы ценностей гражданского общества, умением налаживать и вести диалог с властью через институты прямой демократии, общественные организации и т. д.

Ведь именно формирование соответствующих настроений в обществе, вера в возможность преодоления коррупции, восприятие коррупции не как явления самого собой разумеющегося, а как из ряда вон выходящего и позволяет надеяться на то, что общими усилиями эту проблему можно преодолеть.

Решение проблемы коррупции положительно повлияет и на имидж России в мире, позволит рассматривать ее как страну, открытую для инвестиций, экономического сотрудничества, равноправного партнера для развитых стран, а не как сырьевой придаток.

О. И. Ситникова

СТУДЕНЧЕСКИЙ ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС «КРАЙ РОДНОЙ, НАВЕК ЛЮБИМЫЙ»

Волгоградский государственный технический университет

2 декабря 2009 года в ВолгГТУ состоялся ежегодный творческий студенческий конкурс «Край родной, навек любимый». Организация конкурса не претерпела существенных изменений по сравнению с предыдущими годами. Проведение студенческих краеведческих чтений, начиная с 2006 г. под девизом «Любовь к отчизне всех доблестей начало», стало результатом исследовательской и поисковой работы студентов ВолгГТУ, а также двух его филиалов – Волжского политехнического института (ВПИ) и Камышинского технологического института (КТИ). С 2007 г. в чтениях принимают участие студенты разных вузов города, прежде всего студенты Волгоградского государственного университета (ВолГУ), Волгоградского государственного педагогического университета (ВГПУ), Волгоградской академии государственной службы (ВАГС), Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета (ВолГАСУ), Международного славянского института (Волгоградский филиал), Волгоградского кооперативного института и, конечно, ВолгГТУ и его филиалов – КТИ и ВПИ; несколько работ, как правило, представляют школьники г. Волгограда.

Проводимый в этом учебном году конкурс был посвящен 65-летию Победы в Великой Отечественной войне и включал два направления: «Путешествуем по волжскому краю в пространстве и времени»; «Летопись памяти в камне (исторические, природные, культурные памятники нашего региона)».

Оценку работ производило сформированное оргкомитетом жюри, в состав которого вошли ведущие ученые ВолгГТУ и его филиалов. Председателем жюри бессменно является проректор по учебной работе, профессор кафедры истории, культуры и социологии ВолгГТУ Р. М. Петрунёва, заместителем председателя – доцент кафедры истории, культуры и социологии О. И. Ситникова.

По работе, принятой на смотр-конкурс, делался 5–7-минутный авторский доклад на одной из секций. Победители конкурса по каждой из секций определялись по решению жюри. Жюри вынесло окончательное заключение после обсуждения итогов работы секций по направлениям. Среди победителей смотра-конкурса следующие студенты:

1. *Молчанова А. К.* (ВолгГТУ). Работа: «Города Золотой Орды – загадка Нижневолжского

социокультурного пространства», научный руководитель – Естрина О. В.; *Шефатова М.* (ВолгГТУ). Работа: «Формирование личностных качеств у жителей казачьего поселения на основе обычаев и традиций (на примере станицы Усть-Медведицкой)», научный руководитель – Гулевская Н. А.; 2. *Погорелов И. А., Сафранов А. Д., Третьяков А. И.* (лицей № 3). Работа: «Путешествие в пространстве и времени по Тракторозаводскому району», научный руководитель – Погорелова Г. В.; *Фокин Я.В.* (КТИ – ВолгГТУ). Работа: «Шихан-гора», научный руководитель – Кудинов Н. И.; *Леонова М. С.* (ВолГАСУ). Работа: «Война в истории моей семьи», научные руководители – Орлов Г. В., Песков А. Е. 3. *Автономова А. Ю.* (КТИ-ВолгГТУ). Работа: «Ольга Сократовна Чернышевская – наша землячка», научный руководитель – Латкина Т. В.; *Пучкин А. И.* (ВолГАСУ). Работа: «Усть-Медведицкий Спасо-Преображенский монастырь: история и современность», научные руководители – Орлов Г. В., Песков А. Е.; *Абалакова И. А.* (ВолгГТУ). Работа: «Хранит глубинка преданья старины», научный руководитель – Стафеев С. Г.; *Филимонова О. В.* (ВолгГТУ). Работа: «Конфессиональное разнообразие храмового зодчества г. Волгограда», научный руководитель – Ситникова О. И. Поощрительные премии получили: *Трофимова М. А.* (ВолгГТУ).

Работа: «Из плеяды донских писателей», научный руководитель – Соловьева А. В.; *Кубанцева А. А.* (ВолгГТУ). Работа: «Культурно-историческое значение памятника Г. О. Засекину», научный руководитель – Самчук М. М.; *Кольшишникова Е. С.* (ВолГАСУ). Работа: «В. И. Першин – основатель музея Сталинградского тракторного завода», научный руководитель – Давыдова М. Ю.; *Клейн А. С.* (КТИ – ВолгГТУ). Работа: «Из плеяды партизан», научный руководитель – Кудинов Н. И.; *Москаленко А. Н.* (ВолГАСУ). Работа: «Деятельность эвакогоспиталя № 32–45 в г. Михайловка Сталинградской области в период Великой Отечественной войны», научный руководитель – Воробьев Е. П.

Победители конкурса получили дипломы лауреатов I, II и III степени. Подведение итогов смотра-конкурса и церемония награждения победителей проходили, как обычно, в тот же день после принятия жюри окончательного решения.

Лучшие работы лауреатов смотра-конкурса студенческих работ по решению жюри и оргкомитета чтений будут опубликованы в одном из ежегодных межвузовских сборников научных работ студентов «Социокультурные исследования» или «Край родной, навек любимый...».

Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, Р. М. Петрунева

СТАЛИНГРАД И СТАЛИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ – ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

Волгоградский государственный технический университет

В дни празднования 65-летия Победы в Волгоградской области прошла региональная научно-практическая конференция под названием, которое вынесено в название данного материала. Организаторами конференции выступили: Комитет по делам молодежи администрации Волгоградской области; администрации городских и сельских районов Волгоградской области; ГУ «Волгоградский областной центр по патриотической и поисковой работе», Волгоградская академия государственной службы, Волгоградский государственный педагогический университет и Волгоградский государственный технический университет (ВолгГТУ). К работе конференции было приурочено проведение «круглого стола» «Актуальные проблемы изучения истории Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы» (ведущий – д-р экон. наук профессор, председатель Обществен-

ной палаты Волгоградской области М. М. Загорюлько).

Всего в рамках работы конференции было заявлено три секции:

Секция № 1. «Великая Отечественная война в судьбах жителей Сталинграда и области».

Секция № 2. «Сталинградская битва и ее значение для достижения Великой Победы».

Секция № 3. «Сталинградская область в годы Великой Отечественной войны».

Первая и вторая секции проводились на базе Волгоградского государственного педагогического университета, третья секция – в ВолгГТУ. Работа третьей секции включала следующие мероприятия: пленарное заседание, работу подсекций и экскурсию по университету.

Время проведения конференции «Сталинград и Сталинградская область – Великой Победе» по времени практически совпало с празд-

нованием другой важной для технического университета даты – 80-летия ВолгГТУ. И впервые на пленарном заседании столь представительной конференции слово было предоставлено студентам, которые предложили свое видение и понимание истории родного университета. Были заслушаны два студенческих выступления: «История ВолгГТУ: хроника событий» (О. А. Московчук и Д. Ю. Шумовский) и «История ВолгГТУ в лицах и судьбах» (Ю. К. Шолохова и Д. Ю. Шумовский). Оба доклада сопровождались презентациями и были подготовлены под руководством канд. ист. наук доцента ВолгГТУ О. И. Ситниковой.

На первой подсекции (руководитель – канд. ист. наук доцент кафедры истории, культуры и социологии (ИКС) ВолгГТУ О. И. Ситникова, секретарь – научный сотрудник ГУ «Волгоградпатриотцентр Ю. В. Макарова») были заслушаны в основном доклады школьников из районов Волгограда и Волгоградской области. Однако право открыть заседание подсекции было доверено студенткам из ВолгГТУ Сабине Акобян (гр. ЭМ–154, научный руководитель – канд. ист. наук доцент кафедры ИКС С. Е. Прошечкин) и Ирине Бирюковой (гр. ПП–152, научный руководитель – канд. ист. наук доцент кафедры ИКС О. И. Ситникова). С. Ш. Акобян выступила с докладом «Партизанское движение в Сталинградской области в дни Великой битвы», а И. А. Бирюкова – с докладом «Новый Рогачик в дни Сталинградской битвы».

На второй подсекции (руководитель – канд. ист. наук доцент кафедры ИКС ВолгГТУ С. Е. Прошечкин, секретарь – начальник отдела ГУ «Волгоградпатриотцентр» Е. В. Нестеренко) были заслушаны доклады студентов вузов, аспирантов, научных сотрудников музеев Волгоградской области, преподавателей вузов. Всего в рамках этой подсекции было представлено около 30 докладов студентов ВолгГТУ. Тематика выступлений студентов поражает своим разнообразием, глубиной проработки выбранной темы, а порой и чувственно-эмоциональной окраской выступления. Назовем наиболее яркие из выступлений студентов.

Под научным руководством канд. ист. наук, старшего преподавателя кафедры ИКС ВолгГТУ Е. Г. Ефимова были подготовлены выступления следующими студентами: А. А. Кузнецовым («Сталинградская битва в письмах немецких солдат»), Ю. Е. Бочаровой («Английские и американские историки о Сталинградской битве»),

А. В. Мочалиной («Немецкие историки о Сталинградской битве»); под руководством канд. ист. наук доцента кафедры ИКС О. И. Ситниковой выступили А. Измайлов («Символы патриотизма») и О. В. Филимонова («Мой дедушка и его военные реликвии»); под руководством канд. филос. наук доцента кафедры философии А. П. Стручалиной выступила А. Ю. Никулина («Роль молодежных организаций в процессе восстановления Сталинграда»). Большая группа студентов была подготовлена канд. ист. наук доцентом кафедры ИКС С. Е. Прошечкиным. Костяк этой группы составили студенты факультета экономики и управления ВолгГТУ А. А. Кастюрина («Дети Сталинграда в дни Великой битвы»), О. А. Семенова («Героизм бойцов дивизии Людникова»), А. В. Симонова («Летчики-качинцы в грозном небе Сталинграда»), В. В. Пауанов («Взгляд с той стороны: воспоминания немецких солдат и офицеров о сражении под Сталинградом»), Т. Б. Пяршина («Подвиг матроса Михаила Паникахи»), Е. А. Полянская («Женщины Сталинграда») и др. Под руководством канд. ист. наук доцента кафедры ИКС М. М. Самчук были подготовлены следующие доклады: «Вклад сталинградских железнодорожников в Великую Победу на Волге» (Д. С. Ключков, Ю. Н. Орлова), «Волжские переправы осенью 1942 г.» (Т. М. Муромцева), «Медаль за оборону Сталинграда» (С. Губанова), «Ленинский район Сталинградской области – фронту» (В. А. Копонов). Под руководством канд. филос. наук доцента кафедры ИКС ВолгГТУ О. В. Естриной выступила студентка М. О. Дубова («Немецкие военнопленные и восстановление Сталинграда»).

Перечислить только темы всех студенческих докладов, заявленных в рамках данной подсекции, просто невозможно. Обратим лишь внимание на то, что со студентами, кроме уже упомянутых преподавателей, работали: канд. ист. наук доцент кафедры ИКС В. Г. Бобровников, канд. ист. наук доцент кафедры ИКС С. Г. Стафеев, канд. ист. наук доцент Волгоградского филиала Современной гуманитарной академии А. А. Самчук. Активное участие в работе подсекции приняли преподаватели кафедры истории и политологии ВолгГАСУ: д-р ист. наук профессор, заведующий кафедрой Г. В. Орлов; канд. ист. наук старший преподаватель Д. А. Белов; канд. пед. наук доцент А. Е. Песков; канд. ист. наук доцент Е. П. Воробьев; канд. филос. наук доцент А. И. Семенов; старший препода-

ватель Р. С. Романенко; канд. ист. наук старший преподаватель М. Ю. Давыдова.

Собственной командой на этой подсекции выступили студенты из Камышинского технологического института (филиал) ВолгГТУ. Е. С. Верещагина (гр. КВТ–091, научный руководитель – канд. ист. наук доцент кафедры «Гуманитарные науки» Е. В. Гаврилова) представила тему «Образ Великой Отечественной войны в творчестве советских художников второй половины XX века». А. С. Клейн (гр. КВТ–091, научный руководитель – канд. ист. наук доцент кафедры «Гуманитарные науки» О. А. Ильина), тема выступления – «Герой Советского Союза Роберт Александрович Клейн – мой дедушка». Ю. А. Ращевская (гр. КТМ–091, научный руководитель – преподаватель кафедры «Гуманитарные науки» Н. И. Кудинов), тема выступления – «Рассказ о подвиге моего дедушки». Н. В. Фомин (гр. КМЕНС–091, научный руководитель – преподаватель кафедры «Гуманитарные науки» Н. И. Кудинов), тема выступления – «Ялта-45: Сталин, Рузвельт, Черчилль».

На третьей подсекции (руководитель – канд. филос. наук доцент кафедры ИКС ВолгГТУ О. В. Естрина, секретарь – начальник отдела ГУ «Волгоградпатриотцентр» М. В. Мыськова) были заслушаны доклады преподавателей вузов, руководителей различных общин и землячеств, специалистов отдела национальных отношений Комитета по делам национальностей и казачества администрации Волгоградской области, научных сотрудников музеев области. Основная тематика выступлений – это вклад в общую большую победу, например, выступления В. Н. Авдеевой (работник архивного отдела администрации Жирновского муниципального района) на тему «Жирновский район в годы Великой Отечественной войны», Ю. С. Рожковой (научный сотрудник Быковского районного краеведческого музея) «Вклад тружеников Быковского района в Великую Победу», Е. А. Емельяновой (педагог-организатор МУ СДЦ «Перекресток» Дзержинского района Волгограда) и др. В выступлениях представителей землячеств акцент сместился на вклад представителей конкретного народа в Победу на Волге. Это, например, такие темы, как: «Воины Осетии – Герои Сталинградской битвы», «Кабардино-балкарцы – участники и герои битвы на Волге», «Карачаевцы и черкесы в боях за Сталинград», «Сыны Ингушетии в боях за Сталинград» и др.

Интересные темы были предложены работниками музеев. Например, Н. А. Кевпанич (за-

меститель директора МОУ Мокроольховская СОШ Котовского муниципального района) предложила тему «Школьный музей как средство патриотического воспитания школьников», В. С. Конаков (старший научный сотрудник МУК Дубовский районный музейный комплекс) выступил с докладом «Документы и фотографии военных лет» МУК «Дубовский районный музейный комплекс», М. М. Самко (заведующая отделом Волгоградской областной научной универсальной библиотеки им. М. Горького) рассказала о «Культурно-просветительской деятельности в г. Сталинграде и области в годы Великой Отечественной войны» и др.

Самый широкий спектр в тематике был предложен, что неудивительно, преподавателями вузов. Назовем наиболее, на наш взгляд, интересные темы выступлений. «Сталинградский медицинский институт в годы войны», авторы – В. И. Сабанов (д-р мед. наук профессор Волгоградского государственного медицинского университета) и Л. Н. Грибина (канд. мед. наук доцент Волгоградского государственного медицинского университета); «Сталинградская область в годы Великой Отечественной войны: ретроспективные оценки участников событий», автор – Е. П. Воробьев (канд. ист. наук доцент Волгоградского филиала МГЭИ); «Пигалев Д. М.: страницы фронтовых будней города и человека. 1941–1943 гг.», авторы – Ю. Ф. Болдырев (канд. ист. наук доцент ВА МВД России), М. И. Кулачкина (библиограф, ВА МВД России), Т. Д. Абуялаев (студент ВА МВД России); «Сталинград: пространство войны», авторы – Е. Ю. Леонтьева (д-р филос. наук профессор ВолгГТУ) и Н. Л. Виноградова (д-р филос. наук профессор ВолгГТУ); «Студенты Волгограда о Великой Отечественной войне (по итогам социологического исследования)», авторы – Н. В. Дулина (д-р соц. наук профессор ВолгГТУ) и Н. А. Овчар (канд. соц. наук доцент ВолгГТУ); «Память о войне как один из факторов, объединяющих общество», автор – О. И. Ситникова (канд. ист. наук доцент ВолгГТУ); «Памятники Великой Отечественной войны как основа формирования исторического пространства региона», автор – И. Н. Наумов (канд. ист. наук доцент ВолгГТУ); «Солдатский фольклор Великой Отечественной войны», авторы – Н. О. Ленивихина (ВГПУ) и И. И. Скворцов (ВолгГТУ); «Военные аэродромы в период Сталинградской битвы», авторы – Д. А. Белов (канд. ист. наук доцент ВолгГАСУ) и Е. С. Бачурина (ассистент ВолгГАСУ) и др.

В положении о региональной научно-практической конференции, посвященной 65-му юбилею Победы в Великой Отечественной войне, ее цель была сформулирована следующим образом: активизация работы по изучению истории Сталинградской битвы и Великой Отечественной войны, воспитание патриотизма у населения Волгоградской области. Среди задач акцент сделан на следующих направлениях:

– развитие интереса у населения Волгоградской области к изучению истории Родины через практическое участие в сохранении памяти об известных и безымянных героях Великой Отечественной войны;

– активизация патриотического воспитания населения Волгоградской области через научно-исследовательскую работу по материалам истории России и родного края;

– пропаганда и повышение престижа научно-исследовательской деятельности.

В целом, как заключили участники конференции, цель и задачи конференции в полном объеме реализованы, мероприятие состоялось. Докладчики и слушатели этой конференции сошлись во мнении, что проведение подобного рода мероприятий очень важно не только с точки зрения формирования чувства патриотизма и гордости за свою Родину у молодежи (и в первую очередь у школьников и студентов). Не менее важной задачей выступает обозначение актуальных проблем изучения истории вообще, истории Великой Отечественной войны и Сталинградской битвы в частности, поскольку конференция дала богатую информацию для размышлений и материал для дальнейшего осмысления о боевых действиях на территории Сталинградской области и их влияния на ход второй мировой войны, о вкладе тружеников Сталинградской области в Великую Победу.

Н. В. Дулина, Н. А. Овчар

НЕ ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ: СТУДЕНЧЕСТВО О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Волгоградский государственный технический университет

Как правило, когда мы обращаемся к памяти, то понимаем ее как функцию времени, причем времени прошедшего. Именно в памяти оседают представления людей о героических событиях отечественной истории, отдельных героях и выдающихся деятелях, ярких достижениях страны. Эти представления играют роль ценностных и нравственных ориентиров, способствуют укреплению гражданского самосознания и патриотизма. Но память хранит и иные картины прошлого: бесславные войны, жестокие репрессии, невзгоды и лишения... Память всегда избирательна: что-то стирается в памяти народной, что-то, напротив, сохраняется, цементируя общество, делая его единым целым. Как зафиксировала и сохраняет память молодежи события Великой Отечественной войны? Кого из героев этой войны они помнят? Какие события войны считают важнейшими? Как оценивают студенты вклад в победу над фашизмом разных стран? Хранятся ли в семьях реликвии военных лет?

Ответ на эти и ряд других вопросов российские социологи в год 65-летия Победы в Великой Отечественной войне (ВОВ) получили в ходе межрегионального социологического ис-

следования «Студенчество о Великой Отечественной войне». Объект исследования – студенты вузов пятнадцати городов России. В выборке представлены следующие города страны: Альметьевск, Белгород, Волгоград, Екатеринбург, Краснодар, Магадан, Магнитогорск, Москва, Нальчик, Нижневартовск, Нижний Новгород, Пермь, Тюмень, Уфа, Челябинск. Исследование, для обеспечения сопоставимости данных по разным регионам, проводилось по единой методике в апреле 2010 года.

Всего в ходе исследования было опрошено около 3500 студентов из пятнадцати городов страны. Инициаторами проведения исследования выступили Уральский государственный технический университет (УГТУ–УПИ) и Российское общество социологов (РОС) (Институт социологии РАН, г. Москва), руководителем творческого коллектива является д-р филос. наук профессор УГТУ Ю. Р. Вишневский, соруководителем – вице-президент РОС Е. И. Пронина. Обработка общего массива полученных данных проводится специалистами кафедры социологии и социальных технологий управления УГТУ.

В общий массив данных от Волгограда было принято 402 анкеты студентов, из них 43 ан-

кеты – это представители Волгоградского государственного университета, остальные – это студенты Волгоградского государственного технического университета (ВолгГТУ). В ВолгГТУ были опрошены представители всех курсов и факультетов университета.

Результаты, полученные в ходе опроса студентов вузов страны, требуют глубокого осмысления. Обработка полученных данных еще продолжается, но уже есть и предварительные данные, на некоторые из них хотелось бы обратить внимание.

Нельзя не заметить, что в перечне городов, в которых проходил опрос студентов, именно Волгоград имеет особую собственную историю, связанную с историей ВОВ. Не осталось данное обстоятельство не замеченным и студентами. Отвечая на вопрос о важнейших событиях ВОВ, почти 60 % опрошенных студентов на первое место поставили битву за Сталинград, далее, со значительным отрывом, идут такие события, как Курская дуга (48 %), блокада Ленинграда (45 %), битва под Москвой (29 %), битва за Берлин (13 %). Более того, данные исследования свидетельствуют, что студенты нашего города испытывают более эмоционально-окрашенные чувства к событиям ВОВ, чем студенты других городов. Мы можем предложить собственное объяснение данного факта, но пока сознательно приводим только цифры без каких-либо наших комментариев и интерпретации этих данных.

81 % опрошенных студентов не согласились с мнением, что «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно». Вопрос о том, хранятся ли реликвии ВОВ в семье, разделил аудиторию пополам: 49 % студентов ответили, что хранятся, столько же (49 %) ответили, что не хранятся. Помнят студенты полководцев и героев ВОВ. В ранжированном ряду ответов первое почетное место со значительным отрывом от всех других имен занимает маршал Г. К. Жуков (79 %), но что очень, на наш взгляд, важно, перечисляя имена героев, которых хранит их память, студенты писали, например, «Ждынов – мой прадед», или просто без указания фамилии «Мой прадед», «Мой дед». Среди фильмов о ВОВ студенты чаще упоминали такие фильмы: «В бой идут одни старики» (38 %), «А зори здесь тихие...» (29 %), «Василий Теркин» (14 %), «Семнадцать мгновений войны» (13 %), «Они сражались за Родину» (10 %). Среди песен два безусловных лидера – «Катюша»

(47 %) и «День Победы» (45 %). Далее идут «Священная война» (12 %), «Смуглянка» (11 %), «Синий платочек» (8 %), «Три танкиста» (7 %), «Темная ночь» (7 %), «Журавли» (5 %) и т. д.

Мы не случайно обращаем внимание на этот перечень художественных произведений о ВОВ (понятно, что он значительно шире и включает в себя не только фильмы и песни). Мы полагаем, что существует определенная значимая связь между тем, что студенты смотрят, слушают, видят, и формированием их отношения к событиям ВОВ, к событиям, которые происходят в стране в настоящее время. И, главное, как следствие, способствуют или не способствуют формированию чувства гражданина и патриота своей страны. Считают себя патриотами почти четверть опрошенных (23 %). «Скорее да, чем нет» – такую альтернативу указали 57 % опрошенных студентов, «скорее нет, чем да» – 14 %, и еще 4 % респондентов признались, что патриотами себя назвать никак не могут. Остальные просто затруднились с ответом.

А патриот – это кто? По мнению опрошенных студентов, быть патриотом России – это значит: уважать и знать историю России (69 %), испытывать гордость за свою страну (58 %), уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста (49 %), испытывать чувство ответственности за происходящее в стране (34 %), быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны (29 %), принимать участие в общественной и политической жизни страны (16 %), не уклоняться от службы в армии (12 %), честно и добросовестно трудиться (10 %). И далее по убывающей с общей долей менее 5 %: обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране; покупать в основном отечественные товары; любить свою страну; не мечтать покинуть страну; принимать Россию такой, какая она есть...

При анализе данных, полученных в ходе исследования, перед социологами стоит и такая задача, как понять Россию такой, какая она есть в представлениях и понимании студентов вузов. Понятно, что представления эти разные. Но что, на наш взгляд, важно. Вместе с распадом Советского Союза ушла институциональная озабоченность воспитанием советского патриотизма и любви к родине, но сама проблема патриотизма в социальной жизни общества никуда не делась и даже приобрела более острый характер в связи с новыми реалиями.

Следует признать, что в последние годы патриотическая проблематика вновь обозначилась на горизонте отечественного обществоведения, но актуальность ее еще недостаточно осознается в рамках современной социокультурной ситуации.

Искренне надеемся, что результаты выполненного исследования помогут не только разработать мероприятия по совершенствованию путей и средств формирования патриотизма у молодежи, но и глубже понять сущность само-

го феномена патриотизма. Ну, например, почему патриотические чувства возбуждают и конструктивную, и деструктивную активность? Патриотизм – это безусловно гуманистическая ценность? Какие новые механизмы формирования патриотизма как нормы-ценности порождает современное общество? Вопросов на самом деле много. Частично ответы на них авторский коллектив планирует дать в монографии (отв. ред. Ю. Р. Вишневский), работа над которой сейчас идет полным ходом.

Научное издание

ИЗВЕСТИЯ
Волгоградского государственного технического университета
№ 9(69), 2010 г.

Серия "ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ"
(Выпуск 8)

Межвузовский сборник научных статей

Редактор *Е. В. Кравцова*
Компьютерная верстка *Е. В. Макаровой*

Темплан заказной литературы 2010 г. (научные издания). Поз. № 66з.
Подписано в печать 10.09.2010. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 19,89.
Тираж 150 экз. Заказ

Волгоградский государственный технический университет.
400131, Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 1.

Отпечатано в типографии ИУНЛ ВолгГТУ
400131, Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 7.

Научное периодическое издание «Известия Волгоградского государственного технического университета» (серия «Проблемы социально-гуманитарного знания») извещает, что статьи в ежегодный сборник принимаются до 30 апреля каждого года.

Материалы представляются на бумажном и электронном носителях по рубрикам: «Философия», «Социология», «Культурология», «Педагогика и психология», «Научная жизнь: хроника, события, комментарии», «Книжная полка». Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не соответствующие профилю издания или оформленные с нарушением требований.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Материалы статьи должны предоставляться в двух видах: печатном (А4, 1 экземпляр) и электронном. На электронном носителе название файла должно содержать первые буквы (латинские) фамилии первого автора и цифру, если автор подает более одной статьи.

1. Текст статьи набирается в редакторе Word for Windows: шрифт Times New Roman, размер – 14, интервал – 1. Распечатывается статья на белой бумаге (1 экз.). Поля: верхнее – 20 мм, нижнее – 30 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм.

2. Объем обзора – 25–35 страниц; объем статьи – 5–7 страниц, включая таблицы и библиографический список.

3. Схема построения статьи: индекс УДК; название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилии авторов; наименование организации (или организаций), e-mail, текст статьи; библиографический список. При наличии авторов из нескольких организаций необходимо звездочками указать принадлежность каждого автора.

Желательно придерживаться следующего порядка изложения текста статьи: краткое введение, экспериментальная часть, результаты и их обсуждение, выводы, библиографический список.

Текст статьи набирается с применением автоматического переноса слов.

4. Таблицы представляются на отдельных листах и должны иметь порядковый номер (если их больше одной) и название. Сокращение слов в таблицах не допускается.

5. Рисунки выполняются на отдельных листах в графических редакторах Excel, Corel Draw и др. Размер рисунка не должен быть более стандартного листа формата А4. На обороте каждого рисунка пишется карандашом фамилия первого автора, название статьи и номер рисунка. Подписи к рисункам оформляются на отдельном листе.

6. Краткая аннотация и ключевые слова – на русском языке (печатаются на отдельном листе).

7. Краткая аннотация (включая название статьи, фамилии авторов и название организации) и ключевые слова – на английском языке (печатаются на отдельном листе).

8. Библиографический список представляется на отдельном листе и оформляется в соответствии со следующими правилами.

Оформление библиографических ссылок и примечаний

- Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера.

- Пристатейный список литературы, озаглавленный как БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК, составляется либо в алфавитном порядке, либо в порядке цитирования. Он должен быть оформлен согласно ГОСТу 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

- Образец оформления списка литературы:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурдые, П. Социология политики: пер. с фр. / П. Бурдые. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Витгенштейн, Л. Logisch-philosophische Abhandlung = Логико-философский трактат // Философские работы / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 520 с.
3. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
4. Качанов, Ю. Л. Социальная реальность и пространство – время социального мира / Ю. Л. Качанов // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003 / под ред. Л. М. Дробижевой. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – С. 57–74.
5. Малинецкий, Г. Выбор стратегии / Г. Малинецкий // Компьютерра. – 2003. – № 38 (513). – С. 25–31.

- Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы.

Фамилии авторов, полное название книг и журналов приводятся на языке оригинала. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

9. Статья должна быть подписана всеми авторами.

10. К статье должны быть приложены:
- сведения об авторах (имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание, домашний адрес, номер телефона домашний и служебный, e-mail);
  - экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати; для аспирантов, соискателей – отзыв доктора наук по профилю представляемого материала (научного руководителя);
  - для всех – рецензия на статью (внешняя – от рецензента из другой организации).

Статьи принимаются ответственным секретарем сборника

Надеждой Андреевной Овчар

г. Волгоград, пр. Ленина, 28, ВолГГУ, кафедра истории, культуры и социологии, ауд. 310, тел. (8442) 24 81 41, e-mail Izvest.VSTU@gmail.com

Лично материалы можно доставить по адресу: г. Волгоград, пр. Ленина, 28, к. 244 Раисе Маратовне Петрунёвой (raissa@vstu.ru), тел. (8442) 24–80–15; к. 308 Надежде Васильевне Дулиной (dulina@vstu.ru), тел. (8442) 24–81–41; к. 241 Елене Юрьевне Леонтьевой (philos@vstu.ru), тел. (8442) 24–80–97.

Редакция дорожит своей репутацией и обращает внимание авторов, что плата за публикацию статей не взимается!